ПРАКТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА

РУССКАГО ЯЗЫКА

для

НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

I

СОСТАВИЛЪ Н. АЛЯБЬЕВЪ.

[Ч. I.- Этимология]

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ А. И. МАМОНТОВА, АРМЯНСКІЙ ПЕР. № 14.
1866.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая грамматику для народныхъ училищъ, я особенно старался соблюсти необходимыя условія подобнаго рода учебника: *ясность и понятность* изложенія. Поэтому я и употребилъ сократовскій методъ изложенія тамъ, гдѣ онъ казался мнѣ болѣе удобнымъ, именно при опредѣленіи частей рѣчи.

Далѣе. Такъ какъ грамматика называется практической, то я хотѣлъ по возможности наглядно представить образцы педагогическихъ пріемовъ и, стараясь о томъ, чтобы грамматика до нѣкоторой степени могла замѣнить собою учащимся хрестоматію, приводилъ статьи для грамматическихъ объясненій и упражненій, при томъ такія, которыя заключали бы въ себѣ примѣры на предложенныя правила и объясненія. Большая часть приведенныхъ статей относится къ народнымъ произведеніямъ, какъ-то: пѣснямъ, сказкамъ, поговоркамъ, загадкамъ; изъ произведеній же нашихъ писателей, за веесьма небольшими исключеніями, взяты такія статьи, которыя, какъ по содержанію своему, такъ и по языку приближаются къ народному пониманію и народной рѣчи.

Въ главѣ объ образованіи частей рѣчи мнѣ хотѣлось обратить вниманіе учащихъ на эту часть грамматики, которая, кромѣ своего научнаго интереса, важна въ педагогическомъ отношеніи тѣмъ, что пріучаетъ учащихся разбирать слово на его составныя части, отъ чего происходитъ сознательное правописаніе и умѣнье объяснять значеніе многихъ словъ.

Въ главѣ объ измѣненіи частей рѣчи мнѣ тоже хотѣлось обратить особенное вниманіе на то, что грамматика не учитъ склонять и спрягать, а только объясняетъ, что̀ такое склоненіе и спряженіе и въ чемъ они состоятъ. Только въ этомъ случаѣ и будетъ смыслъ — русскихъ людей учить склонять и спрягать по русски.

Догадки и предположенія свои касательно нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ, какъ не имѣющія права грамматическаго гражданства, помѣщены мною въ примѣчаніяхъ.

Наконецъ, такъ какъ къ практическому занятію языкомъ необходимо должно относиться и чтеніе русскихъ произведеній, то я къ грамматикѣ сдѣлалъ особое приложеніе — сводъ пѣсней объ Ильѣ Муромцѣ. Кромѣ занятнаго чтенія онъ важенъ для объясненія многихъ грамматическихъ правилъ, особенно склоненій, спряженій, образованія словъ, употребленія прилагательныхъ краткихъ. Во избѣжаніе сбивчивости для учащихся мѣстныя, слишкомъ рѣзкія особенности выговора, какъ напр. Былина, записанная въ Шенкурскомъ уѣздѣ, замѣнены болѣе употребительными.

ПРЕДМЕТЪ ГРАММАТИКИ.

Каждая наука чему нибудь учитъ. То, чему наука учитъ, называется предметомъ науки. Поэтому и грамматика, какъ наука, должна имѣть свой предметъ. Предметъ, которому учитъ грамматика, называется языкомъ. Слѣдовательно, грамматика есть *наука объ языкѣ*.

Вопросъ. А что такое языкъ?

Отвѣтъ. Языкомъ обыкновенно называется кусокъ мяса во рту.

В. Для чего человѣку служитъ этотъ кусокъ мяса?

О. Для того во-первыхъ, чтобы узнавать вкусъ пищи, а во-вторыхъ еще для того, чтобы говорить.

В. А можно ли говорить безъ языка?

О. Нѣтъ, нельзя и не только тогда, когда его нѣтъ вовсе, но и когда онъ есть, да уродливъ или имѣетъ недостатки, какъ напр. у нѣмыхъ, или когда имъ не привыкли еще владѣть, какъ напр. новорожденные младенцы.

В. До которыхъ поръ дѣти не умѣютъ говорить?

О. До тѣхъ поръ, пока не привыкнутъ владѣть языкомъ, какъ слѣдуетъ.

В. Ну а когда имъ что нибудь хочется или не хочется, что̀ они тогда дѣлаютъ?

О. Они руками и разными тѣлодвиженіями показываютъ, что хотятъ, или трясутъ головой, когда чего не хотятъ.

В. Ну а не выражаютъ-ли они какъ нибудь иначе?

О. Выражаютъ неясными звуками: когда имъ что нибудь нравится, напр. конфета или что нибудь сладкое, они произносятъ *тссаа*; а когда что не нравится, они кричатъ или произносятъ *нее*.

В. Можно-ли объ нихъ сказать въ это время, что они ужъ говорятъ?

О. Нѣтъ, потому что неясные и неопредѣленные звуки издаютъ и животныя, напр. блеютъ овцы, мычатъ коровы, чирикаютъ воробьи, про которыхъ нельзя сказать, что они говорятъ.

В. Когда же дѣти начинаютъ говорить?

О. Когда они побольше станутъ смыслить и прислушиваться, какъ говорятъ большіе, тогда и сами сперва привыкаютъ лепетать: *тата, мама, муу,* а потомъ уже явственно произносятъ слова: *отецъ, мать, корова.* —

В. А когда ребенокъ явственно произноситъ слова, можно ли про него сказать, что онъ ужъ умѣетъ говорить?

О. Нѣтъ, нельзя, потому что онъ затвердилъ только нѣкоторыя слова, означающія названія предметовъ, а въ разговоръ еще не пускается и ничего не говоритъ объ этихъ предметахъ.

В. А когда же онъ начинаетъ говорить?

О. Когда онъ будетъ *сказывать* что нибудь о тѣхъ предметахъ, которыхъ названія онъ запомнилъ; напр. если его спросятъ: что дѣлаетъ мать?, а онъ скажетъ: *мать пѣтъ;* вотъ тогда можно сказать, что уже ребенокъ умѣетъ говорить.

В. А отъ чего зависитъ это умѣнье говорить?

О. Отъ того, что онъ больше сталъ смыслить и лучше владѣть языкомъ.

Такъ вотъ это *умѣнье говорить,* что смыслишь, и называется также языковъ на томъ основаніи, что это умѣнье зависитъ отъ развитія куска мяса или языка.

I. Логическая часть грамматики.

а) О подлежащемъ, сказуемомъ и предложеніи.

В. Слѣдовательно, въ какомъ смыслѣ употребляется въ грамматикѣ слово—языкъ?

О. Въ смыслѣ умѣнья говорить.

В. А можно-ли говорить, не понимая и не разсуждая о томъ, о чемъ говоришь?

О. Нѣтъ; такъ говорятъ только ученые попугаи, которые ничего не понимаютъ и не разсуждаютъ о томъ, что говорятъ, хотя и ясно произносятъ заученныя слова.

В. А какже говоритъ человѣкъ?

О. Человѣкъ всегда понимаетъ то, объ чемъ хочетъ говорить и называетъ какимъ нибудь словомъ.

В. А говоритъ-ли онъ обо всемъ вдругъ, или выбираетъ то, объ чемъ хочетъ говорить?

О. Да, изъ множества разныхъ названій онъ выбираетъ слова или названія тѣхъ предметовъ, объ которыхъ онъ хочетъ говорить.

Такъ вотъ названіе того предмета, объ которомъ мы говоримъ или который подлежитъ нашему размышленію, и называется *подлежащимъ,* потому что объ немъ главнымъ образомъ надлежитъ говорить. Выберите названіе такого предмета, о которомъ что нибудь скажите.

О. Положимъ — *мальчикъ.*

В. Что выражается этимъ словомъ?

О. Названіе небольшаго роста и молодыхъ лѣтъ человѣка.

В. Сказали-ли вы что нибудь объ немъ или нѣтъ?

О. Нѣтъ, мы только выбрали для разговора это названіе, а ничего еще объ немъ не говорили.

В. Слѣдовательно, когда это слово будетъ подлежащимъ?

О. Когда мы что нибудь объ немъ скажемъ, напр. *мальчикъ* читаетъ.

В. Для чего нужно было слово: *читаетъ?*

О. Для того, чтобы сказать что нибудь о подлежащемъ.

Такъ вотъ то слово, которымъ что нибудь сказывается о подлежащемъ, называется *сказуемымъ.*

В. Есть-ли въ этихъ двухъ словахъ: *мальчикъ читаетъ* мысль, или нѣтъ?

О. Есть, потому что есть пониманіе предмета, выбраннаго для разговора, именно подлежащаго *мальчикъ,* и потомъ разсужденіе о немъ, заключающееся въ сказуемомъ *читаетъ.*

В. Слѣдовательно, чтобы былъ смыслъ въ томъ, что хочешь сказать, что непремѣнно должно быть?

О. Непремѣнно должно быть то, о чемъ говоришь и что говоришь, иначе подлежащее и сказуемое.

В. А когда человѣкъ говоритъ, то говоритъ-ли онъ одинъ съ самимъ собою или съ кѣмъ нибудь другимъ?

О. Всегда съ кѣмъ нибудь другимъ, который его слушаетъ.

В. Стало быть, что же говорящій дѣлаетъ?

О. Онъ предлагаетъ другому выслушать свое сужденіе объ чемъ нибудь.

Такъ вотъ сказанное со смысломъ сужденіе и называется *предложеніемъ*, потому что оно всегда предлагается кому нибудь его выслушать или прочесть.

В. А можетъ-ли быть предложеніе безъ подлежащаго или сказуемаго?

О. Нѣтъ, непремѣнно должно быть подлежащее и сказуемое.

Вотъ поэтому подлежащее и сказуемое называются *главными* словами или частями предложенія. Приберите сказуемыя къ слѣдующимъ подлежащимъ: домъ.........., птица......, дождь......, огонь......., ребенокъ.......... Приберите къ слѣдующимъ сказуемымъ подлежащія: течетъ...., лаетъ......, бѣжитъ........, кричитъ...., лежитъ....... Найдите, сколько предложеній въ слѣдующемъ примѣрѣ и загадкахъ, гдѣ подлежащее и сказуемое въ каждомъ предложеніи.

Зима прошла,
Весна настала.
Лягушка квачетъ,
Овесъ скачетъ.
Крестьянинъ веселится,
Рожь колосится.
Солнце грѣетъ,
Рожь зрѣетъ,
Лѣто минётся
Хлѣбъ соберется.

Загадка 1-я.

Щука двинетъ,
Лѣсъ вянетъ,
Городъ станетъ.

Загадка 2-я.

Не грѣшна,
А повѣшена.

Загадка 3-я.

Оглобли остались.
А дровни помчались.

б) О слитномъ предложеніи.

Возьмемъ слѣдующій примѣръ: *дѣвочка бѣжала, упала и заплакала.*

В. Объ комъ тутъ говорится?

О. Объ дѣвочкѣ.

В. Слѣдовательно *дѣвочка* что такое будетъ?

О. Подлежащее.

В. А гдѣ сказуемое?

О. Бѣжала.

В. Только?

О. Нѣтъ, еще *упала и заплакала.*

В. Гдѣ же у этихъ двухъ сказуемыхъ подлежащее?

О. То-же *дѣвочка.*

В. Для чего же подлежащее при остальныхъ двухъ сказуемыхъ опущено?

О. Для того, чтобы одного и того же подлежащаго не повторять три раза: *дѣвочка бѣжала, дѣвочка упала, дѣвочка заплакала.*

В. Сколько сказуемыхъ въ слѣдующемъ примѣрѣ: *лошади, коровы и бараны пасутся?*

О. Одно: *пасутся.*

В. А подлежащихъ?

О. Три: 1) *лошади,* 2) *бараны,* 3) *коровы.*

В. Къ которому-же изъ этихъ трехъ подлежащихъ относится сказуемое?

О. Ко всѣмъ тремъ.

В. Если къ тремъ, то отъ чего же оно не сказано три раза?

О. Чтобы не повторять одного и того же сказуемаго три раза: *лошади пасутся, коровы пасутся, бараны пасутся.*

В. Слѣдовательно, что̀ вы замѣтили при разборѣ этихъ двухъ примѣровъ?

О. Если нѣсколько сказуемыхъ относятся къ одному подлежащему, или нѣсколько подлежащихъ къ одному сказуемому, то для краткости въ первомъ случаѣ подлежащія, а во второмъ сказуемыя не повторяются, а ставятся одинъ разъ.

В. А когда пропускали подлежащія и сказуемыя, то не замѣтили-ли вы, что̀ вмѣсто пропущеннаго подлежащаго или сказуемаго ставилось?

О. Ставились слова: *и, да.*

В. Напримѣръ?

О. Напр. вмѣсто того, чтобы говорить: *жилъ старикъ, жила старуха*, лучше пропустить одно сказуемое *жила* и вмѣсто него поставить *и* или *да*, напр: *жилъ старикъ да старуха* или *жилъ старикъ и старуха*. Такъ вотъ такого рода предложенія, въ которыхъ подлежащія или сказуемыя сокращаются и соединяются словами *и, да*, называются *слитными* предложеніями.

Разберемъ слѣдующее предложеніе: *мухи и комары летаютъ и кусаются.* Это предложеніе слитное, потому что четыре предложенія слиты или соединены въ одно слѣдующимъ образомъ: 1) мухи летаютъ, 2) комары летаютъ, 3) мухи кусаются, 4) комары кусаются. Чтобы не повторять по два раза сказуемыя въ этихъ четырехъ предложеніяхъ, пропустимъ ихъ и поставимъ вмѣсто нихъ *и*, тогда будетъ: 1) мухи *и* (вмѣсто летаютъ) комары летаютъ, 2) мухи *и* (вмѣсто кусаются) комары кусаются. Чтобы не повторять по два раза одного и того же подлежащаго въ этихъ двухъ предложеніяхъ, одно пропустимъ и вмѣсто него поставимъ *и*, тогда будетъ: 1) мухи и комары летаютъ *и* (вмѣсто мухи и комары) кусаются.

Сократите предложенія въ одно слитное въ слѣдующихъ двухъ примѣрахъ:

1) Грачъ черенъ, воронъ черенъ, галка черна, скворецъ черенъ. 2) Солнце восходитъ, солнце свѣтитъ, солнце грѣетъ, солнце заходитъ.

в) О безличномъ предложеніи.

В. Сколько предложеній въ этомъ примѣрѣ: *говорятъ, дождь идетъ*?

О. Два: *1) говорятъ* и *2) дождь идетъ*.

В. Гдѣ въ этихъ предложеніяхъ сказуемыя?

О. Говорятъ и *идетъ*.

В. Гдѣ подлежащія?

О. Во второмъ *дождь*, а въ первомъ неизвѣстно.

В. А кто можетъ говорить?

О. Люди.

В. Такъ какое подлежащее можно тутъ предположить?

О. Подлежащее: *люди*.

В. Но высказано-ли оно въ предложеніи: *говорятъ*?

О. Нѣтъ.

В. Слѣдовательно, что иногда можетъ быть съ подлежащимъ?

О. Оно можетъ подразумѣваться.

В. А сколько въ этомъ примѣрѣ предложеній: *сказываютъ, морозитъ*?

О. Два: 1) *сказываютъ* и 2) *морозитъ*,

В. Гдѣ сказуемое въ первомъ предложеніи?

О. Сказываютъ.

В. А подлежащее?

О. Подлежащаго не сказано, но оно можетъ подразумѣваться, именно—люди.

В. А во второмъ предложеніи гдѣ сказуемое и подлежащее?

О. Сказуемое: *морозитъ*, а подлежащаго нѣтъ.

В. Но развѣ можетъ быть предложеніе безъ подлежащаго?

О. Нѣтъ, не можетъ, потому что нельзя говорить ни объ чемъ, напр. если скажемъ: *идетъ, бѣжитъ*, то не будетъ полнаго смысла.

В. А когда скажутъ *морозитъ*, то тоже не будетъ смысла?

О. Нѣтъ, тутъ есть смыслъ.

В. Отъ чего же это? Подумайте, что̀ можетъ морозить?

О. Морозъ.

В. Такъ какое же подлежащее тутъ опущено?

О. Морозъ.

В. А отъ чего его можно было опустить?

О. Потому что оно заключается въ самомъ сказуемомъ, именно: *тепло* не можетъ *морозить*.

В. Такъ что̀ вы замѣтили въ этихъ трехъ предложеніяхъ: *говорятъ, сказываютъ, морозитъ*?

О. То, что въ нѣкоторыхъ предложеніяхъ подлежащія часто совсѣмъ опускаются; но ихъ можно подразумѣвать.

Такъ вотъ тѣ предложенія, въ которыхъ подлежащія по видимому опущены, называются *безличными* предложеніями.

Отыщите безличныя предложенія въ слѣдующихъ примѣрахъ:

1) думаютъ, гроза будетъ; 2) *полагаютъ, разсвѣло*; 3) *вѣроятно, смеркается*; 4) *мнѣ снилось, я гулялъ*; 5) *поется мнѣ, пою; не весело, молчу.*

г) О дополненіи.

В. Скажите какое нибудь предложеніе?

О. Крестьянинъ коситъ.

В. Гдѣ сказуемое?

О. Коситъ.

В. Сказано-ли, что̀ онъ коситъ?

О. Нѣтъ.

В. Нельзя-ли сказать яснѣе?

О. Можно, напр. *крестьянинъ коситъ траву.*

В. Отъ чего это стало яснѣе?

О. Отъ того, что мы прибавили къ сказуемому слово *траву.*

Такъ вотъ это слово въ предложеніи, которое прибавляется къ сказуемому или которымъ дополняется ясность сказуемаго, называется *дополненіемъ*. Придумайте дополненія къ слѣдующимъ предложеніямъ: 1) мальчикъ пишетъ..........; 2) дѣвочка читаетъ..........; 3) коршунъ унесъ.......; 4) волкъ съѣлъ........; 5) лошадь ушибла..........

В. Не замѣтили-ли вы на какіе вопросы ставились найденныя дополненія?

О. На вопросы: кого? и что?

Такъ вотъ дополненіе на вопросы: кого? и что? называется *прямымъ* дополненіемъ или главнымъ, потому что отъ него больше всего зависитъ ясность и полнота смысла сказуемаго. Если скажемъ напр. *крестьянинъ рубитъ*, то прежде всего является вопросъ кого? или что? именно прямое дополненіе: *крестьянинъ рубитъ дрова.*

В. А кромѣ этого вопроса нельзя-ли сдѣлать другіе?

О. Можно: кому? или для кого? чѣмъ? Напр. *крестьянинъ рубитъ дрова для себя топоромъ.*

Такъ вотъ тѣ дополненія, которыя ставятся на прочіе во-

просы: кому? чему? для кого? для чего? за что? про что? на что? объ комъ? на чемъ? и др. въ отличіе отъ прямаго называются *косвенными*. Найдите въ слѣдующихъ предложеніяхъ прямыя и косвенныя дополненія.

1) Бабушка рѣжетъ внучатамъ хлѣбъ ножемъ; 2) *Прохожій приноситъ отцу вѣсть объ сынѣ*; 3) *Рыболовъ наловилъ на уху удочкой карасей*; 4) *Пастухъ заигралъ на рожкѣ*; 5) *Дѣдушка говоритъ внучку сказку про старину*; 6) *Ястребъ поднялъ цыпленка когтями за спину*; 7) *Честный стоитъ головой за правду*; 8) *Стряпуха печетъ блины на сковородѣ*; 9) *Нянька взяла ребенка на руки*, 10) *Старушка вяжетъ для дочери чулки на спицахъ.*

Разберемъ, сколько въ слѣдующемъ анекдотѣ предложеній, и найдемъ въ каждомъ предложеніи подлежащее, сказуемое и дополненіе.

*) Лиса и Ракъ.

Лиса и ракъ стоятъ и разговариваютъ. Лиса говоритъ раку: «давай съ тобой перегоняться.» Ракъ говоритъ лисѣ: «давай.» Начали перегоняться. Лиса побѣжала, а ракъ уцѣпился лисѣ за хвостъ. Лиса добѣжала до мѣста, а ракъ не отцѣпляется. Лиса обернулась, вернула хвостомъ, ракъ отцѣпился и говоритъ: «я тебя жду.»

Подлежащія.	*Сказуемыя.*	*Дополненія.*
1) Лиса и ракъ	стоятъ и разговариваютъ.	—
2) Лиса	говоритъ	раку.
3) (Подразумѣв: ты)	давай	перегоняться, съ тобой.
4) Ракъ	говоритъ	лисѣ.
5) (Подразумѣв: ты)	давай.	—
6) (Подразумѣв. они)	Начали	перегоняться.
7) Лиса	побѣжала.	—
8) Ракъ	уцѣпился.	лисѣ, за хвостъ.
9) Лиса	добѣжала	до мѣста.
10) Ракъ	не отцѣпляется.	—

*) Народныя сказки Аѳанасьева. Выпускъ III.

11) Лиса обернулась. —
12) (Подразумѣв. она:) вернула. хвостомъ.—
13) Ракъ отцѣпился и говоритъ. лисѣ.
14) Я жду тебя.

Въ числѣ этихъ предложеній два слитныхъ: 1) *лиса и ракъ стоятъ и разговариваютъ* — образовалось отъ опущенія подлежащихъ и сказуемыхъ, которыя повторялись въ 4-хъ слѣдующихъ предложеніяхъ: а) *лиса стоитъ*, б) *лиса разговариваетъ*, в) *ракъ стоитъ*, г) *ракъ разговариваетъ*; 2) *ракъ отцѣпился и говоритъ лисѣ*—образовалось изъ соединенія двухъ предложеній, чтобы не повторять подлежащаго: а) *ракъ отцѣпился*, б) *ракъ говоритъ лисѣ*.

Разберите точно также слѣдующую сказку:

*) Лиса и Кувшинъ.

Къ мужику повадилась лиса ходить куръ красть. Мужикъ повѣсилъ кувшинъ. Вѣтеръ въ кувшинъ дуетъ. Онъ гудитъ: бу-бу-у, бу-бу-у. Приходитъ лиса и слушаетъ, что̀ гудитъ; увидала кувшинъ, схватила его за обрывокъ и надѣла себѣ на шею. «Погоди кувшинище-дурачище, я тебя, говоритъ, утоплю,» и понесла въ прорубь; стала его топить. Кувшинъ захлебнулся водою: буркъ-буркъ-буркъ-буркъ и тянетъ съ собою лису на дно Лиса проситъ: «Кувшинъ! Кувшинъ! не топи меня, я не буду, я тебя постращать хотѣла.» Кувшинище-дурачище не слушается, тянетъ на дно и утопилъ лису.

д) Объ обстоятельствахъ.

В. Скажите какое нибудь предложеніе?

О. Люди бѣгутъ.

В. Скажите пообстоятельнѣе на слѣдующіе вопросы: сколько ихъ?

О. Впятеромъ.

В. Какъ они бѣгутъ?

О. Скоро.

---

*) Народныя сказки, изд. Эрленвейна. Стр. 142.

В. Откуда?

О. Изъ лѣсу.

В. Въ какую пору?

О. Вечеромъ.

В. За чѣмъ?

О. Укрыться.

В. Отъ чего?

О. Отъ дождя.

В. Какое предложеніе будетъ обстоятельнѣе и яснѣе: 1) *люди бѣгутъ* или 2) *люди впятеромъ бѣгутъ скоро изъ лѣсу вечеромъ укрыться отъ дождя?*

О. Послѣднее обстоятельнѣе.

В. Отъ чего это произошло?

О. Отъ того, что мы для ясности къ сказуемому прибавляли разныя слова.

Такъ вотъ эти слова, которыя придаются къ сказуемому для большой ясности или обстоятельности мысли, называются словами *обстоятельственными или обстоятельствами*.

Теперь разсмотримъ порознь тѣ слова, которыя прибавляли къ сказуемому, что каждое изъ нихъ означаетъ.

В. За чѣмъ прибавлено *скоро*?

О. Чтобы показать, какъ бѣгутъ люди.

В. *Впятеромъ* что̀ означаетъ?

О. Счетъ или число.

В. *Изъ лѣсу*?

О. Мѣсто, откуда они бѣгутъ.

В. *Вечеромъ*?

О. Время, когда они бѣгутъ.

В. *Укрыться*?

О. Цѣль, за чѣмъ они бѣгутъ.

В. *Отъ дождя*?

О. Причину, которая заставляетъ ихъ искать убѣжища.

В. Слѣдовательно, эти слова обстоятельственныя одно ли и тоже показываютъ, или разное имѣютъ значеніе?

О. Разное, именно: *мѣсто, время, счетъ* и. т. д.

Такъ вотъ обстоятельства, смотря по тому, что они показы-

ваютъ, бываютъ шести родовъ: 1) *обстоятельство образа дѣйствія* ставится при сказуемомъ на вопросъ какъ? 2) *мѣста* на вопросы: гдѣ? куда? откуда? 3) *времени* на вопросъ когда? 4) *счета* или *мѣры* на вопросы: сколько? во сколько? 5) *причины* на вопросы: отъ чего? почему? 6) *цѣли* на вопросы: за чѣмъ? для чего? —

Найдите въ слѣдующихъ загадкахъ и пословицахъ обстоятельства и скажите какого рода каждое:

Загадка 4.	*Загадка 5.*	*Загадки 6.*
Весной веселитъ.	Рогатъ, да не быкъ.	Живетъ безъ тѣла,
Лѣтомъ холодитъ,	Хватаетъ, да не сытъ.	Говоритъ безъ языка,
Осенью питаетъ,	Людямъ отдаетъ,	Никто его не видитъ,
Зимой согрѣваетъ.	А самъ на отдыхъ идетъ.	А всякій слышитъ.

Загадка 7.	*Загадка 8.*
Днемъ курица ребрится,	Идетъ въ баню черенъ,
А къ ночи въ уголъ садится.	Выходитъ красенъ.

Поговорки.

1) Про одни дрожди не говорятъ трижды. 2) Ичется съ голоду, а дрожится съ холоду.

Разберемъ, сколько предложеній въ слѣдующемъ анекдотѣ и найдемъ, въ какомъ предложеніи какія обстоятельственныя слова:

*) Мужикъ и попугай.

Однажды приходитъ мужикъ къ барину; вошелъ въ горницу и сталъ; а у барина былъ попугай; онъ только и умѣлъ говорить: «дуракъ мужикъ.» Мужикъ стоитъ у порога, а попугай чисто выговариваетъ: «дуракъ мужикъ!» А мужикъ все ему кланяется, а далѣе говоритъ: «извините, сударь, я думалъ, что вы птица.» —

Предложенія.	*Обстоятельства.*
1) Однажды приходитъ къ барину мужикъ,	*однажды* обст. времени.
2) вошелъ въ горницу и сталъ,	*въ горницу* обст. мѣста.
3) а у барина былъ попугай:	—
4) Онъ только и умѣлъ говорить «дуракъ мужикъ».	*только* обст. мѣры и счета.
5) Мужикъ стоитъ у порога,	*у порога* обст. мѣста.
6) а попугай чисто выговариваетъ: «дуракъ мужикъ!»	*чисто* обстоят. образа дѣйствія.
7) А мужикъ все ему кланяется.	*все* обст. мѣры.
8) А далѣе говоритъ:	*далѣе* обст. мѣры.
9) «Извините сударь!	—
10) Я думалъ,	—
11) Что вы птица.»	—

Разберите точно также по предложеніямъ слѣдующую сказку и укажите обстоятельственныя слова въ каждомъ предложеніи.

**) Зимовье звѣрей.

Шелъ быкъ лѣсомъ; попадается ему на встрѣчу баранъ. «Куды, баранъ, идешь?» спросилъ быкъ.—Отъ зимы лѣта ищу, говоритъ баранъ. «Пойдемъ со мною!» Вотъ пошли вмѣстѣ; попадается имъ на встрѣчу свинья. «Куды, свинья, идешь?» спросилъ быкъ.— Отъ зимы лѣта ищу, отвѣчаетъ свинья. «Иди съ нами!» Пошли втроемъ дальше; на встрѣчу имъ попадается гусь. «Куды, гусь, идешь?» спросилъ быкъ.—Отъ зимы лѣта ищу, отвѣчаетъ гусь. «Ну, иди за нами!» Вотъ гусь и пошелъ за ними. Идутъ, а на встрѣчу имъ пѣтухъ. «Куды, пѣтухъ, идешь? спросилъ быкъ.—Отъ зимы лѣта ищу, отвѣчаетъ пѣтухъ. «Иди за нами.» Вотъ идутъ они путемъ-дорогою и разговариваютъ промежъ себя: «какъ же, братцы-товарищи! Зима приходитъ, гдѣ тепла искать?» Быкъ и сказываетъ.» Ну, давайте избу строить; а то впрямь зимою позамерзнемъ.» Баранъ говоритъ: «у меня шуба тепла—я и такъ прозимую.» Свинья говоритъ: «а по мнѣ хотя какія морозы—я не боюсь; зароюся въ землю и безъ избы прозимую.» Гусь говоритъ: а я сяду въ середину ели, одно крыло постелю, а другимъ одѣнуся, — меня холодъ не возьметъ; я и такъ прозимую.» Пѣтухъ гово-

**) Народныя сказки Аѳанасьева. Выпускъ 3-й.

ритъ: «и я тожъ!» Быкъ видитъ — дѣло плохо, надо одному хлопотать. «Ну, говоритъ, вы какъ хотите; а я стану избу строить.» Выстроилъ себѣ избушку и живетъ въ ней. Вотъ пришла зима, стали пробирать морозы; баранъ—дѣлать нечего—приходитъ къ быку: «пусти, братъ, погрѣться.» — Нѣтъ, баранъ, у тебя шуба тепла; ты и такъ перезимуешь. Не пущу! «А коли не пустишь, то я разбѣгуся и вышибу изъ избы бревно; тебѣ же будетъ холоднѣе.»

Быкъ думалъ-думалъ: «дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозитъ» — и пустилъ барана. Вотъ и свинья прозябла, пришла къ быку: «пусти, братъ, погрѣться.»—Нѣтъ, не пущу; ты въ землю зароешься, и такъ прозимуешь! «А не пустишь, такъ я рыломъ всѣ столбы подрою, да твою избу уроню.» Дѣлать нечего, надо пустить; пустилъ и свинью. Тутъ пришли къ быку гусь и пѣтухъ: «пусти, братъ, къ себѣ погрѣться.»—Нѣтъ; не пущу. У васъ по два крыла: одно постелишь, другимъ одѣнешься; и такъ прозимуете! «А не пустишь, говоритъ гусь, такъ я весь мохъ изъ стѣнъ повыщиплю; тебѣ же холоднѣе будетъ.» — «Не пустишь? говоритъ пѣтухъ, такъ я взлечу на верхъ, землю съ потолка сгребу, тебѣ же холоднѣе будетъ.» Что дѣлать быку? пустилъ жить къ себѣ и гуся и пѣтуха. Вотъ живутъ они себѣ да поживаютъ въ избушкѣ. Отогрѣлся въ теплѣ пѣтухъ и началъ пѣсенки распѣвать. Услышала лиса, что пѣтухъ пѣсенки распѣваетъ, захотѣлось пѣтушкомъ полакомиться, да какъ достать его? Лиса поднялась на хитрости, отправилась къ медвѣдю, да волку и сказала: «ну куманьки! я нашла поживу: для тебя, медвѣдь быка; для тебя, волкъ, барана; а для себя пѣтуха.»—Хорошо, кумушка! говоритъ медвѣдь и волкъ, мы услугъ никогда не забудемъ! пойдемъ же, приколимъ да поѣдимъ! Лиса привела ихъ къ избушкѣ. «Кумъ, говоритъ она медвѣдю, отворяй дверь, я напередъ пойду, пѣтуха съѣмъ.» Медвѣдь отворилъ дверь, а лисица вскочила въ избушку. Быкъ увидалъ ее и тотчасъ прижалъ къ стѣнѣ рогами, а баранъ началъ осаживать по бокамъ; изъ лисы и духъ вонъ. «Что она тамъ долго съ пѣтухомъ не можетъ управиться? говоритъ волкъ. Отпирай, братъ Михайло Ивановичъ! я пойду.»—Ну, ступай. Медвѣдь отворилъ дверь, а волкъ вскочилъ въ избушку. Быкъ и его прижалъ къ стѣнѣ рогами, а баранъ ну осаживать по бокамъ и такъ его приняли, что волкъ и дышать пересталъ. Вотъ медвѣдь ждалъ-ждалъ: «что онъ до сихъ поръ не можетъ управиться съ бараномъ! дай я пойду.» Вошелъ въ избушку; а быкъ да баранъ и его также приняли. Насилу вонъ вырвался и пустился бѣжать безъ оглядки.

e) Объ опредѣленіяхъ.

В. Скажите предложеніе, къ которомъ было бы только подлежащее и сказуемое.

О. *Домъ стоитъ*.

В. Нельзя-ли подлежащее обозначить яснѣе?

О. Можно, напр. *деревянный домъ*.

В. Нельзя-ли объ немъ еще яснѣе сказать?

О. Можно, напр. *небольшой, крытый соломой, новенькій*....

В. Чей домъ?

О. *Крестьянина Петра*.

В. Такъ для чего нужны были эти слова: *деревянный, небольшой, крытый соломой, новенькій, крестьянина Петра?*

О. Для того, чтобы пояснить подлежащее.

В. Скажите предложеніе, въ которомъ было бы подлежащее, сказуемое и дополненіе?

О. *Мальчикъ разбилъ чашку*.

В. Скажите пояснѣе объ *чашкѣ* на слѣдующіе вопросы: чью? какого цвѣта? для чего она служитъ?

О. *Свою чайную голубую чашку*.

В. Для чего вы прибавили слова: *свою, чайную, голубую?*

О. Для того, чтобы пояснить дополненіе.

В. Скажите предложеніе, въ которомъ было бы подлежащее, сказуемое и обстоятельство.

О. *Ѳедоръ живетъ въ городѣ*.

В. Въ какомъ?

О. *Въ большомъ, столичномъ*.

В. Какъ называется городъ?

О. *Москвѣ*.

В. Для чего же нужны были слова: *большомъ, столичномъ, Москвѣ?*

О. Чтобы пояснить обстоятельство.

Такъ вотъ тѣ слова, которыя прибавляются къ подлежащему, дополненію и обстоятельству для того, чтобы яснѣе обозначить ихъ или опредѣлить, называются словами *опредѣлительными* или *опредѣленіями*.

Найдите опредѣленія въ слѣдующихъ загадкахъ:

Загадка 9.

Летитъ звѣрекъ.
Черезъ Божій домокъ;
Самъ съ собой говоритъ:
Вотъ моя силка горитъ.

Загадка 10.

Маленькій да гнутенькій
Весь лугъ обопелъ.

Загадка 11.

Летитъ птица горбатая,
Напередъ проклятая;
Носикъ долгій,
Голосъ тонкій,
Кто ее убьетъ,
Человѣчью кровь прольетъ.

Разберемъ, сколько въ слѣдующемъ стихотвореніи предложеній и къ какой части предложенія прибавляются опредѣленія.

Доля бѣдняка.

У чужихъ людей
Горекъ бѣлый хлѣбъ,
Брага хмѣльная —
Неразмывчива.
Рѣчи вольныя —
Все какъ связаны;
Чувства жаркія
Мрутъ безъ отзыва.....
Изъ души-ль порой
Радость вырвется,—
Злой насмѣшкою
Вмигъ отравится.
И бѣлъ-ясенъ день
Затуманится;
Грустью черною
Міръ одѣнется.
И сидишь, глядишь
Улыбаючись,
А въ душѣ клянешь
Долю горькую!

Кольцовъ.

Предложенія.		*Опредѣленія.*
1) У чужихъ людей Горекъ бѣлый хлѣбъ,	1	*чужихъ* опредѣленіе къ обстоятельству—у людей. *бѣлый* опредѣленіе къ подлежащему—хлѣбъ.
2) Брага хмѣльная — Не размывчива!	2	*хмѣльная* опредѣленіе къ подлежащему.
3) Рѣчи вольныя Все какъ связаны,	3	*вольныя* опредѣленіе къ подлежащему.
4) Чувства жаркія Мрутъ безъ отзыва.....	4	*жаркія* опредѣленіе къ подлежащему.
5) Изъ души-ль порой Радость вырвется,—	5	— — — — — — — —
6) Злой насмѣшкою Вмигъ отравится.	6	*злой* опредѣленіе къ дополненію — насмѣшкою.
7) И бѣлъ-ясенъ день Затуманится;	7	*бѣлъ-ясенъ* опредѣленіе къ подлежащему.
8) Грустью черною Міръ одѣнется.	8	*черною* опредѣленіе къ дополненію.
9) И сидишь-глядишь Улыбаючись,	9	— — — — — — — —
10) А въ душѣ клянешь Долю горькую!	10	*горькую* опредѣленіе къ дополненію.

Найдите, сколько предложеній въ слѣдующемъ стихотвореніи и какія въ какомъ предложеніи опредѣленія.

Урокъ (*).

На лужайкѣ дѣтскій крикъ:
Учитъ грамотѣ ребятъ
Весь сѣдой ворчунъ--старикъ,
Отставной солдатъ.

(*) Изъ Беранже, переводъ Курочкина.

— Я согнулся, я ужъ слабъ,
А виды видалъ!
Унтеръ не былъ-бы, когда бъ
Грамотѣ не зналъ!
Дружно, дѣти! всѣ заразъ:
Буки-азъ! буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

У меня ль въ саду цвѣтокъ;
Насадилъ я каждый самъ,
И изъ тѣхъ цвѣтовъ вѣнокъ
Грамотному дамъ.
Битый, правду говоритъ
Молвь людей простыхъ—
Стоитъ двухъ, кто не былъ битъ.
Грамотей—троихъ.
Дружно, дѣти! всѣ заразъ:
Буки-азъ! буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Митя, видишь карандашъ?
За моей слѣди рукой:
Это *иже,* а не *нашъ*;
Экой срамъ какой!
Да, прислушайте: съ полкомъ
Въ Греціи, я былъ,
Въ двадцать, значитъ..... а въ какомъ,
Значитъ, позабылъ.
Дружно, дѣти! всѣ заразъ;
Буки-азъ! буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Отстояли мы друзей!
Разъ, иду себѣ одинъ,
Вижу, школа для дѣтей
У воротъ Аѳинъ.
Въ школѣ учится морякъ
Дѣтямъ не подстать;
Я взглянулъ—и какъ дуракъ
Началъ хохотать.
Дружно, дѣти! всѣ заразъ:
Буки-азъ! буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Но учитель мнѣ сказалъ:
«Ты глупѣй ребенка самъ:
«Ты героя осмѣялъ,
«Страшнаго врагамъ.
«Онъ за Грековъ мстилъ—предъ нимъ
«Трепеталъ султанъ,
«И упалъ, сожженъ живымъ,
«Вражій капитанъ.»
Дружно, дѣти! всѣ заразъ:
Буки-азъ! буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

«Гордость края моего—
«Онъ Канари — да!
«Въ мірѣ встрѣтили его
«Горе и нужда;
«Онъ, умѣя побѣждать,
«Сѣлъ букварь учить,
«Все за тѣмъ, чтобы опять
«Греціи служить!»
Дружно, дѣти! всѣ заразъ:
Буки-азъ! буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Весь зардѣвшись, въ сторонѣ
Я въ смущеніи стоялъ;

Но герой сжалъ руку мнѣ,
Слово мнѣ сказалъ.....
Мнѣ послышался завѣтъ
Бога самого:
Знанье—вольность, знанье-свѣтъ:
«Рабство безъ него!»
Дружно, дѣти! всѣ заразъ:
Буки-азъ! буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Курочкинъ.

Теперь повторимъ вкратцѣ все пройденное. Возьмемъ слово *мать* и будемъ что нибудь объ немъ говорить; тогда слово *мать* будетъ подлежащимъ, потому что оно будетъ подлежать *нашему* размышленію; скажемъ *мать шьетъ*; слово: *шьетъ* будетъ сказуемымъ, потому что оно сказываетъ, что́ дѣлаетъ мать. Эти два слова, соединенныя вмѣстѣ, образуютъ предложеніе, потому что въ нихъ выражается мысль того, который предлагаетъ другимъ выслушать или прочесть то, что говоритъ или пишетъ. Но это предложеніе не совсѣмъ ясно, потому что неизвѣстно, *что́ мать шьетъ*. Чтобы пояснить мысль, нужно пополнить сказуемое, хоть словомъ: *рубашку*; тогда выйдетъ болѣе ясное предложеніе: *мать шьетъ рубашку*. Такъ какъ слово: *рубашку* пополняетъ сказуемое, то называется прямымъ дополненіемъ, потому что прежде всего нужно сказать, *чѣмъ мать* занимается. Но кромѣ прямаго дополненія можно для ясности прибавить еще другія дополненія на вопросы: для кого? кому? и чѣмъ? напр. *мать шьетъ рубашку сыну иголкой*. Слово: *сыну* и *иголкой* будутъ косвенныя дополненія, потому что, хотя не прямо, тоже пополняютъ сказуемое. Но сказуемое можно еще яснѣе выразить, обстоятельно сказавши о мѣстѣ, времени, цѣли, образѣ шитья матери, напр. *мать вечеромъ на лавкѣ старательно шьетъ сыну рубашку иголкой къ празднику*. Здѣсь слово: *вечеромъ*, *на лавкѣ*, *старательно*, *къ празднику* будутъ обстоятельства, потому что обстоятельно поясняютъ сказуемое. Но и это предложеніе можно выразить еще яснѣе, если пояснить подлежащее, дополненія и обстоятельства, напр. *Добрая мать позднимъ вечеромъ на деревянной лавкѣ весьма старательно шьетъ маленькому сыну красную рубашку стальной иголкой къ празднику — Пасхѣ*. Здѣсь слова: *добрая*, *позднимъ*, *деревянной*, *весьма*, *маленькому*, *красную*, *стальной*, *Пасхѣ*—будутъ называться опредѣленіями,

потому что они придаютъ подлежащему, дополненію и обстоятельству разныя качества, которыми отличаютъ ихъ и тѣмъ самымъ опредѣляютъ. И такъ, ясность предложенія мѣнялась отъ того, что мы прибавляли то дополненія, то обстоятельства, то опредѣленія, которыя поясняли первоначальную мысль. Предложеніе въ первоначальномъ видѣ, которое состояло только изъ подлежащаго и сказуемаго, называется *нераспространеннымъ*; а когда кромѣ нихъ есть дополненіе, обстоятельство или опредѣленіе, то называется *распространеннымъ*. Сейчасъ мы изъ нераспространеннаго дѣлали распространенное предложеніе, теперь, наоборотъ, изъ распространенныхъ будемъ образовать нераспространенныя. Раздѣлимъ слѣдующее стихотвореніе на предложенія, отъ которыхъ сперва отбросимъ опредѣленія, потомъ обстоятельства и дополненія.

Дорога.

Тускло мѣсяцъ дальній
Свѣтитъ сквозь тумана
И лежитъ печально
Снѣжная поляна.
Бѣлыя съ морозу
Вдоль пути рядами
Тянутся березы
Съ голыми сучками.

Тройка мчится лихо,
Колокольчикъ звонокъ,
Напѣваетъ тихо
Мой ямщикъ съ просонокъ.
Я въ кибиткѣ валкой
Ѣду, да тоскую:
Скучно мнѣ, да жалко
Сторону родную. —

Огаревъ.

Безъ опредѣленій.	*Безъ обстоятельствъ.*	*Безъ дополненій.*
1) Тускло мѣсяцъ свѣтитъ сквозь тумана.	1) Мѣсяцъ свѣтитъ.	1) Мѣсяцъ свѣтитъ
2) И лежитъ печально поляна.	2) И лежитъ поляна.	2) И лежитъ поляна.
3) Съ морозу вдоль. пути рядами тянутся березы	3) Тянутся березы.	3) Тянутся березы.
4) Тройка мчится лихо,	4) Тройка мчится	4) Тройка мчится,

5) Колокольчикъ звонокъ,	5) Колокольчикъ звонокъ,	5) Колокольчикъ звонокъ,
6) Напѣваетъ тихо ямщикъ съ просонокъ.	6) Напѣваетъ ямщикъ.	6) Напѣваетъ ямщикъ.
7) Я въ кибиткѣ ѣду,	7) Я въ кибиткѣ ѣду,	7) Я ѣду,
8) Да тоскую:	8) Да тоскую:	8) Да тоскую:
9) Скучно мнѣ,	9) Скучно мнѣ,	9) Скучно мнѣ,
10) Да жалко сторону. —	10) Да жалко сторону	10) Да жалко.

Разберите точно также слѣдующую сказку.

Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.

Жилъ старикъ со своей старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ одной тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травой морской;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ;
Пришелъ неводъ съ золотой рыбкою,
Съ непростою рыбкой золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молитъ человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
«Дорогой за себя дамъ выкупъ:
«Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь.»
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо.
Я сегодня поймалъ было рыбку,
Золотую рыбку не простую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась,
Откупалась, чѣмъ только пожелаю.

Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море.
Старика старуха забранила:
Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю,
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою,
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсѣмъ раскололось.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ:
Будетъ вамъ новое корыто.
Воротился старикъ ко старухѣ;
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выпроси ужъ избу.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю
(Помутилося синее море);
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою;
Избу проситъ сварливая баба.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ.
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда:
Передъ нимъ изба со свѣтёлкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми тесовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ:
Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть черною крестьянкой,
Хочу быть столбовой дворянкой.
Пошелъ старикъ къ синему морю
(Не спокойно синее море).
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,

Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою;
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Воротился старикъ ко старухѣ:
Что жъ онъ видитъ? Высокій теремъ,
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой соболевой душегрѣйкѣ!
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги;
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
Здравствуй, барыня сударыня, дворянка!
Чай теперь твоя душенька довольна.
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.
Вотъ недѣля-другая проходитъ;
Еще пуще старуха вздурилась:
Опять къ рыбкѣ старуха посылаетъ.
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей.
Испугался старикъ, взмолился:
Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь,
Насмѣшишь ты цѣлое царство.
Осердилася пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа:
Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью;
Не пойдешь, поведутъ по-неволѣ.
Старичекъ отправился къ морю
(Почернѣло синее море).
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольной царицей.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:

Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!
Старичекъ къ старухѣ воротился;
Чтожъ? Предъ нимъ царскія палаты.
Въ палатахъ видитъ свою старуху,
За столомъ сидитъ она царицей.
Служатъ ей бояре, да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вина,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидилъ старикъ, испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна.
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали.
А въ дверяхъ-то сторожа подбѣжали,
Топорами чуть не изрубили;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся.
По дѣлòмъ тебѣ, старый невѣжа!
Впередъ тебѣ, невѣжа, наука:
Не садися не въ свои сани!
Вотъ недѣля-другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть вольной царицей,
Хочу быть владычицею морскою.
Чтобъ жить мнѣ въ океанѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была бъ у меня на посылкахъ.
Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперекъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ, на морѣ черная буря—
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морской.
Чтобъ жить ей въ океанѣ-морѣ,

Чтобы ты сама ей служила
И была бы у нея на посылкахъ.»
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился....
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею разбитое корыто.

А. Пушкинъ.

Цѣль грамматики и ея раздѣленіе.

В. И такъ, объ чемъ же мы съ вами до сихъ поръ проходили?

О. Объ томъ, какъ думаетъ или мыслитъ человѣкъ, когда говоритъ.

В. А что нужно, чтобы была мысль?

О. Во-первыхъ непремѣнно нуженъ предметъ или то, объ чемъ онъ размышляетъ, иначе — подлежащее; во-вторыхъ то, что онъ мыслитъ о подлежащемъ, иначе — сказуемое; въ третьихъ, смотря по надобности, пояснительныя слова, т. е. дополненія, обстоятельства и опредѣленія.

В. А всѣ ли люди такъ размышляютъ?

О. Непремѣнно всѣ, потому что иначе, другимъ образомъ, нельзя мыслить.

В. Слѣдовательно, и французы, и нѣмцы, и всѣ народы такъ мыслятъ?

О. Да, всѣ народы.

Такъ вотъ эта наука, которая разсматриваетъ одинаковый или общій всѣмъ народамъ способъ мыслить, называется *наукой о мышленіи* или *логикою.*

В. Слѣдовательно, до сихъ поръ мы какимъ разборомъ занимались?

О. Логическимъ, потому разбирали, какъ всѣ люди мыслятъ, а не какой нибудь одинъ человѣкъ.

В. Если всѣ люди одинаково мыслятъ, то не выражаютъ-ли они одинаково и мысль свою?

О. Нѣтъ, у каждаго народа есть свои особенности, свои слова, свое умѣнье говорить или свой языкъ.

В. Слѣдовательно, сколько языковъ?

О. Столько, сколько народовъ.

В. Ну, а если маленькаго ребенка отдать къ французамъ, которые не знаютъ по-русски и у которыхъ нѣтъ никого изъ русскихъ, могъ-ли бы онъ выучиться говорить по-русски?

О. Нѣтъ, не могъ-бы.

В. Отъ чего?

О. Отъ того, что онъ не слыхалъ бы ни одного русскаго слова.

В. Слѣдовательно, чтобы выучиться какому нибудь языку, что для этого нужно?

О. Нужно жить среди того народа, языку котораго хотятъ выучиться, и слышать его разговоръ; такъ напр., чтобы выучиться по-русски говорить, нужно жить съ русскими людьми или умѣющими говорить по-русски.

В. Если русскому языку можно выучиться, живя съ русскими людьми, если русскіе люди и безъ науки выучиваются говорить по-русски, то чему-же ихъ еще будетъ учить русская грамматика?

О. Да русская грамматика и не учитъ русскихъ людей говорить по-русски, хотя отчасти она и способствуетъ однообразному употребленію выговора словъ.

В. Но полезно-ли это?

О. Полезно, потому что у насъ въ разныхъ губерніяхъ, даже уѣздахъ, разные выговоры, напр. говорятъ: *ему*, *иму*, *ёму*, *яму*; *теперь*, *таперь*, *таперича*, *тапервача* и. т. д.; а въ грамматикѣ это упрощено и принято употребленіе *ему* и *теперь*, а прочіе выговоры въ печати и въ разговорѣ не употребляются тѣми, которые учились грамматикѣ.

В. Но не повредитъ-ли это однообразіе богатству языка?

О. Нисколько, потому что богатство языка зависитъ не отъ того, что одно и то же слово коверкается на разные лады, а выражаетъ одно и то же. Вотъ если бы стали выбрасывать такія слова, которыя, выражая одно и то же, придаютъ ему особенныя значенія, какъ напр.: *комната*, *горница*, *свѣтлица*, *покои* и. т. д., то тогда бы произошло обѣднѣніе русскаго языка.

В. Ну, а чѣмъ же полезно для языка выбрасывать разные выговоры?

О. Весьма полезно тѣмъ, что легче понимать другъ друга, точно также, какъ гораздо удобнѣе однообразіе въ начертаніи буквъ, въ опредѣленіи одной мѣры и вѣса.

В. Но этому грамматика учитъ отчасти, а въ чемъ-же ея главная цѣль?

О. Выучить читать и писать.

В. Но читать и писать дѣти выучиваются и безъ знанія грамматики?

О. Когда въ грамматикѣ говорится *читать* и *писать*, то это не значитъ, что она учитъ, какъ складывать и произносить написанныя или напечатанныя слова и потомъ умѣть выводить ихъ перомъ.

В. Въ какомъ же смыслѣ употребляются въ грамматикѣ слова: *читать* и *писать*?

О. Читать въ грамматикѣ не значитъ умѣть складывать, но умѣть *понимать*, что читаешь, и умѣть объяснить, отъ чего зависитъ смыслъ; а писать значитъ умѣть *правильно* и съ *толкомъ* написать то, что понимаешь.

В. Но развѣ случается, что русскій не понимаетъ того, что читаетъ по-русски?

В. Весьма часто и не только тогда, когда читаетъ что нибудь, но и когда говоритъ что нибудь затверженное, какъ попугай; а если спросить, что одинъ читаетъ, а другой вытвердилъ, они ничего не отвѣтятъ, потому что ничего не поняли.

В. Отъ чего происходитъ это непониманье?

О. Отъ того, что ребенка, когда онъ читаетъ, не останавливаютъ на разныхъ словахъ и названіяхъ, которыя онъ читаетъ, и не объясняютъ ему ихъ, отъ того многое для него становится неяснымъ и непонятнымъ.

В. Но объяснять слова можно и безъ грамматики?

О. Можно, но только тотъ, кто объясняетъ, долженъ быть грамотнымъ человѣкомъ, т. е. знать грамматику или свой языкъ, иначе онъ многаго не можетъ объяснить.

В. Какія напр. слова?

О. Напр. *кормчая книга*, *поемныя луга*, *прапорщикъ* и. т. д.

В. Слѣдовательно, грамматика занимается истолкованіемъ и объясненіемъ непонятныхъ словъ?

О. Не только непонятныхъ словъ, но и объясненіемъ, какъ образовались и какъ соединяются слова, повидимому для всѣхъ понятныя.

В. За чѣмъ это?

О. За тѣмъ, чтобы понять мысль, которую читаешь. Такъ какъ мысль вдругъ выражается въ нѣсколькихъ словахъ; поэтому нужно разобрать отдѣльно каждое слово и какъ они связываются между собой; все равно, если бы нужно было узнать, какъ выстроенъ домъ, нужно бы было его разобрать сперва по кирпичикамъ и частичкамъ и посмотрѣть, какъ эти частички сложены между собой, и тогда узнаешь, отъ чего произошла хорошая постройка и отъ чего дурная; точно также и въ языкѣ.

В. Напримѣръ?

О. Напр. *крестьянинъ ѣхать за дровъ*; здѣсь все слова понятныя, но грамматика объясняетъ ихъ не только по тому, что они означаютъ, но и почему эти слова въ одномъ случаѣ не связно стоятъ, какъ мы сейчасъ привели, и отъ чего происходитъ связность и складъ, когда напр. скажемъ: *крестьянинъ ѣхалъ за дровами*.

В. Слѣдовательно, грамматика занимается объясненіемъ словъ отдѣльно и въ связи?

О. Да, отдѣльно слова разсматриваются въ особенной части грамматики, которая по гречески называется *этимологіей*, а слова въ связи или соединеніи между собой разсматриваются въ другой части, которая называется по гречески *синтаксисомъ*.

В. Но если ученикъ научится понимать слова и знаетъ, отъ чего происходитъ складъ или безсвязность, то онъ будетъ самъ умѣть писать. За чѣмъ-же его учить писать?

О. Во-первыхъ за тѣмъ, что многія слова не такъ пишутся, какъ произносятся, напр. *трудъ* и *трутъ*, *прудъ* и *прутъ*, *лугъ* и *лукъ*; во-вторыхъ у насъ есть буквы, которыя употребляются въ однихъ словахъ и неупотребительны въ другихъ, хотя выговоръ одинаковъ, напр. *ѣсть* и *есть*, *примѣта* и *предметъ*, *безъ* и *бѣсъ* и. т. д.

В. Слѣдовательно, грамматика учитъ еще и правильно писать?

О. Да, и эта часть грамматики называется *правильно—писаніемъ* или *правописаніемъ*, а по гречески *орѳографіей*.

I. Этимологія.

Рѣчь и ея части.

В. Какъ иначе называется *разговоръ?*

О. Какъ въ церковно-славянскомъ и въ старинномъ русскомъ, такъ въ пѣсняхъ, пословицахъ и въ современномъ языкѣ разговоръ называется *рѣчью*; напр. въ церковно-славянскомъ *реку* употребляется вмѣсто *говорю* и *сказываю;* въ старинномъ русскомъ языкѣ, въ лѣтописи Нестора, Ольга отвѣчала посламъ древлянскимъ: «мнѣ люба ваша *рѣчь*» (т. е. что́ вы говорите); въ русскихъ пѣсняхъ Алеша Поповичъ говоритъ Тугарину Змѣевичу:

«И треснетъ Тугаринъ-отъ Змѣевичъ
Отъ меня Алешки отъ Поповича.»
Эти ему *рѣчи* не слюбилися............;

въ пословицахъ: *рѣчистъ*, да на руку не чистъ; *хорошія рѣчи* хорошо и слушать; теперь часто вмѣсто: «объ чемъ говорятъ?» спрашиваютъ: «объ чемъ *рѣчь* идетъ?»

В. А сколько нужно словъ для того, чтобы была рѣчь?

О. Иногда только одно, напр. *разсвѣтаетъ*; но по большей части непремѣнно два, напр. *ласточка свила*; для ясности же нужно еще прибавить дополнительныя, обстоятельственныя и опредѣлительныя слова, напр. *ласточка свила гнѣздо ранней весной подъ нашимъ окномъ*.

В. Слѣдовательно, рѣчь была, когда сказали только два слова, рѣчь была, когда сказали 3 слова, 4, 5, 6, 7, и. т. д. словъ?

О. Да, все рѣчь.

В. Нѣтъ-ли разницы между рѣчью, когда говорятъ только два слова и когда болѣе?

О. Есть; одна рѣчь изъ двухъ словъ не такъ ясна и полна, а прочія гораздо яснѣе и опредѣленнѣе.

В. Отъ чего это происходило?

О. Отъ того, что прибавлялось слово за словомъ и рѣчь отъ того становилась яснѣе.

В. А какъ эти слова всѣ вмѣстѣ вдругъ произносились, или каждое отдѣльно было слышно?

О. Каждое отдѣльно: сперва *ласточка*, потомъ *свила*, далѣе *ранней*, *весной*, *гнѣздо*, *подъ*, *нашимъ*, *окномъ*.

В. Каждое-ли изъ этихъ словъ составляетъ рѣчь или всѣ вмѣстѣ?

О. Всѣ вмѣстѣ.

В. А каждое слово отдѣльно, что̀ будетъ составлять въ этой рѣчи?

О. Каждое слово будетъ составлять только *часть* всей рѣчи.

Ну, такъ вотъ слова, которыя въ разговорѣ произносятся отдѣльно, а на письмѣ или въ печати отставляются другъ отъ друга, и называются *частями рѣчи*, потому что изъ этихъ словъ, какъ изъ частей, образуется цѣлая рѣчь или разговоръ.—

Раздѣленіе частей рѣчи.

I Знаменательныя части рѣчи.

Возьмемъ теперь два слова: *отецъ*, *сынъ*, и будемъ объ нихъ вести рѣчь или что нибудь сказывать.

В. Объ одномъ-ли *отцѣ* мы хотимъ говорить?

О. Нѣтъ, и объ *сынѣ*.

В. Какъ-же объ нихъ вмѣстѣ нужно сказать?

О. *Отецъ* и *сынъ* или *отецъ съ сыномъ*.

В. Что объ нихъ сказать?

О. *Отецъ и сынъ ѣдутъ на лошадяхъ*.

В. На сколькихъ?

О. *Отецъ и сынъ ѣдутъ на двухъ лошадяхъ*,

В. На чьихъ?

О. *Отецъ и сынъ ѣдутъ на своихъ двухъ лошадяхъ*.

В. На какихъ?

О. *Отецъ и сынъ ѣдутъ на своихъ двухъ вороныхъ лошадяхъ*.

В. Какъ они ѣдутъ?

О. *Отецъ и сынъ ѣдутъ шибко на своихъ двухъ вороныхъ лошадяхъ*.

В, Слѣдовательно, что̀ будетъ называться рѣчью?

О. Все, что мы говорили объ отцѣ и сынѣ.

В. А каждое слово что будетъ составлять?

О. Каждое слово будетъ составлять часть всей этой рѣчи.

Разсмотримъ каждое слово или часть рѣчи, что оно значитъ.

В. Что означаютъ слова: *отецъ*, *сынъ*, *лошади*?

О. Первыя два означаютъ людей, а послѣднее животныхъ.

В. Можно-ли себѣ |что нибудь представить, когда скажутъ: *отецъ*, *сынъ*, *лошадь*?

В. Можно, именно людей и извѣстныхъ животныхъ.

О. Далѣе, когда вы и не видите, а вамъ скажутъ, что *ѣдутъ*, можете-ли вы подъ этимъ словомъ что нибудь представить себѣ?

О. Да, можно представить себѣ извѣстное движеніе, именно ѣзду.

В. Означаетъ-ли что *шибко?*

О. Означаетъ скорость ѣзды.

В. Можно-ли что нибудь представить себѣ, когда скажутъ *шибко*?

О. Можно всегда представить себѣ скорость какого нибудь дѣйствія.

В. Означаетъ ли что *вороной*?

О. Означаетъ цвѣтъ.

В. Когда скажутъ слово *вороной*, можемъ ли мы себѣ что нибудь предcтавить?

О. Можемъ именно черный цвѣтъ, похожій на цвѣтъ ворона.

В. Такъ, стало быть, всѣ слова, которыя мы сейчасъ перебрали, что нибудь да означаютъ сами по себѣ отдѣльно?

О. Каждое что нибудь означаетъ.

Такъ вотъ эти слова, которыя въ рѣчи или разговорѣ что нибудь означаютъ или знаменуютъ, и называются въ грамматикѣ *знаменательными частями рѣчи.*

II. Служебныя части рѣчи.

Теперь разсмотримъ остальныя слова, которыя мы пропустили.

В. Означаетъ-ли что само по себѣ слово *и*?

О. Нѣтъ, ничего не означаетъ кромѣ звука *и.*

В. Когда вамъ скажутъ *и*, можете ли вы себѣ что нибудь представить?

О. Нѣтъ, ничего нельзя представить.

В. Далѣе, означаетъ-ли что само по себѣ слово *на*?

О. Опять кромѣ звука *на* ничего не означаетъ.

В. Слѣдовательно, можно-ли что нибудь себѣ представить когда скажутъ одно слово *на*?

О. Нѣтъ, ничего нельзя представить.

В. Означаетъ-ли что слово *свой?*

О. Означаетъ, чьи лошади.

В. Ну, а если мы просто скажемъ одно слово *свой*, то можно ли себѣ что нибудь представить?

О. Нѣтъ, ничего нельзя представить.

В. Ну, а когда скажутъ *свой домъ*, будетъ ли слово *свой* что нибудь означать?

О. Будетъ означать принадлежность, именно, что этотъ домъ не чужой, а *свой.*

В. Отъ чего это произошло, что это слово получило значеніе?

О. Отъ того, что мы слово *свой* соединили съ знаменательной частью рѣчи или съ словомъ *домъ.*

В. Означаетъ-ли что слово *два*?

О. Означаетъ счетъ, именно, сколько лошадей было.

В. Ну, а если мы отбросимъ слово *лошадь* и просто скажемъ *два*, могутъ ли насъ другіе понять, что мы хотимъ сказать?

О. Нѣтъ, не могутъ, потому что слово *два* не означаетъ ни предмета, ни дѣйствія, ни цвѣта.

В. Ну, а если скажемъ *два человѣка*, будетъ-ли тогда что нибудь означать слово *два?*

О. Будетъ означать счетъ или количество людей.

В. Отъ чего же оно получило свою силу?

О. Отъ того, что мы прибавили къ нему знаменательную часть рѣчи или слово человѣкъ.

В. Сколько же въ приведенной рѣчи мы нашли такихъ словъ?

О. Четыре: *и*, *на*, *своихъ*, *двухъ.*

В. Означаютъ ли эти слова что нибудь сами по себѣ?

О. Нѣтъ, ничего не означаютъ.

В. А когда-же они получатъ значеніе?

О. Когда соединятся съ знаменательными частями рѣчи, т. е. съ такими словами, которыя сами по себѣ могутъ что нибудь означать.

В. Но если они ничего не означаютъ, такъ попробуемъ ихъ выкинуть изъ приведенной рѣчи, что тогда будетъ?

О. Тогда будетъ: *отецъ сынъ шибко ѣдутъ вороныхъ лошадяхъ.*

В. Можно ли такъ говорить или вести рѣчь?

О. Нѣтъ, нельзя, потому что тутъ слова стоятъ нескладно и не выражаютъ никакого смысла, хоть каждое слово и означаетъ что нибудь.

В. А отъ чего это произошло?

О. Отъ того, что мы выкинули слова: *и*, *на*, *своихъ*, *двухъ.*

В. Слѣдовательно, зачѣмъ они нужны и для чего служатъ въ рѣчи?

О. Они служатъ для того, чтобы соединять знаменательныя части рѣчи и тѣмъ самымъ придавать складъ, связность и смыслъ рѣчи.

Такъ вотъ эти слова или части рѣчи, которыя служатъ для соединенія знаменательныхъ частей рѣчи, называются въ грамматикѣ *служебными частями рѣчи*. Если мы возьмемъ слѣдующій примѣръ: *отецъ съ сыномъ на лошади везетъ возъ сѣна* и выбросимъ *съ* и *на*, то увидимъ, какая нелѣпость произой-

детъ отъ недостатка этихъ двухъ служебныхъ частей рѣчи, именно: *отецъ сыномъ лошади везетъ возъ сѣна.*

В. Но можетъ-ли быть рѣчь безъ служебныхъ частей рѣчи?

О. Рѣчь можетъ составляться и изъ однѣхъ знаменательныхъ частей рѣчи.

В. Слѣдовательно, безъ служебныхъ частей рѣчи можно иногда и обойтись?

О. Да, напримѣръ: 1) *тучи носятъ воду,* 2) *вода поитъ землю,* 3) *земля плодъ приноситъ* и. т. д.

В. Но можно-ли всегда безъ нихъ обходиться?

О. Нѣтъ, когда напр. нужно показать направленіе: иду *въ* лѣсъ, иду *изъ* лѣсу, иду *къ* лѣсу, иду *въ* лѣсу, иду *отъ* лѣса, иду *черезъ* лѣсъ и. т. д.; безъ этихъ же частей *въ, изъ, къ, отъ, черезъ,* нельзя выразить разныхъ направленій.

Найдите знаменательныя и служебныя части рѣчи въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Утро на берегу озера.

Ясно утро. Тихо вѣетъ
Теплый вѣтерокъ;
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ,
Въ заревѣ востокъ.
Окаймленное кустами
Молодыхъ ракитъ,
Разноцвѣтными огнями
Озеро блеститъ.
Тишинѣ и солнцу радо,
По равнинѣ водъ
Лебедей ручное стадо
Медленно плыветъ;
Вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво
Крыльями — и вдругъ
Влага брызнула игриво
Жемчугомъ вокругъ.
Привязавъ къ ракитамъ лодку,
Мужички, вдвоемъ,

Близъ осоки, втихомолку,
Тянутъ сѣть съ трудомъ.
По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,
Скачутъ босикомъ
Два мальчишка загорѣлыхъ
На прутахъ верхомъ.
Крупный потъ съ нихъ градомъ льется
И лицо горитъ;
Звучно смѣхъ ихъ раздается,
Голосокъ звенитъ.
«Ну, катай на перегонки!»
А на шалуновъ,
Съ тайной завистью, дѣвчонка
Смотритъ изъ кустовъ.
«Тянутъ, тянутъ!» закричали
Ребятишки вдругъ:
«Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей, и щукъ.»
Вотъ на берегѣ отлогомъ
Показалась сѣть.
—«Ну, вытряхивай-ка, съ Богомъ,
Нечего глядѣть!»
Такъ сказалъ старикъ высокій,
Весь какъ лунь сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.
Сѣть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На пескѣ затрепетали
Окуни, линьки.
Дѣти весело шумѣли:
«Будетъ на денекъ!»
И на корточки присѣли
Рыбу класть въ мѣшокъ.
«Ты, поткидышъ, къ намъ откуда?
Не зови, — придетъ.......

Убирайся-ка отсюда!
Не пойдешь, — такъ вотъ!....»
И подкидыша мальчишка
Оттолкнулъ рукой.
—«Ну, за что ее ты, Мишка?»
Упрекнулъ другой.
«Экой малый уродился,—
Говорилъ старикъ:
Все-бъ дрался онъ, да бранился,
Экой озорникъ!»
—«Ты бы внука-то маленько
За вихоръ подралъ:
Онъ взялъ волю-то раненько!»
Свату сватъ сказалъ.
Эхъ!..... дѣвчонка надоѣла......
Самъ я, знаешь, голь,
Тутъ подкидыша безъ дѣла
Одѣвать изволь.
«Хлѣбъ, смотри-вотъ, вздорожаетъ,
Ты чужихъ корми;
А вѣдь мать, небось гуляетъ.
Прахъ ее возьми!»
—«Потерпи: чай, не забудетъ
За добро Господь!
Вѣдь она работать будетъ,
Богъ дастъ, подростетъ.»
«Такъ-то такъ.... вѣстимо, надо
Къ дѣлу пріучить;
Да теперь беретъ досада
Безъ-толку кормить.
«И дѣвчонка-то больная:
Сохнетъ, какъ трава,
Да все плачетъ.... дрянь такая!
А на грѣхъ жива.»
Мужички потолковали
И въ село пошли;

Вслѣдъ мальчишки побѣжали,
Рыбу понесли.
А дѣвчонка провожала
Грустнымъ взглядомъ ихъ,
И слеза у ней дрожала
Въ глазкахъ голубыхъ.

Никитинъ.

I. Значеніе частей рѣчи.

I. Знаменательныя части рѣчи.

I) Глаголъ.

Теперь составимъ такія предложенія, въ которыхъ было бы только подлежащее и сказуемое; напримѣръ: *птица поетъ; собака лаетъ; дождь идетъ; камень лежитъ; домъ стоитъ.*

В. Если изъ каждаго предложенія выбросимъ сказуемое, то будетъ-ли рѣчь?

О. Нѣтъ, будутъ только одни слова: *птица*, *собака*, *камень*, *дождь*, *домъ*, объ которыхъ ничего не говорится.

В. Слѣдовательно, чтобы шла объ чемъ нибудь рѣчь, какія нужны слова?

О. Такія, которыя что нибудь сказывали бы о тѣхъ словахъ, объ которыхъ хотимъ вести рѣчь.

В. А выброшенныя слова: *поетъ*, *лаетъ*, *идетъ*, *лежитъ*, *стоитъ*, сказываютъ-ли что-нибудь?

О. Сказываютъ: о птицѣ, что она поетъ, о собакѣ, что она лаетъ и. т. д.

Такъ вотъ эти слова, безъ которыхъ не можетъ быть рѣчи и которыя что-нибудь сказываютъ, говорятъ или по славянски глаголятъ, въ грамматикѣ принято называть *глаголами*, т. е. словами, которыми что нибудь сказывается или глаголется.

В. Имѣютъ ли эти слова или глаголы сами по себѣ какое значеніе?

О. Да, каждый что нибудь означаетъ.

В. Слѣдовательно, къ какимъ частямъ рѣчи они принадлежатъ?

О. Къ знаменательнымъ частямъ рѣчи.

В. Что-же глаголы знаменуютъ или означаютъ?

О. Одни означаютъ движенie, дѣйствie, какъ напр. *поетъ*, *лаетъ*, *идетъ*, а другiе неподвижность, бездѣйствie или пребыванie на одномъ мѣстѣ, какъ напр. *лежитъ*, *стоитъ*.

В. Слѣдовательно, что всегда означаютъ глаголы?

О. Глаголы всегда означаютъ или *дѣйствiе*, или *спокойствiе*, или *состоянiе*.

В. Гдѣ глаголы въ слѣдующемъ примѣрѣ: *птицы ходятъ и клюютъ зерна, которыя разсыпаны крестьянами; а крестьяне боятся выговора, ворочаются назадъ и бранятся изъ-за зеренъ, которыя лежатъ на дорогѣ?*

О. *Клюютъ*, *ходятъ*, *разсыпаны*, *боятся*, *ворочаются бранятся*, *лежатъ*.

В. Нѣтъ-ли между ними какой видимой разницы?

О. Есть. Три изъ нихъ кончатся на *ся*, какъ *боятся*, *ворочаются*, *бранятся*, а остальныя нѣтъ, какъ *ходятъ*, *клюютъ*, *разсыпаны*, *лежатъ*.

В. Нѣтъ-ли какой разницы между глаголами, которые не кончатся на *ся*?

О. Есть. *Клюютъ* показываетъ, что *птицы* дѣйствуютъ и свое дѣйствie обращаютъ на другой предметъ, именно на зерна; *разсыпаны* показываетъ, что зерна сами не дѣйствуютъ, а на нихъ обращено дѣйствie, потому что они не сами себя *разсыпали*, а *крестьяне*; *лежатъ* показываетъ, что *зерна* не двигаются, а находятся на одномъ мѣстѣ; *ходятъ* показываетъ движенie, которое дѣлаютъ птицы.

В. Слѣдовательно, есть-ли разница въ дѣйствiи между этими четырьмя глаголами?

О. Есть.

Такъ вотъ эту разницу въ дѣйствiи или состоянiи глаголовъ въ грамматикѣ принято называть *залогомъ*.

В. Слѣдовательно, что же показываетъ залогъ?

О. Залогъ показываетъ, какое бываетъ дѣйствie глагола.

В. *Клюютъ* какое показываетъ дѣйствie?

О. *Клюютъ* показываетъ, что дѣйствie обращается на другой предметъ.

Такъ вотъ тѣ глаголы, которые показываютъ дѣйствie подлежащаго, обращенное на другой предметъ, называются глаголами *дѣйствительнаго* залога.

В. *Разсыпаны* какое показываетъ дѣйствie?

О. *Разсыпаны* показываетъ, что подлежащее—*зерна* не дѣйствуетъ, но находится будто-бы въ страдательномъ положенiи, на него дѣйствуютъ.

Такъ вотъ тѣ глаголы, которыми показывается, что не подлежащее дѣйствуетъ, а на него обращено дѣйствie, называются глаголами *страдательнаго* залога.

В. *Лежатъ* какое показываетъ дѣйствie?

О. *Лежатъ* показываетъ не дѣйствie, а спокойствie и неподвижность.

В. А не обращается-ли кѣмъ нибудь на зерна дѣйствie?

О. Нѣтъ, никѣмъ не обращается.

В. *Ходятъ* что показываетъ?

О. Показываетъ дѣйствie и движенie *птицъ*.

В. Но это дѣйствie обращается-ли на другой предметъ?

О. Нѣтъ, *птицы* сами дѣйствуютъ, т. е. *ходятъ* и дѣйствiя этимъ хожденiемъ не обращаютъ на другой предметъ.

Такъ вотъ эти глаголы, которые показываютъ или *непереходящее* на другой предметъ дѣйствie, или *спокойное состоянiе* и *неподвижность*, называются глаголами *средняго* залога.

В. Слѣдовательно, какихъ бываютъ залоговъ глаголы, которые не кончатся на *ся*?

О. Трехъ: *дѣйствительнаго*, *страдательнаго* и *средняго*, напримѣръ *дѣйствительнаго* залога: *читаю книгу, пишу письмо, учу урокъ, ѣмъ хлѣбъ*; *страдательнаго*: *земля вырыта, камень разбитъ, монета вычеканена, овесъ поспѣлъ, человѣкъ убитъ*; *средняго*: а) глаголы, показывающiе движенie: *лошадь бѣжитъ, вода течетъ, облака идутъ, ребенокъ кричитъ*; б) глаголы, показывающiе неподвижность и спокойствie: *домъ стоитъ, птица сидитъ, ребенокъ молчитъ*.

В. Какіе мы пропустили въ приведенномъ примѣрѣ глаголы, которые кончатся на *ся*?

О. Три глагола: *боятся*, *ворочаются*, *бранятся*.

В. Отбросимъ у этихъ глаголовъ частицы *ся*, что останется?

О. Останется: *боят*, *ворочают*, *бранят*.

В. Глаголъ *боят* безъ частицы *ся* означаетъ-ли что нибудь?

О. Нѣтъ не имѣетъ никакого значенія.

Такъ вотъ тѣ глаголы, которые кончатся на *ся* и безъ этой частицы *ся* теряютъ свое значеніе и даже вовсе ничего не означаютъ, называются глаголами *общаго* залога.

В. А означаетъ-ли безъ частицы *ся* что нибудь глаголъ *ворочают*?

О. Означаетъ дѣйствіе.

В. А какое дѣйствіе?

О. Дѣйствіе, переходящее на другой предметъ, потому что ворочать непремѣнно нужно что нибудь.

В. А какого залога глаголы показываютъ переходящее дѣйствіе?

О. Глаголы дѣйствительнаго залога.

В. Въ глаголѣ *ворочаются* на что обращено дѣйствіе *крестьянъ*?

О. На *ся* или на *себя*, т. е. на самихъ *крестьянъ*.

Такъ вотъ тѣ глаголы, которые безъ частицы *ся* становятся дѣйствительными глаголами, а съ частицею *ся* показываютъ дѣйствіе, переходящее на самихъ дѣйствующихъ, называются въ грамматикѣ глаголами *возвратнаго* залога, потому что дѣйствіе возвращается на дѣйствующее лицо.

В. Глаголъ *бранят* безъ частицы *ся* показываетъ-ли какое нибудь дѣйствіе?

О. Показываетъ дѣйствіе, переходящее на другой предметъ, потому что бранить непремѣнно нужно кого нибудь или что нибудь.

В. Слѣдовательно, безъ частицы *ся* на глаголъ какого залога похожъ *бранят*?

О. На глаголъ дѣйствительнаго залога.

В. Частица *ся* вмѣсто чего поставлена.

О. Вмѣсто *себя*?

В. Слѣдовательно, это будетъ глаголъ возвратнаго залога?

О. Нѣтъ, потому что *браниться* не показываетъ дѣйствія, переходящаго на самого себя, и не значитъ *бранить себя*, а *бранить* кого нибудь другаго?

В. Можно ли *браниться* одному?

О. Нѣтъ, нужно непремѣнно лице, съ кѣмъ браниться.

Такъ вотъ тѣ глаголы, которые кончатся на *ся* и показываютъ, что дѣйствіе происходитъ между двумя или нѣсколькими предметами или лицами, называются въ грамматикѣ глаголами *взаимнаго* залога, потому что означаютъ дѣйствіе, происходящее взаимно между кѣмъ нибудь, какъ напр. въ приведенномъ примѣрѣ крестьяне бранятся другъ съ другомъ.

В. Слѣдовательно, какихъ залоговъ бываютъ глаголы, оканчивающіеся на *ся*?

О. Трехъ: *1) возратнаго*, *взаимнаго* и *общаго*; напр. возвратнаго залога: *дитя одѣвается*, *франтъ завивается*; взаимнаго залога: *2) мальчики подружились*, *братъ разлучился*, *сестра породнилась*; общаго залога: *3) ученикъ лѣнится*, *дѣвочка старается*, *крестьянинъ трудится*.

В. Слѣдовательно, сколько всѣхъ залоговъ?

О. Шесть: *дѣйствительный*, *страдательный*, *средній*, *возвратный*, *взаимный* и *общій*.

В. Какого будетъ залога глаголъ въ примѣрѣ: *вытряслися зерна*?

О. Страдательнаго, потому что по смыслу *зерна* не могли же сами себя вытрясти, ни другъ съ другомъ, а вытрясли ихъ толчки отъ телѣги.

В. Какого залога будетъ глаголъ въ примѣрѣ: *зерна валяются*?

О. Средняго залога, потому что никто ихъ не валяетъ, сами себя тоже не *валяютъ* и между собою не *валяютъ*.

В. Слѣдовательно, на *ся* оканчиваются одни ли возвратные, взаимные и общіе залоги?

О. Нѣтъ, еще страдательный и средній.

В. Какъ-же узнавать разницу въ дѣйствіи или залоги?

О. Надо обращать вниманіе на то, какое дѣйствіе выражается глаголомъ, однимъ словомъ, узнавать залоги по смыслу.

В. Какого залога будутъ глаголы въ примѣрѣ: *онъ разговариваетъ, бесѣдуетъ и споритъ*?

О. Взаимнаго залога.

В. Почему?

О. Потому что глаголы: *разговаривать, бесѣдовать, спорить*, показываютъ, что дѣйствіе происходитъ не съ однимъ лицемъ, а между двумя или нѣсколькими лицами, т. е. показываютъ *взаимное* дѣйствіе.

В. Слѣдовательно, какіе залоги могутъ кончаться на *ся*?

О. Всѣ кромѣ дѣйствительнаго залога.

В. Если же къ дѣйствительному залогу прибавлять *ся*, то что̀ будетъ съ нимъ происходить?

О. Онъ тогда обращается или въ страдательный залогъ, напр. *стаканъ разбил-ся*, или въ возвратный, напр. *дѣвушка умывает-ся*, или въ средній, напр. *путникъ оглядывает-ся*, или въ взаимный, напр. *онъ ругается*, или въ общій, напр. онъ *молится*.

Разберемъ слѣдующій замыселъ:

Пшеничка и ячмень.

Звалъ ячмень пшеничку: «пойдемъ туда, гдѣ золото родится; мы тамъ будемъ съ тобою водиться.» Пшеничка сказала: «у тебя, ячмень, длиненъ усъ, да умъ коротокъ; за чѣмъ намъ съ золотомъ водиться! оно къ намъ само привалится»

Все, что мы сейчасъ прочли объ ячменѣ и пшеничкѣ, называется рѣчью, а каждое слово отдѣльно составляетъ часть рѣчи. Отдѣлимъ знаменательныя части рѣчи въ одну сторону, а служебныя въ другую:

Знаменательныя части рѣчи.	**Служебныя части рѣчи.**
Звалъ, ячмень, пшеничку, пойдемъ, золото, родится, будемъ, водиться, пшеничка, сказала, ячмень, длиненъ, усъ, умъ, коротокъ, золотомъ, водиться, привалится.	Туда, гдѣ, мы, тамъ, съ, тобою, у, тебя, да, за, чѣмъ, намъ, съ, оно, къ, намъ, само.

Между знаменательными частями рѣчи найдемъ глаголы: *звалъ, пойдемъ, родится, будемъ, водиться, сказала, привалится.*

Эти части рѣчи называются глаголами, потому что всѣ они показываютъ дѣйствіе или состояніе. Но такъ какъ у нихъ не одинаково дѣйствіе, которое они показываютъ, то, стало быть, и глаголы эти по разницѣ своего дѣйствія раздѣляются на залоги:

1) Дѣйствительнаго.	2) Средняго.	3) Страдательнаго.	4) Взаимнаго.
Звалъ, *Сказала*, потому что показываютъ переходящее дѣйствіе.	*Пойдемъ*, *Привалится*, потому что показываютъ непереходящее дѣйствіе.	*Родится*, потому что показывается состояніе зависимости отъ другихъ предметовъ.	*Водиться*, потому что показываетъ взаимное дѣйствіе.

Но кромѣ того намъ встрѣтился глаголъ средняго залога: *быть*, потому что означаетъ состояніе бытія. Этотъ глаголъ также, какъ и глаголъ *стать*, называется: *1) вспомогательнымъ*, когда служитъ въ помощь другимъ частямъ рѣчи, какъ напр. *будемъ* или *станемъ водиться*, и *2) существительнымъ*, когда означаетъ бытіе, существованіе, напр. *есть деньги, будетъ гроза, былъ въ гостяхъ*.

Найдите глаголы въ слѣдующихъ примѣрахъ:

Лиса и Журавль (*).

Лиса съ журавлемъ подружилась, даже покумилась съ нимъ у кого-то на родинахъ. Вотъ и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его къ себѣ въ гости: «приходи, куманёкъ! приходи дорогой! Ужъ я какъ тебя угощу!» Идетъ журавль на званый пиръ, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелкѣ, подала и подчиваетъ: «покушай, мой голубчикъ-куманекъ! сама стряпала!» Журавль хлопъ-хлопъ носомъ, стучалъ, стучалъ, ничего не попадаетъ! А лисица въ это время лижетъ себѣ, да лижетъ кашу, такъ всю сама и скушала. Каша

*) Народныя сказки Аѳанасьева. Выпускъ 4-й.

съѣдена; лисица и говоритъ: «не обезсудь, любезный кумъ! больше подчивать нечѣмъ.» «Спасибо, кума, и на этомъ! приходи ко мнѣ въ гости.» На другой день приходитъ лиса, а журавль приготовилъ окрошку; наклалъ въ кувшинъ съ малымъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и говоритъ: «кушай, кумушка! право больше нечѣмъ подчивать.» Лиса начала вертѣться вокругъ кувшина, и такъ зайдетъ, и эдакъ и лизнетъ его, и понюхаетъ-то, все ничего не достанетъ! не лѣзетъ голова въ кувшинъ! А журавль межъ тѣмъ клюетъ себѣ, да клюетъ, пока все съѣлъ. «Ну, не обезсудь, кума! больше угощать нечѣмъ.»
Взяла лису досада: думала, что наѣстся на цѣлую недѣлю, а домой пошла, какъ несолоно хлебала. Какъ аукнулось, такъ и откликнулось! съ тѣхъ поръ и дружба у лисы съ журавлемъ врозь.

Пахарь.

Солнце за день нагулялося,
За кудрявый лѣсъ спускается,
Лѣсъ стоитъ подъ шапкой темною,
Въ золотомъ огнѣ купается.
На бугрѣ трава зеленая
Спитъ, вся искрами обрызгана,
Пылью розовой осыпана,
Да каменьями унизана.
Не слыхать-то въ полѣ голоса,
Молча воронъ на межѣ сидитъ.
Только слышенъ голосъ пахаря,
За сохой онъ на коня кричитъ.
Съ ранней зорьки пашня черная
Бороздами подымается,
Конь идетъ, понурилъ голову,
Мужичекъ идетъ, шатается......
Ужь когда же ты, кормилецъ нашъ,
Возьмешь верхъ надъ долей горькою!
Изъ земли ты роешь золото,
Самъ-то сытъ сухою коркою!

Зрѣетъ рожь — тебѣ заботушка:
Какъ-бы градомъ не побилася,
Безъ дождей въ жары не высохла,
Отъ дождей не положилася.
Хлѣбъ поспѣлъ — тебѣ кручинушка:
Убирать ты не управишься,
На корню-то онъ осыплется,
Безъ куска-то ты останешься.
Урожай — купцы спесивятся;
Годъ плохой — въ семьѣ всѣ мучатся —
Все твой дворъ не поправляется,
Дѣтки грамотѣ не учатся.
Гдѣ же кладъ твой заколдованный,
Гдѣ таланъ твой, пахарь, спрятался!
На труды твои да на̀-горе
Вдоволь вчужѣ я наплакался! —

Никитинъ.

2) Имя существительное.

а) *Имена существительныя чувственныя и отвлеченныя.*

Возьмемъ слѣдующія предложенія: *теплота настаетъ*; *дождь идетъ*; *громъ гремитъ*; *лѣсъ распускается*; *крестьянинъ пашетъ*.

В. Сколько здѣсь предложеній?

О. Пять.

В. Изъ сколькихъ словъ состоитъ каждое предложеніе?

О. Изъ двухъ.

В. Къ какимъ частямъ рѣчи принадлежатъ они?

О. Къ знаменательнымъ, потому что каждое слово само по себѣ что нибудь означаетъ.

В. А къ какимъ знаменательнымъ частямъ рѣчи принадлежатъ сказуемыя въ этихъ предложеніяхъ?

О. Къ глаголамъ.

В. Есть-ли разница между подлежащими и сказуемыми?

О. Есть. Всѣ сказуемыя, какъ глаголы, въ этихъ предложеніяхъ показываютъ дѣйствія, а подлежащія показываютъ назва-

ніе предметовъ, которые существуютъ, напр. *крестьянинъ* показываетъ названіе человѣка, который живетъ въ деревнѣ и занимается сельскими работами, *дождь* — названіе водяныхъ капель, которыя падаютъ сверху, *громъ* — названіе звуковъ, происходящихъ отъ сотрясенія воздуха, *теплота* — названіе нагрѣтаго воздуха, *лѣсъ* — деревьевъ, которыя ростутъ вмѣстѣ.

В. Слѣдовательно, это все названія чего?

О. Все названія такихъ преметовъ, которые существуютъ.

Такъ вотъ слова или части рѣчи, которыя показываютъ названія предметовъ существующихъ, въ грамматикѣ принято называть *именами существительными*.

В. А почему мы знаемъ, что *теплота, дождь, лѣсъ*, существуютъ?

О. Потому что теплоту мы чувствуемъ, дождь осязаемъ и видимъ, громъ слышимъ, лѣсъ видимъ.

В. Слѣдовательно, посредствомъ чего мы убѣждаемся въ ихъ существованіи?

О. Посредствомъ нашихъ чувствъ: ощущенія, осязанія, слуха, зрѣнія, обонянія

Такъ вотъ эти имена существительныя, которыя показываютъ названія предметовъ, дѣйствующихъ на наши чувства, называются именами существительными *чувственными*.

Возьмемъ теперь другія предложенія: *доброта хвалится, злость порицается, прилежаніе награждается, лѣнь наказывается.*

В. Изъ какихъ частей рѣчи соститъ каждое предложеніе?

О. Изъ глагола и имени существительнаго.

В. Почему слова: *доброта, злость, прилежаніе, лѣнь* имена существительныя?

О. Потому что они суть названія такихъ свойствъ и качествъ, которыя существуютъ.

В. Какъ мы убѣждаемся въ ихъ существованіи?

О. Мы посредствомъ ума замѣчаемъ и соображаемъ свойства и качества въ человѣкѣ и животныхъ.

Такъ вотъ эти имена существительныя, которыя показываютъ названія свойствъ и качествъ, замѣчаемыхъ умомъ, въ отличіе отъ чувственныхъ, называются именами существительными *умственными*.

В. Умственные предметы могутъ-ли существовать безъ чувственныхъ сами по себѣ, какъ предметы?

О. Нѣтъ, какъ предметы не могутъ.

В. Какъ-же они существуютъ?

О. Они существуютъ въ какомъ нибудь чувственномъ предметѣ, какъ его свойства, а безъ него не могутъ быть; напримѣръ: *доброта, злость, прилежаніе, лѣнь,* могутъ существовать въ человѣкѣ и животныхъ, какъ ихъ свойства и качества, а безъ нихъ не могутъ существовать.

В. Слѣдовательно, умственныя имена названія не предметовъ?

О. Да, не предметовъ.

В. Какъ-же они образовались и стали бутдо предметами?

О. Мы взяли отъ чувственныхъ предметовъ ихъ качества, признаки или свойства, отняли или отвлекли отъ нихъ и представили себѣ въ умѣ эти свойства, какъ предметы.

В. Слѣдовательно, они сами по себѣ существуютъ-ли, какъ предметы чувственные?

О. Нѣтъ, они существуютъ, какъ признаки, взятые или отвлеченные отъ чувственныхъ предметовъ. Такъ вотъ умственныя имена отъ того, что берутся или отвлекаются отъ чувственныхъ предметовъ, называются еще именами существительными *отвлеченными*.

В. Но развѣ глаголы не показываютъ свойствъ и признаковъ предметовъ, какъ имена отвлеченныя?

О. Точно также показываютъ, напримѣръ: *птица летаетъ, рыба плавала, человѣкъ заговоритъ;* тутъ глаголами: *летаетъ, плавала, заговоритъ* показываются свойства и признаки *птицы, рыбы* и *человѣка*.

В. А есть-ли разница между глаголами и именами отвлеченными?

О. Есть. Глаголъ приписываетъ свойство или признакъ прямо какому нибудь опредѣленному предмету и притомъ показываетъ время, когда этотъ признакъ или свойство приписывается извѣстному предмету; такъ напримѣръ въ приведенныхъ примѣрахъ: *летаетъ* показываетъ, что это свойство или признакъ относится

въ настоящее время не къ насѣкомымъ или другимъ предметамъ, которые могутъ летать, а къ *птицѣ*; *плавала* показываетъ, что этотъ признакъ принадлежалъ прежде не человѣку или другимъ предметамъ, которые могутъ плавать, а *рыбѣ*; *заговоритъ* показываетъ, что этотъ признакъ еще будетъ принадлежать *человѣку*, а не другимъ животнымъ.

В. А имена отвлеченныя что показываютъ?

О. Имена отвлеченныя хотя и показываютъ свойства и признаки предметовъ, какъ глаголы; но за то не могутъ показать ни времени, когда эти признаки приписываются предметамъ, ни самыхъ предметовъ, къ которымъ они приписываются; напримѣръ, если скажемъ: *летанье*, *плаванье*, *разговоръ*, то этими именами не покажемъ, къ кому относятся эти признаки и въ какое время.

В. Слѣдовательно, что-же показываютъ имена отвлеченныя?

О. Имена отвлеченныя показываютъ *общіе* и *постоянные* признаки или свойства предметовъ безъ отношенія къ извѣстному предмету и времени.

В. Нельзя-ли изъ этихъ примѣровъ видѣть, изъ чего образуются по большей части имена отвлеченныя?

О. Изъ глаголовъ, напримѣръ: *любить—любовь*, *страдать—страданіе*, *видѣть—видѣніе*, *обонять—обоняніе*, *осязать—осязаніе*, *слушать—слушанье*, *прилежать,—прилежаніе* и т. д.

Найдите въ слѣдующей баснѣ имена существительныя и отдѣлите чувственныя отъ отвлеченныхъ:

Ворона и Лисица.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.
Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала.

Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ, — Лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводитъ,
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
— «Голубушка, какъ хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ право сказки!
Какія перушки, какой носокъ!
И вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! — что, ежели, сестрица, —
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты-бъ у насъ была царь-птица!»
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло,
И на привѣтливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во всё воронье горло:
Сыръ выпалъ — съ нимъ была плутовка такова.

Крыловъ.

б) *Имена собственныя и общія.*

Возьмемъ слѣдующіе примѣры: *Волга течетъ* и *рѣка течетъ*, *Москва стоитъ* и *городъ стоитъ*, *Суворовъ воевалъ* и *полководецъ воевалъ*.

В. Гдѣ здѣсь имена существительныя?

О. *Волга*, *рѣка*, *Москва*, *городъ*, *Суворовъ*, *полководецъ*.

В. Нѣтъ-ли между ними какой разницы?

О. Есть. Когда скажутъ, что Волга течетъ, то только объ одной рѣкѣ Волгѣ и говорится, а когда скажутъ, что рѣка течетъ, то можно думать о всякой рѣкѣ, сколько ихъ есть на свѣтѣ; когда скажутъ Москва, то подъ этимъ словомъ можно понимать только одну Москву; а когда скажутъ городъ, то подъ этимъ названіемъ можно понимать всѣ города, сколько ихъ есть; точно также Суворовъ и полководецъ.

В. Слѣдовательно, названіе Москва сколькимъ предметамъ принадлежитъ?

О. Одному.

В. А Волга?

О. Тоже одному.

В. А Суворовъ?

О. Тоже одному.

Такъ вотъ эти имена, которыми называется одинъ какой нибудь предметъ, называются именами *собственными*, потому что названіе это какъ будто составляетъ собственность этого одного предмета.

В. А именемъ рѣка сколько можно назвать предметовъ?

О. Всѣ рѣки.

В. А именемъ городъ?

О. Всѣ города.

В. А именемъ полководецъ?

О. Всѣхъ полководцевъ.

Такъ вотъ эти имена, которыми называется не одинъ какой нибудь предметъ, а вообще всѣ однородные предметы, называются именами существительными *общими* или *нарицательными*, потому что ими называются или нарицаются всѣ однородные предметы.

Найдите въ слѣдующихъ примѣрахъ имена собственныя и общія:

Грибы (*).

Вздумалъ грибъ, разгадалъ боровикъ; подъ дубочкомъ сидючи, на всѣ грибы глядючи, сталъ приказывать: «Приходите вы, бѣлянки, ко мнѣ на войну.» Отказалися бѣлянки: «мы грибовыя дворянки! не йдемъ на войну». — Приходите, рыжики, ко мнѣ на войну. Отказались рыжики: «мы богатые мужики, не повинны на войну идти!» — Приходите вы, волнушки, ко мнѣ на войну: отказалися волнушки, «мы господскія стряпушки! не йдемъ на войну.» — Приходите вы, опенки, ко мнѣ на войну. Отказалися опенки: «у насъ ноги очень тонки! мы не йдемъ на войну». — Приходите, грузди, ко мнѣ на войну.

(*) Народныя сказки Аѳанасьева. Выпускъ IV.

«Мы грузди—ребятушки дружны, пойдемъ на войну!» Это было, какъ царь-горохъ воевалъ съ грибами.

Вазуза и Волга (*).

Волга съ Вазузой долго спорили, кто изъ нихъ умнѣе, сильнѣе и достойнѣе большаго почета. Спорили — спорили, другъ друга не переспорили, и рѣшились вотъ на какое дѣло. «Давай вмѣстѣ ляжемъ спать, а кто прежде встанетъ и скорѣе придетъ къ морю Хвалынскому, та изъ насъ и умнѣе, и сильнѣе, и почету достойнѣе». Легла Волга спать, легла и Вазуза. Да ночью встала Вазуза потихоньку, убѣжала отъ Волги, выбрала себѣ дорогу и прямѣе и ближе, и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а какъ слѣдуетъ; въ Зубцовѣ догнала Вазузу да такъ грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшею сестрою и просила Волгу принять ее къ себѣ на руки и снести въ море Хвалынское. А все-таки Вазуза весною раньше просыпается и будитъ Волгу отъ зимняго сна.

в) Имена одушевленныя и неодушевленныя.

Возьмемъ слѣдующіе примѣры: *ручей журчитъ, трава зеленѣетъ, вѣтеръ дуетъ, курица кудахчетъ, собака лаетъ, мальчикъ кричитъ.*

В. Гдѣ здѣсь имена существительныя?

О. Ручей, трава, вѣтеръ, курица, собака, мальчикъ.

В. Какія это имена существительныя?

О. Имена существительныя чувственныя, потому что они суть названія предметовъ, которые мы узнаемъ посредствомъ чувствъ.

В. Нѣтъ-ли между этими именами разницы?

О. Есть. Одни суть названія живыхъ предметовъ, напр *курица, собака, мальчикъ*, другія — названія такихъ предметовъ, которые не живутъ, напр. *ручей, трава, вѣтеръ.*

Такъ вотъ названія тѣхъ предметовъ, которые живутъ, называются именами существительными *одушевленными*, а тѣхъ предметовъ, которые безъ жизни, называются именами существительными *неодушевленными*.

(*) Народныя сказки Аѳанасьева. Выпускъ III.

Возьмемъ еще примѣры: *мужчина коситъ, женщина шьетъ, мальчикъ читаетъ, дѣвочка пишетъ, баранъ блеетъ, овца бѣжитъ, котъ спитъ, кошка играетъ.*

В. Какія это имена существительныя?

О. Имена существительныя одушевленныя.

В. Нѣтъ-ли между ними разницы?

О. Есть. Одни все названія мужчины или самца, напр. *мужчина, мальчикъ, баранъ, котъ*; другія все названія женщины или самки, напр. *женщина, дѣвочка, овца, кошка.*

В. А чѣмъ отличаются мужчины и самцы отъ женщинъ и самокъ?

О. Своимъ *поломъ.*

В. А что такое полъ?

О. Различіе въ устройствѣ тѣла мужчины и женщины, самца и самки.

В. А этотъ полъ нарочно придумали, или онъ дѣйствительно есть?

О. Нѣтъ, не придумали, а дѣйствительно есть въ самой природѣ.

Такъ вотъ этотъ полъ или родъ и называется *естественнымъ родомъ*, потому что онъ дѣйствительно есть.

В. Слѣдовательно, почему узнается родъ именъ существительныхъ одушевленныхъ?

О. По полу или по различію въ устройствѣ тѣла.

В. Сколько половъ?

О. Два.

В. Слѣдовательно, сколькихъ родовъ бываютъ имена одушевленныя?

О. Двухъ: *мужескаго* и *женскаго.*

В. Ну, а *сирота* какого будетъ рода?

О. Смотря по тому, объ комъ говорятъ: если объ мальчикѣ, то мужескаго рода, если объ дѣвочкѣ, то женскаго рода.

В. Слѣдовательно, это имя одинаково, смотря по надобности, можетъ принадлежать и мужчинѣ, и женщинѣ?

О. Да.

Такъ вотъ это имя одушевленныхъ предметовъ, которое есть общее у мужчины съ женщиной, принято называть *общимъ*

родомъ, напр. *пустомеля, болтушка, пьяница, соня, разиня, растяпа, побирушка* и. т. д.

В. Не замѣтили-ли, на что кончатся имена одушевленныя мужескаго и женскаго рода?

О. Имена мужескаго рода кончатся на *ъ* или *ь* и *й*, напр. *сарай, отецъ, учитель, сынъ, слонъ*, а женскаго на *ь*, *а* и *я*, напр. *мать, дочь, жена, сестра, корова, ворона, поподья.*

В. Когда говорите объ мальчикѣ, то какъ сказать: *этотъ* мальчикъ или *эта*?

О. Конечно этотъ.

В. А когда нужно сказать *эта?*

О. Когда говорятъ объ женщинѣ или самкѣ, напр. *эта баба, эта курица.*

В. Ну, а когда объ столѣ говорятъ, то прибавляютъ *этотъ* или *эта?*

О. Конечно *этотъ столъ.*

В. А объ избѣ?

О. *Эта изба.*

В. Такъ, стало быть, *столъ*—мужчина, а *изба*—женщина?

О. Нѣтъ, это неодушевленныя имена и не отличаются поломъ.

В. Такъ есть-ли между именами неодушевленными половое отличіе?

О. Нѣтъ, нѣту.

В. Такъ, стало быть, придумали родъ неодушевленныхъ именъ?

О. Должно быть, что придумали.

В. А на какомъ основаніи придумали?

О. Должно быть, на томъ основаніи: когда имена неодушевленныя оканчивались на *ъ* и *ь*, то стали мужескаго рода, потому что имена одушевленныя на *ъ* и *ь* мужескаго рода, а когда имена неодушевленныя оканчивались на *ь*, *а* и *я*, то стали женскаго рода по сходству съ именами одушевленными женскаго рода, которыя тоже оканчиваются на *ь*, *а* и *я*.

Такъ вотъ этотъ родъ именъ неодушевленныхъ, котораго въ природѣ нѣтъ и который придуманъ человѣкомъ, этотъ родъ, въ отличіе отъ естественнаго рода, называется *искусственнымъ* или *грамматическимъ* родомъ.

В. Ну, а какъ вы говорите: *этотъ* дитя, *эта* дитя или *это* дитя?
О. Конечно, *это* дитя.
В. А когда скажете *дитя*, то извѣстно-ли, про кого вы говорите: про мальчика или про дѣвочку?
О. Нѣтъ, неизвѣстно; можно думать, что мальчикъ, а можетъ быть, — дѣвочка.
В. Слѣдовательно, это имя не означаетъ преимущественно ни мужескаго, ни женскаго рода?
О. Да.

Такъ вотъ это имя, которое, не показывая опредѣленнаго рода, занимаетъ какъ бы средину между мужескимъ и женскимъ родомъ, называется именемъ *средняго рода*.

В. Слѣдовательно, какъ узнать, средняго-ли рода имя существительное?
О. Нужно прибавить *это*, напр. *это чадо*.
В. Не замѣтили-ли, на что кончатся имена средняго рода?
О. На *я* (*мя*), *о* и *е*.
В. Такъ какимъ образомъ по произношенію или въ письмѣ отличается средній родъ?
О. Когда имена кончатся на *о*, *е*, *я* (*мя*), напр. *сѣмя*, *темя*, *стекло*, *окно*, *поле*, *море*, *житье*, *имѣнье* и др.

Найдите въ слѣдующихъ примѣрахъ имена одушевленныя и неодушевленныя и скажите, какого рода каждое.

Пузырь, соломинка и лапоть (*).

Жили-были пузырь, соломинка и лапоть; пошли они въ лѣсъ дрова рубить, дошли до рѣки, не знаютъ, какъ черезъ рѣку перейти? Лапоть говоритъ пузырю: «пузырь, давай на тебѣ переплывемъ!» — «Нѣтъ, лапоть! пусть лучше соломинка перетянется съ берега на берегъ, а мы перейдемъ по ней.» Соломинка перетянулась, лапоть пошелъ по ней, она и переломилась. Лапоть упалъ въ воду, а пузырь хохоталъ—хохоталъ, да и лопнулъ!

Птицы (**).

Слеталися птицы стадами, садилися малыми рядами, пѣли

(*) Народныя сказки Аѳанасьева. Выпускъ IV.
(**) Тамъ-же.

онѣ—воспѣвали, жалобно причитали: кто у насъ на морѣ большимъ? кто на синемъ-то меньше? На морѣ орелъ царемъ, на морѣ орлица царица, его голубушка перепелка, русскій гусь торговый, сѣра утка попадья, воробышекъ дьячекъ, малые чижата крылошане, дикіе гуси дворяне, на морѣ филинъ водовозомъ, на морѣ журавль перевозомъ: тото-ли долгія ноги, тото-ли короткое платье! журавль по бережку ходитъ, людей перевозитъ, цвѣтно платье не мочитъ; галочки черноваты, малиновки штуковаты, синички молодицы, касаточки красны дѣвицы; малая птица синица сѣнушко косить не смогаетъ, по корму скотинушку пускаетъ; жаворонокъ воспѣваетъ, слышитъ вёсну красну, слышитъ лѣто тёпло: стала мать-рожь на колосъ метаться, скотинушка въ лѣсъ убираться; ворона-то вшивая, подаплека фальшивая, лѣтомъ ворона по суслонамъ, зимой ворона по дорогѣ, каждаго слѣду перегребаетъ, каждаго братомъ называетъ; соро́ка-то гостинная жена, хочетъ щепотко (*) ходити, съ денежки на денежку ступать, рублемъ ворота отпирать, полтиною замѣчать, безъ калача ѣсть не сядетъ, безъ водки не изопьетъ.

г) *Имена собирательныя и сплошныя.*

Возьмемъ слѣдующіе примѣры: *лѣсъ растетъ* и *дерево растетъ*, *птица пролетѣла* и *стая пролетѣла*, *человѣкъ стоитъ* и *толпа стоитъ*.

В. Гдѣ здѣсь имена существительныя?
О. *Лѣсъ*, *дерево*, *птица*, *стая*, *человѣкъ*, *толпа*.
В. Нѣтъ-ли между ними разницы?
О. Есть: *лѣсъ*, *стая*, *толпа*, означаютъ не одинъ предметъ, а много; а *дерево*, *птица*, *человѣкъ*, означаютъ каждое только одинъ предметъ.
В. Слѣдовательно, что называется лѣсомъ?
О. Собраніе деревьевъ.
В. А стаей?
О. Собраніе птицъ.
В. А толпой?
О. Собраніе людей.

(*) Нарядно.

В. Такъ что-же показываютъ эти имена?

О. Они показываютъ собраніе однихъ и тѣхъ же предметовъ.

Такъ вотъ тѣ имена, которыя показываютъ собраніе однихъ и тѣхъ же предметовъ, называются именами *собирательными*.

В. Ну, а нѣтъ-ли разницы между слѣдующими именами: *стадо* и *молоко*, *рой* и *золото*, *народъ* и *вода*?

О. Есть. *Стадо* означаетъ собраніе коровъ, быковъ, барановъ....., *рой*—собраніе пчелъ, *народъ*—собраніе людей.

В. Но, вѣдь и *молоко* означаетъ собраніе частичекъ молочныхъ, *вода*—капель водяныхъ, *золото*—частицъ золотыхъ?

О. Но въ этихъ именахъ частички носятъ то же названіе, какъ и цѣлый кусокъ или масса, напр. *вода* все будетъ называться водой, будетъ-ли море, озеро, прудъ, бочка, ведро, ковшъ, стаканъ, чашка, ложка, капелька, — все будетъ называться водой, а часть *стада* не будетъ называться *стадомъ*, напр. одну *корову* нельзя назвать *стадомъ*, *пчелу* нельзя назвать *роемъ*, *человѣка*—*народомъ*.

В. Такъ эти имена, въ родѣ: *серебро*, *масло*, *сахаръ*, *клей*, будутъ-ли въ большомъ или маломъ количествѣ, все равно называются однимъ именемъ?

О. Да, однимъ именемъ.

Такъ вотъ эти имена, въ отличіе отъ собирательныхъ, принято называть *сплошными*, потому что названіе принадлежитъ *сплошь* какъ маленькой частичкѣ, такъ и большой массѣ.

Найдите въ слѣдующей сказкѣ существительныя и скажите, какого рода каждое.

Бѣлая уточка (*).

Одинъ князь женился на прекрасной княжнѣ, и не успѣлъ еще на нее наглядѣться, не успѣлъ съ нею наговориться, не успѣлъ ее наслушаться, а ужъ надо было имъ разставаться, надо было ему ѣхать въ дальній путь, покидать жену на чужихъ рукахъ. Что дѣлать! говорятъ, вѣкъ обнявшись не просидѣть. Много плакала княгиня, много князь ее уговаривалъ, заповѣдывалъ не покидать высока терема, не ходить на бесѣду, съ дурными людьми не ватажиться, худыхъ рѣчей не слушаться. Княгиня обѣщала все исполнить. Князь уѣхалъ; она заперлась въ своемъ покоѣ и не выходитъ. Долго-ли, коротко-ли, пришла къ ней женщина, казалось-такая простая, сердечная! «Что, говоритъ, ты скучаешь? хоть бы на божій свѣтъ поглядѣла, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала, голову простудила». Долго княгиня отговаривалась, не хотѣла, наконецъ подумала: по саду походить не бѣда, и пошла. Въ саду разливалась ключевая хрустальная вода. «Что, говоритъ женщина, день такой жаркій, солнце палитъ, а водица студёная—такъ и плещетъ, не искупаться ли намъ здѣсь?—Нѣтъ, нѣтъ не хочу! а тамъ подумала: вѣдь искупаться не бѣда! скинула сарафанчикъ и прыгнула въ воду. Только окунулась, женщина ударила ее по спинѣ: «плыви ты, говоритъ, бѣлою уточкой!» и поплыла княгиня бѣлою уточкой. Вѣдьма тотчас нарядилась въ ея платье, убралась, намалевалась и сѣла ожидать князя. Только щенокъ вякнулъ, колокольчикъ звякнулъ, она ужъ бѣжитъ на встрѣчу, бросилась къ князю, цѣлуетъ, милуетъ. Онъ обрадовался, самъ руки потянулъ и не распозналъ ее. А бѣлая уточка нанесла яичекъ, вывела дѣточекъ, двухъ хорошихъ, а третьяго заморышка, и дѣточки ея вышли—ребяточки; она ихъ выростила, стали они по рѣченькѣ ходить, злату рыбку ловить, лоскутки сбирать, кафтанчики сшивать, да выскакивать на бережокъ, да поглядывать на лужокъ. «Охъ, не ходите туда, дѣти!» говорила мать. Дѣти не слушали; нынче поиграютъ на травкѣ, завтра побѣгаютъ по муравкѣ, дальше—дальше и забрались на княжій дворъ. Вѣдьма чутьемъ ихъ узнала, зубами заскрипѣла; вотъ она позвала дѣточекъ, накормила, напоила и спать уложила, а тамъ велѣла разложить огня и навѣсить котлы, наточить ножи. Легли два братца и заснули,—а заморушка, чтобъ не застудить, приказала (имъ?) мать въ пазушкѣ носить—заморушекъ-то и не спитъ, все слышитъ, все видитъ. Ночью пришла вѣдьма подъ дверь и спрашиваетъ: «спите вы, дѣтки, иль нѣтъ?» Заморушекъ отвѣчаетъ: «мы спимъ-не-спимъ, думу думаемъ, что хотятъ насъ всѣхъ порѣзати; огни кладутъ калиновые, котлы висятъ кипучіе, ножи точатъ булатные!—«Не спятъ!» Вѣдьма ушла,

(*) Народныя сказки Аѳанасьева. Выпускъ 4-й.

походила, походила, опять подъ дверь: «спите, дѣтки, или нѣтъ!» Заморушекъ опять говоритъ тоже: «мы спимъ-не-спимъ, думу думаемъ, что хотятъ насъ всѣхъ порѣзати; огни кладутъ калиновые, котлы висятъ кипучіе, ножи точатъ булатные!» Что-же это всё одинъ голосъ? подумала вѣдьма, отворила потихоньку дверь, видитъ: оба брата спятъ крѣпкимъ сномъ, тотчасъ обвела ихъ мертвой рукой — и они померли. Поутру бѣлая уточка зоветъ дѣтокъ; дѣтки нейдутъ. Зачуяло ея сердце, встрепенулась она и полетѣла на княжій дворъ. На княжьемъ дворѣ бѣлы, какъ платочки, холодны, какъ пласточки, лежали братцы рядушкомъ. Кинулась она къ нимъ, бросилась, крылушки распустила, дѣточекъ обхватила и материнскимъ голосомъ завопила:

Кря, кря, мои дѣточки!
Кря, кря, голубяточки!
Я нуждой васъ выхаживала,
Я слезой васъ выпаивала,
Темну ночь не досыпала,
Сладокъ кусъ не доѣдала!

«Жена, слышишь не бывалое? утка приговариваетъ.»—
Это тебѣ такъ чудится! велите утку со двора прогнать!—Её прогонятъ, она облетитъ да опять къ дѣткамъ:

Кря, кря, мои дѣточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила васъ вѣдьма старая,
Вѣдьма старая, змѣя лютая,
Змѣя лютая, подколодная,
Отняла у васъ отца роднаго,
Отца роднаго — моего мужа,
Потопила насъ въ быстрой рѣченькѣ,
Обратила насъ въ бѣлыхъ уточекъ,
А сама живетъ — величается!

«Эге!» подумалъ князь и закричалъ: «поймайте мнѣ бѣлую уточку!» Бросились всѣ, а бѣлая уточка летаетъ и никому не дается; выбѣжалъ князь самъ, она къ нему на руки пала. Взялъ онъ ее за крылышко и говоритъ: «стань бѣлая береза у меня

назади, акрасная дѣвица впереди!» Бѣлая береза вытянулась у него позади, а красная дѣвица стала впереди, и въ красной дѣвицѣ князь узналъ свою молодую княгиню. Тотчасъ поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велѣли въ одинъ набрать воды живящей, въ другой говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули дѣтокъ живящею водою — они встрепенулись, сбрызнули говорящею — они заговорили. И стала у князя цѣлая семья, и стали всѣ жить-поживать, добра наживать, худо забывать. А вѣдьму привязали къ лошадиному хвосту, размыкали по полю: гдѣ оторвалась нога—тамъ стала кочерга, гдѣ рука — тамъ грабли, гдѣ голова — тамъ кустъ да колода; налетѣли птицы—мясо поклевали, поднялися вѣтры—кости разметали, и не осталось отъ ней слѣда, ни памяти.

3) Имя прилагательное.

а) *Прилагательныя качественныя, притяжательныя и относительныя.*

Возьмемъ слѣдующія предложенія: *красный макъ цвѣтетъ, Николинъ день настаетъ, деревенская лошадь бѣжитъ.*

В. Означаютъ-ли что нибудь сами по себѣ слова: *красный, Николинъ, деревенская*?

О. Означаютъ: *красный* показываетъ, какого цвѣта макъ; *Николинъ* показываетъ, какого святаго день приближается; *деревенская* показываетъ, что лошадь не городская, а принадлежитъ деревнѣ, простая.

В. Слѣдовательно, къ какимъ частямъ рѣчи принадлежатъ эти слова или части рѣчи?

О. Къ знаменательнымъ.

В. Ну, а если изъ каждаго предложенія мы выбросимъ имена существительныя, то можно-ли сказать: *красный цвѣтетъ, Николинъ настаетъ, деревенская бѣжитъ*?

О. Нѣтъ, нельзя, потому что выйдетъ безсмыслица.

В. Слѣдовательно, что же нужно?

О. Нужно, чтобы были названія предметовъ или имена существительныя, къ которымъ прибавляются слова: *красный, Николинъ, деревенская.*

В. Могутъ-ли, стало быть, эти слова сами по себѣ отдѣльно произноситься въ разговорѣ или стоять въ письмѣ?

О. Нѣтъ, не могутъ.

Такъ вотъ эти слова, которыя не употребляются въ рѣчи или письмѣ отдѣльно, а всегда прибавляются или прилагаются къ именамъ существительнымъ, называются *именами прилагательными*.

В. Эти три прилагательныхъ одно-ли имѣютъ значеніе или нѣтъ?

О. Нѣтъ: *красный* означаетъ качество мака; *Николинъ* значитъ, что день празднуется во имя Св. Николая и принадлежитъ этому угоднику; *деревенская* показываетъ, что лошадь относится не къ городу, а къ деревнѣ.

Такъ вотъ тѣ прилагательныя, которыя показываютъ *качество* какое нибудь, называются прилагательными *качественными*, которыя показываютъ *принадлежность* или *притяжаніе*, называются *притяжательными*, а которыя показываютъ *отношеніе*, называются *относительными*, напр. *деревянный* домъ, *соломенная* крыша, *шерстяная* матерія, *серебряная* ложка, *каменное* строеніе.

В. Ну, а все-ли равно будетъ, когда скажемъ: *красный красненькій, краснехонькій* макъ?

О. Нѣтъ, не все равно: *красный* показываетъ просто цвѣтъ мака; *красненькій* показываетъ, что макъ искрасна, а *краснехонькій* показываетъ, что макъ очень красенъ.

В. Отъ чего это произошло?

О. Отъ того, что при сравненіи въ одномъ оказалось больше красноты, въ другомъ меньше.

В. А какъ сравниваютъ?

О. Напр. этотъ макъ *красный*; а въ которомъ больше красноты, мы сравнимъ съ нимъ первый и скажемъ про второй, что онъ *краснѣе*; возьмемъ третій сортъ мака и сравнимъ его съ первыми двумя и другими и, нашедши, что въ немъ въ большей степени краснота, чѣмъ въ прочихъ, скажемъ про него *краснѣйшій*.

В. Слѣдовательно, чѣмъ различаются прилагательныя: *красный, краснѣе, краснѣйшій*?

О. Степенью своего качества.

В. А когда эта степень качества замѣчается?

О. Когда качества сравниваются.

Такъ вотъ эта особенность прилагательныхъ, что они при сравненіи показываютъ большую или меньшую степень качества, и называется *степенью сравненія*. Этихъ степеней сравненія три: *положительная*, когда качество существительнаго не сравнивается съ другими; *сравнительная*, когда качество существительнаго сравнивается съ другими; когда же качество существительнаго сравнивается со всѣми существительными, которыя имѣютъ это качество, то образуется *превосходная* степень, потому что качество, означаемое прилагательнымъ, превосходитъ всѣ остальныя.

В. Но такъ какъ степени сравненія показываютъ различіе въ качествѣ, то какія прилагательныя могутъ ихъ имѣть?

О. Только прилагательныя качественныя, которыя показываютъ качество.

В. А могутъ-ли ихъ имѣть прилагательныя притяжательныя и относительныя?

О. Нѣтъ, не могутъ, потому что они показываютъ принадлежность и отношеніе, потому и сравненія не можетъ быть.

б) Прилагательныя отглагольныя или причастія.

Возьмемъ слѣдующія предложенія: *чирикающій воробей прыгаетъ, выросшая трава зеленѣетъ, купленный товаръ пришелъ*.

В. Означаютъ-ли что̀ слова: *чирикающій, выросшая, купленный*?

О. Означаютъ: *чирикающій* напѣвъ воробья, *выросшая* ростъ травы, *купленный* показываетъ, что̀ сдѣлали съ товаромъ.

В. Слѣдовательно, къ какимъ частямъ рѣчи они принадлежатъ?

О. Къ знаменательнымъ.

В. А попробуйте выкинуть изъ каждаго предложенія существительныя, что выйдетъ?

О. *Чирикающій прыгаетъ, выросшая зеленѣетъ, купленный пришелъ*.

В. Можно-ли такъ говорить?

О. Нѣтъ.

В. Стало быть, могутъ-ли эти слова въ рѣчи стоять сами по себѣ?

О. Нѣтъ, они должны прибавляться всегда къ именамъ существительнымъ.

В. А какъ называются слова, которыя прилагаются къ существительнымъ?

О. Именами прилагательными.

В. Какія-же это прилагательныя — качественныя?

О. Нѣтъ, потому что они не показываютъ качества.

В. Притяжательныя или относительныя?

О. Тоже нѣтъ, потому что не показываютъ ни принадлежности, ни отношенія къ какому нибудь предмету.

В. А что же они показываютъ?

О. *Чирикающій* и *выросшая* показываютъ дѣйствіе, *купленный* показываетъ состояніе.

В. А какія части рѣчи показываютъ дѣйствіе или состояніе?

О. Глаголы.

В. Стало быть, какое сходство между глаголами и этими прилагательными?

О. И глаголы, и эти прилагательныя показываютъ дѣйствіе или состояніе.

Такъ вотъ эти прилагательныя, каторыя показываютъ дѣйствіе или состояніе, называются *отглагольными* прилагательными, потому что отъ глагола производятся, или *причастіями*, потому что они *отчасти* похожи на глаголы, показывая дѣйствіе или состояніе; *отчасти* на прилагательныя, прилагаясь всегда къ существительнымъ. Найдите въ слѣдующей пѣснѣ прилагательныя и покажите, какое каждое.

Косарь.

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю......
Отчего же такъ
Не возьму я въ толкъ?

Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ.

У меня плечо
Шире дѣдова;
Грудь высокая —
Моей матушки.
На лицѣ моемъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зорю красную;
Кудри черныя
Лежатъ скобкою;
Что́ работаю —
Все мнѣ спорится;
Да въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
Прошлой осенью,
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ,
Заупрямился!
За кого же онъ
Выдастъ Грунюшку —
Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю......
Я ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ея
Багачемъ слыветъ?
Пускай домъ его —
Чаша полная!
Я ее хочу,
Я по ней крушусь:
Лицо бѣлое —
Заря алая.
Щеки полныя,
Глаза темные
Свели молодца
Съ ума-разума......,
Ахъ, вчера по мнѣ
Ты такъ плакала!
На отрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера......
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью!......
Я куплю себѣ
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее —
И прости — прощай
Село ро́дное!
Не плачь, Грунюшка,
Косой вострою
Не подрѣжусь я......
Ты прости, село,
Прости, староста:
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ.
Что внизъ по́ Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Долеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Растилается!.......
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ Морю-Черному

Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперекъ
Съ ней хотѣлося......
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошонная;
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
Наряду съ травой
Вы засохнете,
Какъ по Грунѣ я
Сохну, молодецъ!
Нагребу копенъ,
Намечу стоговъ —
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну,
Ворочусь въ село —
Прямо къ старостѣ,
Не разжалобилъ
Его бѣдностью —
Такъ разжалоблю
Золотой казной!....

Кольцовъ.

Найдите въ слѣдующемъ примѣрѣ причастія и имена прилагательныя.

Лебедь.

Лебедь по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной или водоплавающей птицы. Бѣлый, какъ снѣгъ, съ блестящими, прозрачными небольшими глазами, съ чернымъ носомъ и черными лапами, съ длинною, гибкою и красивою шеей, онъ невыразимо прекрасенъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей, по темносиней, гладкой поверхности воды. Но и всѣ его движенія исполнены прелести: начнетъ-ли онъ пить и, зачерпнувъ носомъ воды, поднимаетъ голову вверхъ и вытягиваетъ шею; начнетъ-ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся съ его пушистаго тѣла; начнетъ-ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и

чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и хвостѣ смятыя или замаранныя перья; распуститъ-ли крылья по воздуху, какъ будто длинный косой парусъ, и начнетъ также носомъ перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ, — все живописно и великолѣпно въ немъ.

Аксаковъ.

4) Нарѣчіе.

Возьмемъ слѣдующіе примѣры: *солнце ярко свѣтило, дождь пошелъ ливнемъ, сестра была въ гостяхъ, мать сидѣла дома, вчера былъ праздникъ, сегодня наступили будни, заяцъ скосу не видитъ, онъ спросонокъ не понимаетъ.*

В. Измѣнится-ли смыслъ этихъ предложеній, если мы выпустимъ слова: *ярко, ливнемъ, въ гостяхъ, дома, вчера, сегодня, скосу, спросонокъ?*

О. Измѣнится, потому что тогда неизвѣстно будетъ, какъ свѣтило солнце и шелъ дождь, гдѣ была сестра и сидѣла мать, когда былъ праздникъ и наступили будни, отъ чего заяцъ не видитъ и онъ не понимаетъ.

В. Стало быть, для чего они служатъ?

О. Для того, чтобы пояснять дѣйствіе сказуемаго.

В. Слѣдовательно, къ какой части рѣчи они прибавляются?

О. Къ глаголамъ.

В. А какъ глаголъ еще можно назвать?

О. Рѣчью, потому что отъ него главнымъ образомъ зависитъ смыслъ рѣчи.

Такъ вотъ эти слова, которыя прибавляются къ глаголу, называемому иначе рѣчью, называются въ грамматикѣ *нарѣчіями.*

В. Одно-ли и тоже означаютъ въ этихъ примѣрахъ нарѣчія?

О. Нѣтъ; одни означаютъ качество дѣйствія глагола, напр. *ярко* и *ливнемъ*; другія показываютъ мѣсто дѣйствія или состоянія, напр. *въ гостяхъ* и *дома*; третьи указываютъ на время дѣйствія, напр. *вчера* и *сегодня,* четвертыя объясняютъ причину дѣйствія, напр. *скосу* и *спросонокъ.*

В. Смотря по тому, что̀ показываютъ нарѣчія, какъ ихъ можно раздѣлить?

О. На шесть видовъ: 1) нарѣчія *качества* или *образа дѣйствія*; 2) нарѣчія *времени*; 3) нарѣчія *мѣста*; 4) нарѣчія *причины*; 5) нарѣчія *цѣли*, и 6) нарѣчія *мѣры* и *счета*.

В. Гдѣ нарѣчія въ слѣдующихъ примѣрахъ: *зимой идетъ снѣгъ, тогда пошелъ снѣгъ, селомъ шелъ нищій, тамъ шелъ нищій?*

О. Зимой, тогда, селомъ, тамъ.

В. Означаютъ-ли эти нарѣчія сами по себѣ что нибудь, отдѣльно отъ рѣчи?

О. Зимой и *селомъ* означаютъ: одно извѣстную пору въ году, другое извѣстное мѣсто; а *тогда* и *тамъ* отдѣльно, сами по себѣ взятыя, не даютъ ни объ чемъ понятія.

В. Слѣдовательно, къ какимъ частямъ рѣчи принадлежатъ нарѣчія?

О. Одни къ знаменательнымъ, другія къ служебнымъ. — Возьмемъ слѣдующіе примѣры: *женщины жнутъ стоя, старшина ходитъ подбоченившись, мальчикъ учится шутя.*

В. Что означаютъ слова: *стоя, подбоченившись, шутя?*

О. Они показываютъ образъ дѣйствія сказуемыхъ.

В. Къ какимъ частямъ рѣчи они прибавляются?

О. Къ глаголамъ.

В. А какъ называются тѣ части рѣчи, которыя прибавляются къ глаголамъ для объясненія дѣйствія или состоянія?

О. Нарѣчіями.

В. Слѣдовательно, какія это части рѣчи?

О. Нарѣчія.

В. Нѣтъ-ли глаголовъ, похожихъ по своему значенію на эти нарѣчія?

О. Есть, напр. *стоитъ, подбоченился, шутитъ.*

В. Стало быть, отъ чего произошли эти нарѣчія?

О. Отъ глаголовъ.

В. Слѣдовательно, какъ назвать эти нарѣчія?

О. Нарѣчіями *отглагольными*, какъ прежде назвали отглагольными прилагательныя, происходящія отъ глагола.

В. А нельзя-ли отъ этихъ отглагольныхъ нарѣчій произвести причастій?

О. Можно, напр. отъ *стоя* будетъ *стоящій*, отъ *подбоченившись — подбоченившійся*, отъ *шутя—шутящій.*

Такъ вотъ эти отглагольныя нарѣчія по той причинѣ, что изъ нихъ образуютъ, дѣлаютъ или *дѣютъ* причастія, называются еще *дѣепричастіями.*

Найдите нарѣчія и дѣепричастія въ слѣдующихъ примѣрахъ:

Лутонюшка (*).

Жила-была старуха; у нея былъ сынъ Лутонюшка. Вотъ разъ, дѣло было осенью — сталъ онъ скотину бить, на зиму въ запасъ солить; а мать смотритъ да ругается: «ишь, сколько головъ, загубилъ! куда дѣвать-то будешь?» — И матушка! весна придетъ, все подберетъ! отвѣчалъ Лутоня, да вслѣдъ за тѣмъ сѣлъ въ телѣгу и поѣхалъ въ лѣсъ за дровами. На ту пору шелъ мимо прохожій — такой продувной! — услыхалъ эти рѣчи, смекнулъ, что баба ни то проста, ни то глупа, и прямо къ ней на дворъ: «здравствуй, старушка!» Здравствуй, батюшка! «Я — Весна-красна, за говядиной къ тебѣ пришла». Старуха обрадовалась, привела его къ чану и наклала ему цѣлый мѣшокъ мяса — пудовъ съ восемь будетъ. Немного погодя, пріѣзжаетъ изъ лѣсу сынъ. «Знаешь-ли, сынокъ! разсказываетъ ему старуха, вѣдь у меня Весна была.» Лутоня глядитъ ей въ глаза: «какая Весна?» — Какая! Самъ же давеча сказалъ, что за мясомъ придетъ: я ей полонъ мѣшокъ наклала». «Ну, матушка, говоритъ Лутоня, прощай; пойду по бѣлу свѣту шататься: коли найду кого глупѣе тебя — ворочусь домой, а то и не жди назадъ!»

Пошелъ онъ по бѣлу свѣту шататься; въ одну деревню зашелъ — тамъ плотники избу строятъ; окоротили одно бревно, привязали къ обоимъ концамъ по веревкѣ, схватились и давай тянуть въ разныя стороны. «Что вы дѣлаете?» — Да вотъ бревно окоротили, такъ растянуть хотимъ. Разсмѣялся Лутоня, показалъ имъ, какъ надставку придѣлать, и пошелъ дальше. Смотритъ: на полѣ люди хлѣбъ убираютъ; только не серпами жнутъ, а всякій колосъ зубами отгрызаютъ. Подивился онъ этому

(*) Народныя сказки Аѳанасьева. Вып. 5-й.

чуду, и жаль стало ему, что народъ терпитъ такую муку. Сходилъ на кузницу, сковалъ себѣ серпъ и воротился назадъ; тѣмъ временемъ народъ обѣдать ушелъ. «Пусть же знаютъ, какъ хлѣбъ убирать!» подумалъ Лутоня, нажалъ снопъ, связалъ и воткнулъ въ него серпъ; а самъ стоитъ, дожидается: что будетъ? Вотъ люди пообѣдали, пришли на поле, увидали серпъ въ снопу, и закричали въ одинъ голосъ: «охъ батюшки! какой червякъ проявился, что хлѣба-то попортилъ!» Не знаютъ, что и дѣлать, какъ къ тому червяку приступить; принесли ужище, накинули на серпъ мертвую петлю и потащили къ рѣкѣ. «Какъ же намъ его въ воду спихнуть?» Не долго думали, сей часъ догадались: привязали мужика къ бревну, дали ему ужище и веревку, спустили на̀ воду: «переѣзжай, говорятъ, на ту сторону и потопи червяка». На бѣду бревно съ мужикомъ перевернулось: очутился онъ головою внизъ, ногами вверхъ. «Эхъ, братъ, кричатъ ему съ берега, что жъ ты онучи бережешь! Коли и намочишь — дома на печкѣ высушишь.» А мужикъ совсѣмъ потонулъ. — Ну, этихъ дураковъ не выучишь, сказалъ Лутоня и пошелъ своей дорогой. Пришелъ въ другую деревню. Глядь—старуха сѣчетъ курицу, сѣчетъ да приговариваетъ: «цыплятъ цѣлый содомъ вывела, а титекъ не выростила — кормить нечѣмъ.» — Эта, кажись, глупѣй моей матушки! надо домой ворочаться. Пошелъ назадъ и набрелъ на дорогѣ на артель работниковъ; сидятъ вмѣстѣ да обѣдаютъ. «Хлѣбъ да соль!» Садись съ нами. Послѣ обѣда стали они считать, всѣ ли на лицѣ; но сколько не считали, все одного не досчитываются. «Пожалуйста, добрый мо̀лодецъ, пересчитай насъ; отпустилъ насъ хозяинъ всего на̀-всего десять человѣкъ, а теперь, сколько ни считаемъ — все одного не хватаетъ.» — Да вы эдакъ никогда не досчитаетесь! Каждый изъ васъ, какъ станетъ считать, себя-то въ счетъ и не кладетъ; только хлопочете по пусту, вы всѣ на лицѣ!» — Спасибо, добрый человѣкъ! Простился съ ними Лутонюшка и опять въ дорогу; пришелъ домой и говоритъ: «здорово, матушка, воротился съ тобой жить; сколько ни ходилъ по бѣлу свѣту, а умнѣе тебя не нашелъ!»

Оселъ и Соловей.

Оселъ увидѣлъ соловья,
И говоритъ ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище.
Хотѣлъ-бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико-ль подлинно твое умѣнье!»
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
«Изрядно,» говоритъ: «сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился;
Когда бы у него немножко поучился.»
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и — полетѣлъ за тридевять полей.
Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

Крыловъ.

II. Служебныя части рѣчи.

5) Мѣстоименіе.

Возьмемъ слѣдующій примѣръ: *Петръ спрашивалъ Ивана: «твоя лошадь?» — «Моя», отвѣчалъ онъ.*

В. Гдѣ въ этомъ примѣрѣ знаменательныя и служебныя части рѣчи?

О. Знаменательныя: *Петръ*, *спрашивалъ*, *Ивана*, *лошадь*, *отвѣчалъ*; а служебныя: *твоя*, *моя*, *онъ*.

В. Что означаетъ въ рѣчи *твоя*?

О. Означаетъ, что лошадь принадлежитъ Ивану или Иванова лошадь.

В. А *моя*?

О. *Моя* означаетъ, что лошадь Иванова.

В. Слѣдовательно, вмѣсто чего поставлены *моя* и *твоя*?

О. Вмѣсто имени прилагательнаго Иванова.

В. Про кого говорится *онъ*?

О. Про Ивана.

В. Слѣдовательно, вмѣсто чего поставлено *онъ*?

О. Вмѣсто имени существительнаго Иванъ.

В. Такъ для чего же служатъ эти слова: *моя*, *твоя*, *онъ*?

О. Одни для того, чтобы ставиться вмѣсто именъ существительныхъ, другія вмѣсто именъ прилагательныхъ.

Такъ вотъ эти слова или части рѣчи, которыя ставятся вмѣсто именъ, и называются *мѣстоименіями*. Тѣ мѣстоименія, которыя ставятся вмѣсто именъ существительныхъ, называются *мѣстоименіями существительными*; а которыя ставятся вмѣсто именъ прилагательныхъ, называются *мѣстоименіями прилагательными*.

а) *Мѣстоименія личныя.*

Возьмемъ слѣдующій примѣръ: *поѣхалъ молодой мужикъ на промыслы, а жена пошла провожать*; *прошла съ версту и заплакала*. «*Ты не плачь, жена*! *Я скоро пріѣду*». «*Да развѣ я объ тебѣ плачу*! *У меня ноги озябли.*»

В. Какія тутъ части рѣчи: *я*, *ты*, *меня*, *тебѣ*?

О. Мѣстоименія.

В. Почему?

О. Потому что они поставлены вмѣсто именъ существительныхъ-мужикъ и жена: когда мужикъ про себя говоритъ, то называетъ себя *я*, а когда къ женѣ обращается, то называетъ ее *ты*; точно также и жена, когда объ себѣ говоритъ, то не называетъ себя по имени, а говоритъ *я*, а мужа не называетъ мужемъ, а говоритъ *ты*.

В. Какія имена существительныя они замѣняютъ?

О. Одушевленныя, именно людей: *мужъ*, *жена*.

В. Слѣдовательно про кошку и собаку тоже можно сказать *я* и *ты*?

О. Нѣтъ, нельзя.

В. Отъ чего?

О. Отъ того, что они не умѣютъ разговаривать, какъ люди.

В. Слѣдовательно, мѣстоименія *я* и *ты* могутъ замѣнять только имена людей?

О. Да. Хотя въ сказкахъ и другихъ сочиненіяхъ животныя и неодушевленные предметы выводятся разговаривающими; но уже это будетъ вымыселъ.

Такъ вотъ эти мѣстоименія, которыя замѣняютъ имена людей или *лица*, и называются *личными* мѣстоименіями.

В. А сколько лицъ могутъ разговаривать?

О. Два или нѣсколько: одно или одни, которыя говорятъ; другое или другія лица, которыя слушаютъ.

В. Когда говорилъ мужикъ, какъ себя называлъ?

О. Я.

В. А жену?

О. Ты.

Такъ вотъ то лице, которое говоритъ, называется *первымъ лицемъ*, именно *я* и *мы*, а съ которымъ говорятъ, называется *вторымъ лицемъ*, именно *ты* и *вы*.

б) *Мѣстоименія указательныя.*

Возьмемъ примѣръ: *мужъ спрашивалъ у жены объ сынѣ*: «*Гдѣ Ваня*»? — «*Онъ въ лѣсъ пошелъ*». — «*Въ этотъ?*» — «*Нѣтъ, въ тотъ*». — «*Давно ушелъ?*» — «*Сей часъ, да такой побѣжалъ веселый*».

В. Сколько здѣсь лицъ разговариваютъ?

О. Два лица: мужъ и жена.

В. Объ комъ они говорятъ?

О. Объ сынѣ.

В. Назвала-ли мать сына по имени?

О. Нѣтъ, она сказала: *онъ* пошелъ въ лѣсъ.

В. Вмѣсто чего здѣсь стоитъ *онъ*?

О. Вмѣсто имени существительнаго — Ваня.

В. Слѣдовательно, *онъ* какая часть рѣчи?

О. Мѣстоименіе.

В. Что оно означаетъ?

О. Оно указываетъ на Ваню.

Такъ вотъ эти мѣстоименія, которыми лица разговаривающія указываютъ на другой предметъ, называются мѣстоименіями *указательными*.

В. Нѣтъ-ли въ этомъ примѣрѣ еще указательныхъ мѣстоименій?

О. Есть: *этотъ* и *тотъ* указываютъ на лѣсъ, *сей* указываетъ на часъ, *такой* указываетъ на веселаго Ваню.

в) Мѣстоименіе возвратное.

Возьмемъ примѣръ: *однажды говорила о себѣ рѣпа: «я, рѣпа, съ медомъ хороша». — «Поди прочь, хвастунья!» отвѣчалъ медъ. «Я и безъ тебя хорошъ».*

В. Съ кѣмъ говорилъ медъ?

О. Съ рѣпой.

В. Какимъ онъ называлъ ее мѣстоименіемъ?

О. Мѣстоименіемъ втораго лица — *ты*.

В. А рѣпа съ кѣмъ говорила?

О. Одна.

В. Объ комъ она говорила?

О. Объ рѣпѣ.

В. А тутъ какъ сказано?

О. Тутъ сказано объ *себѣ*.

В. Слѣдовательно, слово *себѣ* что замѣняетъ?

О. Имя существительное *рѣпа*.

В. Стало быть, какая часть рѣчи *себѣ*?

О. Мѣстоименіе.

В. Ну, а мѣстоименіе *себѣ* къ другому предмету или лицу относится, или къ самой рѣпѣ?

О. Къ самой рѣпѣ.

Такъ вотъ это мѣстоименіе, которое замѣняетъ имя разговаривающаго лица, когда оно обращаетъ дѣйствіе на себя, называется *возвратнымъ* мѣстоименіемъ.

г) Притяжательныя мѣстоименія.

Возьмемъ примѣръ: *когда у ребенка выпадаетъ зубъ, наши няньки научаютъ его бросить свой зубъ за печку и проговорить: «мышка! мышка! гдѣ твой зубъ костяной? Вотъ тебѣ мой рѣпяной.»*

В. Что замѣняютъ слова: *наши, свой, мой, твой*?

О. *Наши* поставлено вмѣсто русскія, *свой* и *мой* поставлены вмѣсто зубъ ребячій, твой—вмѣсто мышкинъ.

В. Стало быть, какія это части рѣчи?

О. Мѣстоименія прилагательныя.

В. А что показываютъ прилагательныя *русскій, ребячій, мышкинъ*?

О. Принадлежность.

В. А *нашъ, свой, мой, твой*?

О. Тоже принадлежность.

Такъ вотъ мѣстоименія, замѣняющія имена прилагательныя притяжательныя, называются *притяжательными* мѣстоименіями.

д) Опредѣлительныя мѣстоименія.

Возьмемъ примѣръ: *однажды сама мать пошла по грибы со всѣми дѣтьми; всякій ребенокъ несъ кошолку, каждый такъ былъ доволенъ, что имъ и самый богачъ позавидовалъ бы.*

В. Вмѣсто чего поставлены слова: *сама, всѣми, всякій, каждый, самый*?

О. Вмѣсто именъ прилагательныхъ.

В. Слѣдовательно, какія это части рѣчи?

О. Мѣстоименія прилагательныя.

В. А что они показываютъ?

О. *Сама* показываетъ, что мать была главная; *всѣ* показываетъ, сколько было дѣтей; *всякій* и *каждый* показываютъ, что не одинъ несъ кошолку и былъ доволенъ, а всѣ, сколько ихъ было; *самый* показываетъ, что и богачъ бы даже позавидовалъ.

В. Для чего, стало быть, они служатъ?

О. Для большей ясности и опредѣленности.

Такъ вотъ эти мѣстоименія, которыя показываютъ большую опредѣленность, называются *опредѣлительными* мѣстоименіями.

е) Неопредѣленныя мѣстоименія.

Возьмемъ примѣръ: *въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ-былъ какой-то царь. Иной разъ онъ любилъ что-нибудь слушать и тогда кто-нибудь ему разсказывалъ. Однажды приходитъ нѣкто, слывшій за мудреца. Слуги и говорятъ царю: «къ тебѣ кто-то пришелъ, царь!» Позвали мудреца; онъ и говоритъ: «я имѣю нѣчто сказать тебѣ, царь!» — «Говори, я послушаю, что-то ты скажешь!» Мудрецъ и разсказалъ ему нѣсколько сказокъ.*

В. Что замѣняютъ слова *нѣкоторомъ, какой-то, иной, кто-нибудь, что-нибудь, нѣкто, кто-то, нѣчто, что-то, нѣсколько*?

О. Или существительныя, или прилагательныя.

В. Стало быть, какія это части рѣчи?

О. Мѣстоименія.

В. Что же они показываютъ?

О. Они замѣняютъ предметы и качества предметовъ, но не объясняютъ и не опредѣляютъ, что это за предметы и качества, напр. *нѣкоторое* царство не опредѣляетъ, какое царство, *нѣкто* пришелъ не опредѣляетъ, кто пришелъ и. т. д.

В. Слѣдовательно, какъ назвать эти мѣстоименія?

О. Мѣстоименіями *неопредѣленными*.

ж) Отрицательныя мѣстоименія.

Возьмемъ примѣръ: *никто никакимъ образомъ не можетъ ничего знать о своемъ будущемъ.*

В. Что означаютъ слова: *никто, ничего, никакимъ*?

О. *Никто* и *ничего* отвергаютъ или отрицаютъ всякое лицо и всякій предметъ, а *никакой* отрицаетъ всякое качество.

В. Слѣдовательно, что-же они показываютъ?

О. Отрицаніе предмета и качества предмета.

Такъ вотъ эти слова, которыя отрицаютъ предметы и ихъ качества, называются *отрицательными* мѣстоименіями.

в) Вопросительныя мѣстоименія.

Возьмемъ примѣръ: *ѣдутъ крестьяне и разговариваютъ между собой: «вы изъ какого села?» «Мы изъ Ефремова». «Чьи вы?» — «Теперь вольные». — «А съ котораго года стали вольными?» — «Съ 1859 года». — «А кто у васъ прежде бариномъ былъ?» — Михрюткинъ.*

В. Означаютъ-ли что сами по себѣ слова: *какого, чьи, котораго, кто*?

О. Нѣтъ, не означаютъ ни предмета, ни дѣйствія, ни качества.

В. Стало быть, къ какимъ частямъ рѣчи они принадлежатъ?

О. Къ служебнымъ.

В. Для чего они служатъ въ рѣчи?

О. Для вопроса.

В. Что ими спрашивается?

О. Словами *какого, чьи, который*, спрашивается качество, принадлежность и счетъ существительныхъ — села, крестьянъ, года; а словомъ *кто* спрашивается имя лица, которое ими владѣло.

В. Стало быть, что они замѣняютъ?

О. Имена прилагательныя или существительныя.

В. Слѣдовательно, какія это части рѣчи?

О. Мѣстоименія.

В. А какъ назвать эти мѣстоименія?

О. Мѣстоименіями *вопросительными*, потому что они означаютъ вопросъ.

и) Относительныя мѣстоименія.

Передѣлаемъ предыдущій примѣръ такъ: *крестьяне ѣдутъ и разговариваютъ между собой: «село, изъ какого мы вы-*

ѣхали, называется Ефремово. Годъ, съ котораго мы стали вольными, былъ 1859-й. Баринъ, чьи мы прежде были и что́ владѣлъ нами, прозывается Михрюткинъ.»

В. Показывается-ли здѣсь вопросъ словами: *какого, который, чьи, кто*?

О. Нѣтъ; *какого* показываетъ на село, *который* показываетъ на годъ, *чье* и *что* показываетъ на Михрюткина.

В. Слѣдовательно, теперь что́ тѣ же мѣстоименія показываютъ?

О. Отношеніе и принадлежность.

Такъ вотъ эти мѣстоименія, которыя показываютъ отношеніе, и называются *относительными мѣстоименіями*.

Найдите мѣстоименія въ слѣдующихъ примѣрахъ:

Листы и Корни.

Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листы на деревѣ съ зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали:
«Неправда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что́ бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы ль красивостью своей
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?
У насъ же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не разстаетесь съ нами.»
—«Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ,»
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ подъ земли смиренно.
«Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно!

Вы кто такіе тамъ,
Что дерзко такъ считаться съ нами стали?»
Листы, по дереву шумя, залепетали.
— «Мы тѣ,
Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.
Красуйтесь въ добрый часъ!
Да только помните ту разницу межъ насъ:
Что съ новою весной листъ новый народится;
А если корень изсушится,—
Не станетъ дерева, ни васъ.»

Крыловъ.

Анекдотъ (*).

Овдовѣлъ мужикъ; пришлось самому хлѣбы ставить. Вотъ онъ замѣсилъ въ дежѣ (**) тѣсто, и вышелъ куда-то. Въ сумеркахъ воротился, хотѣлъ было вздуть огонь, какъ услышалъ, что кто-то пыхтитъ; а это хлѣбы кисли. «Недавно, думаетъ себѣ, ушелъ, а кто-то ужъ забрался въ избу!»—и въ потьмахъ наступилъ на кочергу. Она ударила его въ лобъ, онъ закричалъ: «сдѣлай милость, не дерись! вѣдь я тебѣ ничего не сдѣлалъ» — а самъ ну пятиться вонъ изъ избы. На бѣду нога разулась, и мужикъ при выходѣ прихлопнулъ веревку отъ лаптя дверью и упалъ. «Батюшка, отпусти! не держи меня, право-слово—ничего тебѣ не сдѣлаю!»

6) Имя числительное.

Возьмемъ примѣръ: *два человѣка идутъ*.

В. Если выбросимъ существительное *человѣка*, то можно-ли сказать: *два идутъ*?

О. Нѣтъ, нельзя, потому что неизвѣстно, про кого говорятъ.

В. Слѣдовательно, можетъ ли въ рѣчи *два* стоять одно безъ имени существительнаго?

(*) Народ. сказ. Аѳанасьева. Вып. 5-й.
(**) Квашня.

О. Нѣтъ, не можетъ.

В. А какъ называется часть рѣчи, которая всегда придается къ имени существительному?

О. Именемъ прилагательнымъ.

В. Показываетъ-ли это имя прилагательное *два* принадлежность, отношеніе или качество?

О. Нѣтъ, оно ничего такого не показываетъ, что бы мы могли замѣтить въ природѣ.

В. Стало быть, къ какимъ частямъ рѣчи принадлежитъ *два*?

О. Къ служебнымъ.

В. Для чего-же оно тутъ служитъ?

О. Чтобы показывать счетъ или число людей.

Такъ вотъ эти имена прилагательныя, которыя показываютъ счетъ или число, называются *именами числительными.*

В. Гдѣ имена числительныя въ слѣдующихъ примѣрахъ: *мы проѣхали пять верстъ; мы проѣхали пятую версту*?

О. Пять и *пятую.*

В. Одно-ли и тоже показываютъ *пять* и *пятую*?

О. Нѣтъ; хотя они оба и показываютъ число; но въ самомъ показаніи есть разница.

В. Какая?

О. Пять означаетъ число или количество верстъ, которыя проѣхали; а *пятую* означаетъ послѣдовательность или порядокъ, въ которомъ проѣзжали версту за верстой.

Такъ вотъ тѣ числительныя, которыя показываютъ количество, называются *количественными*, а тѣ, которыя показываютъ порядокъ счета, называются *порядковыми.*

В. А не будетъ-ли разницы между количественными, когда скажемъ: *пять крестьянъ косятъ* и *пятеро крестьянъ косятъ*?

О. Будетъ: *пять* означаетъ просто число крестьянъ, а *пятеро* кромѣ числа показываетъ собраніе крестьянъ.

Такъ вотъ эти количественныя, которыя означаютъ собраніе, называются *собирательными.*

В. А какая разница между количественными, если скажемъ: *мы проѣхали одну версту* и *мы проѣхали четверть версты.*

О. Одну показываетъ цѣлую версту, а *четверть* только часть версты.

Такъ вотъ тѣ числительныя количественныя, которыя показываютъ не цѣлое число, а часть, называются дробными; напр. *осьмуха, половина, полтора* ($1\frac{1}{2}$), *полтретья* ($2\frac{1}{2}$), и т. д.

Найдите имена числительныя въ слѣдующемъ стихотвореніи.

Въ деревнѣ.

1.

Право, не клубъ ли вороньяго рода
Около нашего нынче прихода?
Вотъ и сегодня... ну просто бѣда!
Глупое карканье, дикіе стоны...
Кажется, съ цѣлаго свѣта вороны
По вечерамъ прилетаютъ сюда.
Вотъ и еще, и еще эскадроны.....
Рядышкомъ сѣли на куполъ, на крестъ,
На колокольнѣ, на ближней избушкѣ,—
Вонъ у плетня покачнувшійся шестъ:
Двѣ умѣстились на самой верхушкѣ,
Крыльями машутъ.... Все тоже опять,
Что и вчера...... посидятъ и въ дорогу!.....
Полно лѣниться! воронъ наблюдать!
Черныя тучи ушли, слава Богу,
Вѣтеръ смирился: пройдусь до полей.
Съ самаго утра унылый, дождливый
Выдался нынче денекъ насчастливый:
Даромъ въ болотѣ промокъ до костей,
Вздумалъ работать, да трудъ не дается,
Глядь, ужъ и вечеръ — вороны летятъ...
Двѣ старушонки сошлись у колодца,
Дай-ка послушаю, что говорятъ.....

2.

— Здравствуй, родная.— «Какъ можется, кумушка?
Все еще плачешь никакъ?
Ходитъ, знать, по сердцу горькая думушка,

Словно хозяинъ—большакъ?»
— Какъ же не плакать? Пропала я, грѣшная!
Душенька ноетъ, болитъ.....
Умеръ, Касьяновна, умеръ, сердешная,
Умеръ и въ землю зарытъ!
Вѣдь наскочилъ же на экую гадину!
Сынъ ли мой не былъ удалъ?
Сорокъ медвѣдей поддѣлъ на рогатину—
На сорокъ первомъ сплошалъ!
Росту большаго, рука что̀ желѣзная,
Плечи—косая сажень,
Умеръ, Касьяновна, умеръ, болѣзная—
Вотъ ужъ тринадцатый день!

— Шкуру съ медвѣдя-то содрали, продали;
Деньги—семнадцать рублей—
За душу бѣднаго Савушки подали,
Царство небесное ей!
Добрая барыня Марья Романовна—
На панихиду дала.....
Умеръ, голубушка, умеръ, Касьяновна—
Чуть я домой добрела.
—Вѣтеръ шатаетъ избенку убогую,
Весь развалился овинъ....
Словно шальная пошла я дорогою:
Не попадется ли сынъ?
Взялъ бы топорикъ— бѣда поправимая —
Мать бы утѣшилъ свою.....
Умеръ, Касьяновна, умеръ, родимая—
Надо-ль? топоръ продаю.

— Кто приголубитъ старуху безродную?
Вся обнищала въ конецъ!
Въ осень ненастную, въ зиму холодную
Кто запасетъ мнѣ дровецъ?
Кто, какъ доносится теплая шубушка,
Зайчиковъ новыхъ набьетъ?

Умеръ, Касьяновна, умеръ, голубушка—
Даромъ ружье пропадетъ!
—Вѣришь, родная: съ тоской да съ заботами
Такъ опостылѣлъ мнѣ свѣтъ!....
Лягу въ коморку, покроюсь тенѣтами.
Словно какъ саваномъ.... Нѣтъ!
Смерть не приходитъ.... Брожу нелюдимая,
По-пусту жалоблю всѣхъ.....
Умеръ, Касьяновна, умеръ, родимая—
Эхъ? кабы только не грѣхъ....
—Ну, да и такъ.... дай Богъ зиму промаяться,
Свѣжей травы мнѣ не мять!
Скоро избенка совсѣмъ расшатается,
Некому поле вспахать.
Въ городъ сбирается Марья Романовна,
По̀-міру силъ нѣтъ ходить.....
Умеръ, голубушка, умеръ, Касьяновна,
И не велѣлъ долго жить!—

Некрасовъ.

7) Предлогъ.

Возьмемъ примѣръ: *охотники съ ружьями проникли въ чащу лѣса; вдругъ поднялся изъ берлоги медвѣдь, бросился на перваго попавшагося и подмялъ его подъ себя.*

В. Къ какимъ частямъ рѣчи принадлежатъ слова: *съ, въ, изъ, на, подъ*?

О. Къ служебнымъ, потому что они сами по себѣ ничего не означаютъ, а служатъ для связи рѣчи.

В. А не замѣтили-ли, гдѣ они ставятся: впереди или назади тѣхъ словъ, которыя связываютъ?

О. Впереди, именно предъ тѣми словами, которыя связываютъ.

Такъ вотъ тѣ части рѣчи, которыя служатъ для связи словъ между собою и ставятся или полагаются предъ тѣми словами, которыя связываютъ, называются *предлогами.*

Предлоги бываютъ: *отдѣльные*, когда они особо могутъ стоять передъ словами, напр. *безъ, въ, до, изъ, къ, на, надъ, о, объ, по, подъ, предъ* или *передъ, при, про, съ, чрезъ* или

через. Тѣ же предлоги, которые всегда соединяются съ словами, называются *слитными,* напр. *вз* или *воз* (взыскать, возносить), *вы* (выносить), *низ* (низвергать), *па* (падчерица), *пра* (прадѣдъ) *пре* или *пере* (преступникъ, перенимать,) *раз* или *роз* (разговоръ, розговѣнье), *су* (супругъ, сумракъ).

Найдите въ слѣдующемъ стихотвореніи предлоги отдѣльные и слитные:

Похороны.

Межъ высокихъ хлѣбовъ затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свѣту шлялося
И на насъ невзначай набрело.

Ой, бѣда приключилася страшная?
Мы такой не знавали во вѣкъ:
Какъ у насъ—голова безшабашная—
Застрѣлился чужой человѣкъ!

Судъ пріѣхалъ.... допросы....— тошнехонько!
Догадались деньжонокъ собрать:
Осмотрѣлъ его лѣкарь скорехонько
И велѣлъ гдѣ нибудь закопать.

И пришлось намъ нежданно-негадано
Хоронить молодаго стрѣлка,
Безъ церковнаго пѣнья, безъ ладана,
Безъ всего, чѣмъ могила крѣпка....

Безъ поповъ!.... Только солнышко знойное,
Вмѣсто яраго воску свѣчи,
На лице непробудно-спокойное,
Не скупясь, наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрѣли въ долинѣ цвѣты;
Птичка Божья на гробъ опускалася
И, чирикнувъ, летѣла въ кусты.

Поглядимъ: что̀ ребятъ набирается!
Перекрестились и подняли вой....

Мать о сынѣ рѣкой разливается,
Плачетъ мужъ по женѣ молодой.—

Какъ не плакать имъ? Диво велико-ли?
Своему-то свои хороши!
А по комъ ребятишки захныкали,
Тотъ навѣрно былъ доброй души!

Межъ двумя хлѣбородными нивами,
Гдѣ прошелъ неширокій долокъ,
Подъ большими плакучими ивами
Упокоился бѣдный стрѣлокъ.

Что тебя доканало сердешнаго?
Ты за что свою душу сгубилъ?
Ты захожій, ты роду нездѣшняго,
Но ты нашу сторонку любилъ.

Только минутъ морозы упорные
И весеннихъ гостей налетитъ,—
«Чу!» кричатъ наши дѣтки проворныя:
«Прошлогодній охотникъ палитъ!»

Ты ласкалъ ихъ, гостинцу имъ нашивалъ,
Ты на спросъ отвѣчать не скучалъ.
У тебя порошку я попрашивалъ,
И всегда ты не скупо давалъ.

Почивай же, дружокъ! Память вѣчная!
Не жива ль твоя бѣдная мать?
Или, можетъ, зазноба сердечная
Будетъ таять, дружка поджидать?

Мы дойдемъ, повѣстимъ твою милую:
Можетъ быть, и пріѣдетъ любя,
И поплачетъ она надъ могилою,
И разскажемъ мы ей про тебя.

Почивай себѣ съ миромъ, съ любовію!
Почивай! Богъ тебѣ судія,
Что обрызгалъ ты грѣшною кровію
Неповинныя наши поля!

Кто дознаетъ, какою кручиною
Надрывалося сердце твое

Передъ вольной твоею кончиною,
Передъ тѣмъ, какъ спустилъ ты ружье?...
Межъ двумя хлѣбородными нивами,
Гдѣ прошелъ неширокій долокъ,
Подъ большими плакучими ивами
Упокоился бѣдный стрѣлокъ.
Будутъ пѣсни къ нему хороводныя
Изъ села по зарѣ долетать,
Будутъ нивы ему хлѣбородныя
Безгрѣховные сны навѣвать...

Некрасовъ.

8) Союзы.

Возьмемъ слѣдующій примѣръ: *прибили одного дурня ночью и стали ему на другой день смѣяться. «Ну, говоритъ онъ, молите Бога, что ночь была свѣтлая; а то я выкинулъ бы вамъ штуку!» Какую? скажи, пожалуйста. «Я бы спрятался!»*

В. Къ какимъ частямъ рѣчи принадлежатъ слова: *и, что, а то бы, бы?*

О. Къ служебнымъ, потому что они сами по себѣ ничего не означаютъ, а служатъ для связи рѣчи.

В. Что они связываютъ?

О. Они связываютъ предложенія между собою, такъ напр. въ приведенномъ примѣрѣ *и* соединяетъ два предложенія: 1) *прибили одного дурня,* 2) *стали ему на другой день смѣяться; что* соединяетъ два предложенія: 1) *молите Бога,* 2) *ночь была свѣтлая; а то бы* соединяетъ предложеніе: *я выкинулъ вамъ штуку* съ предыдущими двумя; *бы* опять связываетъ съ предыдущими предложеніе: *я спрятался.*

Такъ вотъ эти части рѣчи, которыя соединяютъ или связываютъ предложенія, называются *союзами.*

Найдите союзы въ слѣдующей баснѣ:

Два мужика.

Здорово, кумъ Ѳаддей!»—«Здорово, кумъ Егоръ!»
—«Ну, каково, пріятель поживаешь?»
—Охъ, кумъ, бѣды моей, что̀ вижу, ты не знаешь!

Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до тла свой дворъ,
И по̀-міру пошелъ съ-тѣхъ-поръ.»
—«Какъ-такъ? Плохая, кумъ, игрушка!»
—«Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка;
Я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ:
Признаться въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ;
А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну, ты какъ?»—«Охъ Ѳаддей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:
Ты видишь, я безъ ногъ;
Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ.
Я, тожъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
И тоже черезъ-чуръ, признаться, я хлебнулъ
Съ друзьями полугару:
А чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожару,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ:
Анъ бѣсъ меня въ потьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не-человѣка,
И вотъ я съ той поры калѣка.»
—«Пеняйте на себя, друзья!»
Сказалъ имъ сватъ Степанъ. «Коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,
Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянаго и со свѣчею худо,
Да врядъ, не хуже ль и въ потьмахъ.»

Крыловъ.

9) Междометіе.

Возьмемъ слѣдующій примѣръ: *Цыганъ залѣзъ въ чужой садъ и набузовалъ яблокъ полны карманы. На его бѣду пришелъ хозяинъ. Цыганъ бѣжать, а хозяинъ догонять. Бѣгали бѣгали, насилу поймалъ. «Эхъ, батенька! какъ-же ты уморилъ меня,» говоритъ цыганъ.*

В. Что въ этомъ примѣрѣ показываетъ слово *эхъ?*

О. Оно показываетъ выраженіе вздоха.

В. Можно ли его отнести къ знаменательнымъ частямъ рѣчи?

О. Нѣтъ, потому что оно ничего не означаетъ, кромѣ звуковъ вздоха.

В. Не относится ли оно къ служебнымъ частямъ рѣчи?

О. Тоже нѣтъ, потому что не служитъ ни для связи словъ между собою, ни для связи предложеній.

Такъ вотъ эта часть рѣчи, которая выражаетъ или звуки, производимые человѣкомъ, напр. *охъ, ахъ, эхъ, эй, ха-ха, хи-хи, тьфу* и. т. д., или звуки, производимые животными, напр. *мяу, ку-ку, кукурику, му-у*, или звуки, производимые неодушевленными предметами, напр. *бухъ, динь-динь, тикъ-тикъ* и пр., называется *междометіемъ*.

Найдите междометія въ стихотвореніи Пушкина

Бѣсы.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь....
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!
—Эй, пошелъ, ямщикъ!....—«Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло,
Хоть убей слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ!
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ видно,
Да кружитъ по сторонамъ.
«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня,
Вонъ — теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;

Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой.»
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали.....—Что тамъ въ полѣ?—
«Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ?»
Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь......
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.
Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ....
Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ....

Пушкинъ.

В. И такъ, всѣ слова русскаго языка на сколько мы разсортировали отдѣловъ?

О. На девять.

В. А что мы принимали въ основаніе такого раздѣленія?

О. Въ основаніе принимались важные признаки или особен-

ности, которыми слова отличаются одно отъ другаго; такъ напр. слова, имѣющія признакъ дѣйствія или состоянія, составили отдѣлъ *1) глаголовъ*;—имѣющія признакъ существованія составили отдѣлъ *2) существительныхъ*;—имѣющія признакъ опредѣленія къ существительнымъ составили отдѣлъ *3) прилагательныхъ*;—имѣющія признакъ числа и счета составили отдѣлъ *4) числительныхъ*;—имѣющія признакъ обстоятельства при глаголѣ составили отдѣлъ *5) нарѣчій*; — имѣющія признакъ замѣняемости именъ составили отдѣлъ *6) мѣстоименій*;—имѣющія признакъ показывать отношеніе и связь между словами составили отдѣлъ *7) предлоговъ*;—имѣющія признакъ показывать отношеніе и связь мыслей составили отдѣлъ *8) союзовъ;* наконецъ слова, выражающія одни звуки, составили отдѣлъ *9) междометій.*

Повторимъ на разборѣ слѣдующей притчи все пройденное о частяхъ рѣчи.

О царѣ Петрѣ.

Наѣхалъ царь Петръ въ лѣсу на мужика; мужикъ дрова рубитъ. И говоритъ ему царь: «Божья тебѣ помочь крестьянствовати!» Мнѣ надо Бога на помочь! «А велико-ли у тебя, мужичекъ, семейство?» А семейство у меня двѣ дочери, да два сына. «Не велико жь твое семейство. Куда же ты деньги кладешь?» Кладу я деньги на три статьи: во первыхъ долгъ плачу, а въ другихъ въ долгъ даю, а въ третьихъ въ воду мечу. Царь призадумался, что бы это значило, что старикъ и въ долгъ даетъ, и долгъ платитъ, и въ воду мечетъ? И говоритъ ему старикъ: въ долгъ даю—двухъ сыновей кормлю; долгъ плачу—стараго отца и мать кормлю; а въ воду мечу — двухъ дочерей кручу. (*) «Ну, говоритъ ему царь, умная ты голова старичекъ. Будутъ со святой Руси гуси, умѣй-ка щипать. А теперь сведи меня въ степи, я дороги не знаю,» Почто я тебя поведу? Найдешь самъ дорогу: иди прямо, сверни вправо, тутъ повороти влѣво, а тамъ опять вправо. «Этой я грамоты, говоритъ

(*) Снаряжаю къ замужеству.

царь, не знаю. Ты меня сведи.» А мнѣ, сударь, въ крестьянствѣ день дорого стоитъ. «Дорого день стоитъ, да я тебѣ заплачу.» А заплатишь, такъ поѣдемъ!—Сѣли они на одноколку и поѣхали. Дорогой сталъ царь мужичка выспрашивать: «Далече-ль, мужичекъ, бывалъ?» Кое-куда бывалъ, сударь! «А видѣлъ ли царя!» Царя не видалъ, а надо-бъ посмотрѣть: согласился бы и номереть. «Такъ смотри: въ степяхъ царь будетъ.» А какъ я царя узнаю? «Всѣ будутъ безъ шапокъ бѣгать, одинъ царь въ шапкѣ.» Какъ пріѣхали въ степь, увидѣли люди царя, всѣ шапки подъ пазухи, бѣгомъ бѣгаютъ. А мужикъ ширитъ глаза свои: двое стоятъ въ шапкахъ, и спрашиваетъ: кто же царь? Говоритъ ему Петръ Алексѣевичъ: «видно, кто-нибудь изъ насъ съ тобой царь.»

Части рѣчи.

1) Знаменательныя.

Наѣхалъ, царь, Петръ, лѣсу, мужика, дрова, рубитъ, говоритъ, Божья, помочь, крестьянствовати, надо, Бога, велико, семейство, дочери, сына, деньги, кладешь, статьи, долгъ, плачу, даю, воду, мечу, призадумался, значило, кормлю, стараго, отца, мать, кручу, умная, голова, будутъ, святой, Руси, гуси, умѣй, щипать, сведи, степи, дороги, знаю, найдешь, иди, прямо, сверни, вправо, повороти, влѣво, грамоты, сударь, крестьянствѣ, день, дорого, стоитъ, поѣдемъ, сѣли, одноколку, дорогой, сталъ, выспрашивать, далече, видомъ, посмотрѣть, согласился, помереть, шапокъ, бѣгать, люди, пазухи, бѣгомъ, ширитъ, глаза, видно.

2) Служебныя.

въ (во), на, и, ему, тебѣ, мнѣ, а, ли, у, двѣ, да, не, же, твое, куда, три, другихъ, третьихъ, первыхъ, чтобы, это, что, со (съ), ка, теперь, почто, самъ, тутъ, тамъ, опять, такъ, кое-куда, бы, какъ, всѣ, безъ, одинъ, подъ, свои, двое, кто, кто-нибудь, изъ.

Междометіе.

Ну!

Теперь знаменательныя и служебныя части рѣчи раздѣлимъ на тѣ девять отдѣловъ, которые мы съ вами прошли.

1) ГЛАГОЛЪ.

Наѣхалъ, рубитъ, говоритъ, крестьянствовати, надо, кладешь, плачу, даю, мечу, призадумался, значило, кормлю, кручу, будутъ, умѣй, щипать, своди, знаю, найдешь, иди, сверни, повороти, стоитъ, поѣдемъ, сѣли, сталъ, выспрашивать, видалъ, посмотрѣть, согласился, померeть, бѣгать, ширитъ, видно.

Залоги.

1) Дѣйствительный.

Наѣхалъ, рубитъ, говоритъ, кладешь, плачу, даю, мечу, кормлю, кручу, щипать, своди, знаю, найдешь, выспрашивать, видалъ, посмотрѣть, ширитъ.

2) Средній.

Крестьянствовать, призадумался, значило, умѣй, иди, сверни (здѣсь въ значеніи средняго), повороти (тоже), стоитъ, поѣдемъ, сѣли, померeть, бѣгать.

3) Взаимный.

Согласился.

Примѣчаніе 1. Пропущеные два глагола: будутъ и сталъ называются вспомогательными глаголами, когда они соединяются съ другими глаголами, напр. будутъ бѣгать, сталъ выспрашивать; если же они стоятъ одни, то бываютъ средняго залога, напр. есть, было, будетъ добро, сталъ на ноги.

Примѣчаніе 2. Пропущенные еще два глагола: надо и видно принадлежатъ къ безличнымъ глаголамъ, потому что не замѣтно при нихъ подлежащаго.

2) ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.

Царь, Петръ, лѣсу, мужика, дрова, помочь, Бога, семейство, дочери, сына, деньги, статью, долгъ, воду, отца, мать, голова, Руси, гуси, степи, дороги, грамоты, сударь, крестьянствѣ, день, одноколку, шапокъ, люди, пазухи, глаза.

1) Чувственныя.

Царь, Петръ, лѣсу, мужика, дрова, семейство, дочери, сына, деньги, воду, отца, мать, голова, Руси, гуси, степи, дороги, грамоты, сударь, день, одноколку, шапокъ, люди пазухи, глаза.

1) Собственныя.

Петръ, Русь.

2) Общія.

Лѣсу, мужика, дрова, семейство, дочери, сына, деньги, воду, отца, мать, голова, гуси, степи, дороги, грамоты, сударь, день, одноколку, шапокъ, люди, пазухи, глаза.

1) Естественный родъ.

муж. р.	жен. р.	ср. р.
мужик-ъ, цар-ь, Петр-ъ, сын-ъ, отец-ъ, гус-ь, судар-ь,	доч-ь, мат-ь,	— » —

2) Грамматическій родъ.

муж. р.	жен. р.	ср. р.
лѣс-ъ, ден-ь, люд-ъ, глаз-ъ,	деньг-и, вод-а, голов-а, Рус-ь, степ-ь, дорог-а, грамот-а, одноколк-а, шапк-а, пазух-а.	дров-а, семейств-о.

2) Отвлеченныя.

Помочь, Бога, статьи, крестьянство.

Грамматическій родъ.

муж. р.	жен. р.	сред. р.
Бог-ъ, долг-ъ.	помоч-ь, стать-я.	крестьянств-о.

3) ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ.

Божья, велика, стараго, умная, святой.

1) Качественныя.

Велика, стараго, умная, святой.

2) Притяжательныя.

Божья.

4) НАРѢЧІЕ.

Прямо, вправо, влѣво, дорого, дорогой, далече, бѣгомъ.

1) Образа дѣйствія.

Прямо, вправо, влѣво, дорого, далече, бѣгомъ.

2) Мѣста.

Дорогой (т. е. на дорогѣ).

4) НАРѢЧІЕ.	5) МѢСТОИМЕНІЕ.	6) ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬН.	7) ПРЕДЛОГЪ.	8) СОЮЗЪ.	9) МЕЖДОМЕТІЕ.
Не, куда, теперь, почто, тутъ, тамъ, опять, такъ, кое-куда, какъ.	Ему, тебѣ, мнѣ, твое, другихъ, этого, что, самъ, всѣ, свои, кто, кто-нибудь.	Двѣ, три, первыхъ, третьихъ, одинъ, двое.	Въ (во), на, съ (со), безъ, подъ, изъ, у.	И, а, ли, да, же (жъ), чтобы, бы.	Ну!

4) Нарѣчіе:

1) Отрицанія. Не.
2) Мѣста. Куда, тутъ, тамъ, кое-куда.
3) Времени. Теперь.
4) Образа дѣйствія. Такъ, какъ.
5) Цѣли. Почто.
6) Счета. Опять.

5) Мѣстоименіе:

1) Личныя. 1) лица. мнѣ. 2) лица. тебѣ. 3) лица. ему.
2) Притяжательныя. твое, свои.
3) Указательныя. это.
4) Опредѣлительныя. самъ, всѣ.
5) Вопросительныя. кто? что?
6) Неопредѣленныя. кто-нибудь.

Примѣчаніе. Мѣстоименіе другой называется раздѣлительнымъ въ соотвѣтствіе: одинъ и тотъ.

6) Имя числительное:

1) Количественныя. Одинъ, двѣ, три.
2) Порядковыя. Первыхъ, третьихъ.
3) Собирательныя. Двое.

8) Союзъ:

Примѣчаніе. Къ союзу же относится частица ка, которая всегда ставится на концѣ слова, напримѣръ: умѣй-ка, посмотри-ка, скажи-ка и т. д.

Разберите точно также слѣдующую сказку:

Морозко (*).

Жили были старикъ да старуха. У старика со старухою было три дочери. Старшую дочь старуха не любила: она была ей падчерица: почасту ее журила, рано будила и всю работу на нее свалила. Дѣвушка скотину поила, кормила, дрова и водицу въ избу носила, печку топила, обряды творила, избу мела и все убирала еще до́ свѣту; но старуха и тутъ была недовольна и на Марѳушу ворчала: экая лѣнивица, экая неряха! и голикъ-то не у мѣста, и не такъ-то стоитъ, и сорно то въ избѣ. Дѣвушка молчала и плакала; она всячески старалась мачихѣ унаровить и дочерямъ ея услужить; но сестры, глядя на мать, Марѳушу во всемъ обижали, съ нею вздорили и плакать заставляли: то имъ и любо было! Сами онѣ поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистымъ полотенцемъ утирались и за работу садились, когда пообѣдаютъ. Вотъ наши дѣвицы росли да росли, стали большими и сдѣлались невѣстами. Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Старику жалко было старшей дочери; онъ любилъ ее за то, что была послушная да работящая, никогда не упрямилась, что заставятъ, то и дѣлала, и ни въ чемъ слова не перекорила; да не зналъ старикъ, чѣмъ пособить горю. Самъ былъ хилъ, старуха ворчунья, а дочки ея лѣнивицы и упрямицы. Вотъ наши старики стали думу думать: старикъ — какъ бы дочерей пристроить, а старуха — какъ бы съ рукъ сбыть. Однажды старуха и говоритъ старику: «ну, старикъ! отдадимъ Марѳушу замужъ». — Ладно, сказалъ старикъ и побрёлъ себѣ на печь; а старуха велѣдъ ему: «завтра встань, старикъ, ты пораньше, запряги кобылу въ дровни и поѣзжай съ Марѳуткой, а ты, Марѳутка, собери свое добро въ коробейку, да накинь бѣлую исподку: завтра поѣдешь въ гости!» Добрая Марѳуша рада была такому счастію, что увезутъ ее въ гости, и сладко спала всю ночку; поутру рано встала, умылась, Богу помолилась, все собрала, чередомъ уложила, сама

(*) Сказки Аѳанасьева. Вып. IV.

нарядилась, и была дѣвка — хоть куды невѣста! А дѣло-то было зимою и на дворѣ стоялъ трескучій морозъ. Старикъ на утро, ни свѣтъ, ни зоря, запрёгъ кобылу въ дровни, подвелъ ко крыльцу; самъ пришелъ въ избу, сѣлъ на коникъ и сказалъ: «ну, я все изладилъ!» — Садитесь за столъ, да жрите! сказала старуха. Старикъ сѣлъ за столъ и дочь съ собой посадилъ; хлѣбница была на столѣ, онъ вынулъ челтанъ (*) и нарѣзалъ хлѣба и себѣ и дочери. А старуха межъ тѣмъ подала въ блюдѣ старыхъ щей и сказала: «Ну, голубка, ѣшь да убирайся, я вдоволь на тебя наглядѣлась! Старикъ, увези Марѳутку къ жениху; да смотри, старый хрычъ, поѣзжай прямой дорогой, а тамъ сверни съ дороги-то на право, на боръ, — знаешь прямо къ той большой соснѣ, что на пригоркѣ стоитъ, и тутъ отдай Марѳутку за Морозка». Старикъ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ иересталъ хлѣбать, а дѣвка завыла. «Ну, что тутъ нюни-то распустила! Вѣдь женихъ-то красавецъ и богачъ! Смотри-ко, сколько у него добра; всѣ ёлки, мянды(**) и берёзы въ пуху; житье-то завидное, да и самъ онъ богатырь!» Старикъ молча уклалъ пожитки, велѣлъ дочери накинуть шубнякъ, и пустился въ дорогу. Долго ли ѣхалъ, скоро ли пріѣхалъ — не вѣдаю: скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Наконецъ доѣхалъ до бору, своротилъ съ дороги и пустился снѣгомъ по насту; забравшись въ глушь, остановился и велѣлъ дочери слѣзать, самъ поставилъ подъ огромной сосной коробейку и сказалъ: «сиди и жди жениха, да смотри — принимай ласковѣе». А послѣ заворотилъ лошадь и домой. Дѣвушка сидитъ да дрожитъ; ознобъ ее пробралъ. Хотѣла она выть, да силъ не было: одни зубы только постукиваютъ. Вдругъ слышитъ: невдалекѣ Морозко на елкѣ потрескиваетъ, съ елки на елку поскакиваетъ да пощелкиваетъ. Очутился онъ и на той соснѣ, подъ которой дѣвица сидитъ, и сверху ей говоритъ: «тепло ли тебѣ, дѣвица»? — «Тепло, тепло, батюшко-Морозушко! Морозко сталъ ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать. Морозъ спросилъ дѣвицу: «тепло ли тебѣ,

(*) Пирогъ безъ начинки.
(**) Верхушка сосенъ.

дѣвица? тепло ли тебѣ, красная?» Дѣвица чуть духъ переводитъ, но еще говоритъ: «тепло, Морозушко; тепло, батюшко!» Морозъ пуще затрещалъ и сильнѣе защелкалъ и дѣвицѣ сказалъ: «тепло ли тебѣ, дѣвица? тепло ли тебѣ, красная? тепло ли тебѣ, матушка?» Дѣвица окостенѣвала и чуть слышно сказала: «ой тепло, голубчикъ, Морозушко!» Тутъ Морозко сжалился, окуталъ дѣвицу шубами и отогрѣлъ одѣялами.

Старуха на утро мужу говоритъ: «поѣзжай, старый хрычъ, да буди молодыхъ!» Старикъ запрегъ лошадь и поѣхалъ. Подъѣхавши къ дочери, онъ нашелъ ее живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую и коробъ съ богатыми подарками. Не говоря ни слова, старикъ сложилъ все на возъ, сѣлъ съ дочерью и поѣхалъ домой. Пріѣхали домой, и дѣвица бухъ въ ноги мачихѣ. Старуха изумилась, какъ увидѣла дѣвку живую, новую шубу и коробъ бѣлья. «Э шельма! не обманешь меня».

Вотъ спустя не много, старуха говоритъ старику: «увези-ко и моихъ-то дочерей къ жениху; онъ ихъ еще не такъ одаритъ!» Не скоро дѣло дѣлается, скоро сказка сказывается. Вотъ поутру рано старуха дѣтокъ своихъ накормила и, какъ слѣдуетъ, подъ вѣнецъ нарядила и въ путь отпустила. Старикъ тѣмъ путемъ оставилъ дѣвокъ подъ сосною. Наши дѣвицы сидятъ да посмѣиваются: «что это у матушки выдумано — вдругъ обѣихъ замужъ отдавать? развѣ въ нашей деревнѣ нѣтъ и ребятъ! Неровенъ чертъ пріѣдетъ и не знаешь какой!» Дѣвушки были въ шубнякахъ, и тутъ имъ стало зябко. «Что Параха? меня морозъ по кожѣ подираетъ. Ну, какъ суженый-ряженый не пріѣдетъ, такъ мы здѣсь околѣемъ». — Полно, Машка, врать! когда рано женихи собираются; а теперь есть-ли и обѣдъ на дворѣ. «А что, Параха, коли пріѣдетъ одинъ, кого онъ возьметъ?» — Не тебя ли, дурище? «Да, смотри тебя!» — Конечно меня. «Тебя! полно тебѣ цыганить да врать!» Морозко́ у дѣвушекъ руки ознобилъ, и наши дѣвицы сунули руки въ пазухи да опять за тоже. «Ой ты, заспанная рожа! нехорошая тресся́!(*) Поганое рыло! прясть ты не умѣешь, а перебирать и вовсе не смыслишь». — Охъ ты, хвастунья! а ты что знаешь? только по бесѣдкамъ ходить да облизываться. Посмотримъ, кого скорѣе возьметъ! Такъ дѣвицы растаробарывали и не въ шутку озябли; вдругъ онѣ въ одинъ голосъ сказали: «да кой чертъ! что долго нейдетъ? вишь ты посинѣла!» Вотъ вдалекѣ Морозко началъ потрескивать и съ елки на елку поскакивать, да пощелкивать. Дѣвицамъ послышалось, что кто-то ѣдетъ. «Чу, Параха! ужъ ѣдетъ да и съ колокольцомъ.» — Поди прочь шельма! я не слышу, меня морозъ обдираетъ. «А еще замужъ норовишь!» И начали пальцы отдувать. Морозко все ближе, да ближе, наконецъ очутился на соснѣ, надъ дѣвицами. Онъ дѣвицамъ говоритъ: «тепло ли вамъ, дѣвицы? тепло ли вамъ, красныя? тепло ли, мои голубушки?» — Ой, Морозко, больно студёно! мы замерзли, ждёмъ суженаго, а онъ окаянный сгинулъ. Морозко сталъ ниже спускаться, пуще потрескивать и чаще пощелкивать. «Тепло ли вамъ, дѣвицы? тепло ли вамъ, красныя?» — Поди ты къ черту! развѣ слѣпъ, вишь у насъ руки и ноги отмерзли. Морозко еще ниже спустился, сильно пріударилъ и сказалъ: «тепло ли вамъ, дѣвицы?» — Убирайся ко всѣмъ чертямъ въ омутъ, сгинь окаянный! — и дѣвушки окостенѣли.

(*) Бранное слово.

Наутро старуха мужу говоритъ: «запряги-ко ты, старикъ, пошевёнки: положи охапочку сѣнца, да возьми шубное опахало. Чай дѣвки-то пріозябли, на дворѣ-то страшный морозъ! да смотри проворнѣй, старый хрычъ!» Старикъ не успѣлъ и перекусить, какъ былъ ужъ на дворѣ и на дорогѣ. Пріѣзжаетъ за дочками и находитъ ихъ мертвыми. Онъ въ пошевенки дѣтокъ свалилъ, опахаломъ закуталъ и рогожкой закрылъ. Старуха, увидя старика издалека, на встрѣчу выбѣгала и такъ его вопрошала: «что дѣтки?» — Въ пошевняхъ. Старуха рогожку отвернула, опахало сняла и дѣтокъ мертвыми нашла. Тутъ старуха, какъ гроза, разразилась и старика разбранила: «Что ты надѣлалъ, старый песъ? уходилъ ты моихъ кровныхъ дѣточекъ, моихъ ненаглядныхъ сѣмячковъ, моихъ красныхъ ягодокъ! Я тебя ухватомъ прибью, кочергой зашибу!» Полно, старая дрянь! вишь ты на богатство польстилась, а дѣтки твои упрямицы! Развѣ я виноватъ? ты сама захотѣла. — Старуха посердилась, побранилась, да послѣ съ падчерицею помирилась, и стали они жить да быть, да добра наживать, а лиха не поминать. Присватался со-

сѣдъ, свадебку сыграли и Марѳуша счастливо живетъ. Старикъ внучатъ Морозкомъ стращалъ и упрямиться не давалъ. Я на свадьбѣ былъ, медъ-пиво пилъ, по усу текло, да въ ротъ не попало.

II. Образованіе частей рѣчи.

Какъ ребенокъ выучивается говорить не вдругъ, а мало-помалу, сперва начинаетъ съ простыхъ и неопредѣленныхъ звуковъ, складываетъ изъ нихъ слова, а потомъ уже привыкаетъ чисто говорить; такъ и народъ не вдругъ заговорилъ на своемъ языкѣ въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ языкъ находится въ настоящее время. Языкъ этотъ развивался или образовывался точно также постепенно вмѣстѣ съ образованіемъ народа. Это образованіе языка относится къ временамъ незапамятнымъ.

Чтобы видѣть, какъ образовался русскій языкъ, мы разсмотримъ по одиночкѣ, какъ образовались слова или части рѣчи, сумма которыхъ со всѣми ихъ особенностями и называется языкомъ. Возьмемъ для примѣра слово *рокъ*.

В. Какая произойдетъ перемѣна, если скажемъ: *рока*, *року*, *рокомъ*?

О. Перемѣнялись конечные звуки этого слова: *а*, *у*, *омъ*.

В. А измѣнилось-ли значеніе этого слова?

О. Нѣтъ.

В. Ну, а что выйдетъ, если впереди этого слова прибавимъ слѣдующіе предлоги: *у*, *про*, *за*, *с* (*съ*), *по*?

О. *У-рокъ*, *про-рокъ*, *за-рокъ*, *с-рокъ*, *по-рокъ*.

В. Такъ, съ прибавкой предлоговъ какая произошла перемѣна?

О. Измѣнилось значеніе слова.

Такъ вотъ перемѣна окончанія въ словѣ, отъ которой слово не теряетъ своего значенія, называется въ грамматикѣ *измѣненіемъ* словъ; а перемѣна въ значеніи слова называется *образованіемъ* словъ.

Теперь разсмотримъ, какъ происходитъ образованіе словъ.

В. Не замѣтили-ли, отъ чего мѣнялось значеніе слова *рокъ* и образовывалось новое слово?

О. Отъ того, что мы впереди слова ставили разные предлоги.

Такъ вотъ эти предлоги и частицы: *не*, *наи*, *пре*, принято называть *приставками* (префиксъ), потому что они приставляются впереди къ слову.

В. Какія образуются слова, если присоедините приставки къ слову *говоръ*?

О. *Вы-говоръ*, *раз-говоръ*, *при-говоръ*, *у-говоръ*, *с-говоръ*, *пере-говоръ*, *на-говоръ*, *за-говоръ*.

Теперь возьмемъ слово *краса*, отбросимъ окончаніе *а* и будемъ позади слова прибавлять разныя окончанія:

Крас.

Глаголы.	*Существительныя.*	*Прилагательныя.*
крас-ить,	крас-а,	крас-ивый,
крас-иться,	крас-ивость,	крас-ный,
крас-оваться,	крас-ота,	крас-новатый.
крас-нѣть,	крас-ка,	
	крас-авецъ,	
	крас-ильня,	
Нарѣчія.	*Причастія.*	*Дѣепричастія.*
крас-но,	крас-ящій,	крас-я,
крас-иво,	крас-нѣвшій,	крас-нѣя,
	крас-овавшійся,	крас-уясь.

В. Измѣнилось ли первоначальное значеніе слова *краса*?

О. Да, и очень даже.

В. Въ какомъ отношеніи?

О. Въ отношеніи значенія и частей рѣчи.

В. Отъ чего же мѣнялось значеніе и образовались разныя части рѣчи?

О. Отъ того, что мы позади слова прибавляли разныя окончанія.

Такъ вотъ эти окончанія, отъ прибавки которыхъ образуются разныя части рѣчи, принято называть *образующими окончаніями* или *подставками* (суффикъ).

Найдите въ слѣдующихъ словахъ приставки и подставки.

Глаголы.	*Существительныя.*	*Прилагательныя.*
укладывать,	кладка,	укладистый,
накладывать,	складъ,	окладистый,
складывать,	накладъ,	раскладной,
перекладывать,	докладъ,	складной.
закладывать,	складни,	
выкладывать.	укладка,	
	закладка,	
	выкладка,	
	прикладъ.	

Нарѣчія.	*Причастія.*	*Дѣепричастія*
складно,	складывающій,	укладывая,
укладисто.	наклавшій,	складывая,
	укладенный,	наклавши,
	выкладенный,	закладывая,
	и т. д.	и т. д.

В. Слѣдовательно, что перемѣнялось для образованія разныхъ словъ?

О. Перемѣнялись приставки и подставки.

В. А не замѣтили ли, что при образованіи словъ оставалось неизмѣннымъ?

О. Не измѣнялся слогъ *клад.*

Такъ вотъ этотъ неизмѣнный слогъ, который, во время образованія изъ него разныхъ словъ, остается одинъ и тотъ же, принято въ грамматикѣ называть *корнемъ* слова, на томъ основаніи, что, какъ отъ корня растенія выходятъ стволъ, вѣтви, почки, листья, цвѣты и плоды, такъ отъ корня слова образуются разныя части рѣчи съ разнымъ значеніемъ.

В. А имѣютъ ли корни, положимъ напр. *слав*, *чит*, сами по себѣ какое значеніе?

О. Конечно, нѣтъ, потому что ими ничего не выражается, кромѣ звуковъ.

В. Когда же эти корни получатъ значеніе и станутъ словами или частями рѣчи?

О. Когда мы прибавимъ къ нимъ приставки и подставки, напр.

Глаголы.	*Существительныя.*	*Прилагательныя.*
чит-ать,	чит-атель,	слав-ный,
слав-ить,	про-слав-леніе,	на-чит-анный,
про-чит-ать,	чит-альня,	и т. д.
про-слав-ить,	и т. д.	
и т. д.		

Нарѣчія.	*Причастія.*	*Дѣепричастія.*
слав-но.	чит-ающій,	чит-ая,
	про-слав-ившій,	слав-ивши,
	и т. д.	про-чит-авши,
		и т. д.

В. Слѣдовательно, части рѣчи образовались изъ корней посредствомъ приставокъ и подставокъ?

О. Да.

В. Но, если части рѣчи образовались, то, стало быть, было время, когда ихъ не было, а были одни корни?

О. По всей вѣроятности можно сдѣлать такое предположеніе.

В. Но какіе корни могли быть прежде всего?

О. Прежде всего, можно предположить, были такіе корни, которыми бы что-нибудь сказывалось.

В. А какъ называется та часть рѣчи, которой что-нибудь сказывается.

О. Глаголъ.

В. Слѣдовательно, какіе корни, можно предположить, были прежде всего?

О. Можно думать, что первоначальные корни были глагольные.

Такъ вотъ и въ грамматикѣ главными корнями въ образованіи знаменательныхъ частей рѣчи признаются *глагольные* корни, потому что большая часть знаменательныхъ частей рѣчи происходитъ отъ глаголовъ; а между служебными частями рѣчи главные корни *мѣстоименные*, потому что они образуютъ или отъ своего корня большую часть служебныхъ словъ, или служатъ при образованіи знаменательныхъ и служебныхъ

частей рѣчи подставками. Въ приведенномъ рисункѣ вы увидите, сколько изъ глагольныхъ и мѣстоименныхъ корней образовалось разныхъ частей рѣчи. Теперь разсмотримъ по порядку, какъ образовалась каждая часть рѣчи.

1) Глаголъ.

Большая часть глаголовъ образуется изъ глагольныхъ корней, кромѣ нѣкоторыхъ, образовавшихся изъ корней другихъ частей рѣчи, а именно:

а) Отъ существительныхъ: *божиться* (*богъ*), *усыновить* (*сынъ*), *дневать* (*день*), *ночевать* (*ночь*), *вечерять* (*вечеръ*).

б) Отъ прилагательныхъ: *бѣлить* (*бѣлъ*), *обнажить* (*нагъ*), *чернѣть* (*черенъ*).

в) Отъ мѣстоименій: *присвоить* (*свой*), *множить* (*много*), *пособить* (*себя*).

г) Отъ числительныхъ: *одиночествовать* (*одинъ*), *двоить* (*два*), *троить* (*три*), *четверить* (*четыре*) и т. д.

д) Отъ нарѣчій: *приблизить* (*близъ*), *переиначить* (*иначе*), *сквозить* (*сквозь*).

е) Отъ предлоговъ: *обнизить* (*низ*), *предупредить* (*предъ*).

ж. Отъ междометій: *ахатъ* (*ахъ*), *охать* (*охъ*), *мяукать* (*мяу*).

Глаголъ находится въ разномъ отношеніи къ другимъ частямъ предложенія; напр. *не пой соловей! люди идутъ спать*. Въ этомъ примѣрѣ три глагола: *пой*, *идутъ* и *спать*. Глаголомъ *пой* показывается приказаніе соловью; глаголомъ *идутъ* объявляется, что дѣлаютъ люди; глаголомъ *спать* называется дѣйствіе и пополняется сказуемое *идутъ*.

Это-то разное отношеніе глагола въ рѣчи и называется *наклоненіемъ*. Когда глаголомъ выражается приказаніе или повелѣніе подлежащему, то такое отношеніе глагола къ подлежащему называется *повелительнымъ наклоненіемъ*, напр. *скажи*, *молчите*, *сиди*; когда же глаголъ показываетъ, что дѣйствіе принадлежитъ какому-нибудь подлежащему, то такое отношеніе глагола къ подлежащему называется *изъявительнымъ наклоненіемъ*; когда же глаголомъ не показывается отношеніе къ подлежащему, а только называется дѣйствіе, то такое отношеніе

его въ рѣчи называется *неопредѣленнымъ наклоненіемъ*; въ этомъ случаѣ глаголъ бываетъ не сказуемымъ, а подлежащимъ, дополненіемъ и обстоятельствомъ, какъ имя существительное, напр. *учиться полезно* (*ученье полезно*), *онъ думаетъ путешествовать* (*онъ думаетъ о путешествіи*), *онъ пришелъ совѣтоваться* (*онъ пришелъ за совѣтомъ*).

а) Неопредѣленное наклоненіе.

Чтобы образовать неопредѣленное наклоненіе глагола, нужно къ корню прибавить подставку *ти* или *ть*, напр. *ит-ти*, *цвѣс-ти*, *писа-ть*, *чита-ть*. Если подставка *ти* или *ть* прибавляется прямо къ корню, то такіе глаголы называются *первообразными*, напр. *зна-ть*, *бы-ть*, *мни-ть*; первообразные глаголы бываютъ двухъ залоговъ: дѣйствительнаго и средняго; если же между корнемъ и подставкой вставляются звуки: *а*, *ва*, *ева*, *ова*, *и*, *ѣ*, *ну*, напр. *мар-а-ть*, *да-ва-ть*, *дн-ева-ть*, *пир-ова-ть*, *слав-и-ть*, *бѣл-ѣ-ть*, *свист-ну-ть*, то такіе глаголы называются производными, а звуки, которые ставятся между корнемъ и подставкой, называются *примѣтами глагола*.

Примѣчаніе 1-е Глагольныя примѣты: *ыва*, *ива*, *ва*, *н*, *ну*, правильнѣе было бы назвать *причастными подставками*, потому что онѣ суть не что иное, какъ подставки причастій прошедшаго времени. 1) Глаголы, вставляющіе *ыв*, *ив*, *ва*, между корнемъ и подставкой *ть*, могли образоваться чрезъ причастную форму на *въ*, напр. *дать-давъ-да-ва-ть*, *знать-знавъ-зна-ва-ть*, *быть-бывъ-бы-ва-ть*, *жить-живъ-жи-ва-ть*, *пѣть-пѣвъ-пѣ-ва-ть*, *стать-ставъ-ста-ви-ть*, *нарыть-нарывъ-нары-ва-ть*, *полить-поливъ-поли-ва-ть*, *ходить-ходивъ-хажи-ва-ть*, *косить-косивъ-каши-ва-ть*, *водить-водивъ-важива-ть*. 2) Глаголы, вставляющіе *н* и *ну* между корнемъ и подставкой *ть*, могли образоваться изъ причастія страдательнаго на *н*, напр. *рвать-рванъ-рва-ну-ть*, *колоть-колонъ-коло-нуть*, *кликать-кликанъ-клик-нуть*, *стукать-стуканъ-стукану-ть* и *стук-ну-ть*, *пугать-пуганъ-пуг-ну-ть*, *красить-красенъ-крас-нѣ-ть*, *видѣть-видѣнъ-вид-нѣ-ть* (*ся*), *холодить-холоденъ-холод-нѣ-ть*, *почать-починъ* (им. сущ)-*почи-нать*, (предполагаемый глаголъ *причать*)-*причина-причи-ни-ть*.

Сюда же должно отнести подставку причастія спрягательнаго *л* и подставку причастія прошедшаго страдательнаго на *т*, помощію которыхъ также образовались, по моему мнѣнію, глаголы, напр. *1) вянуть-вялъ-вя-ли-ть, распять-распялъ-распя-ли-ть, мыть-мылъ-мы-ли-ть, дѣть-дѣлъ-дѣ-ла-ть, киснуть-кислъ-окис-ли-ть, крыть-крылъ-окры-ли-ть, смѣть-смѣлъ-осмѣ-ли-ть(ся), дряхнуть-дряхлъ—дрях-лѣ-ть, причати-причалъ-прича-ли-ть*; быть можетъ, также *тя (г) нуть-тяжелъ (сущ. тяжъ)-тяже-лѣ-ть, чахнуть-чахлъ (чахель-кашель)-каш-ля-ть*, предполагаемый глаголъ *бати* (откуда *ба-с-нь) - балъ (бало-гуръ)-балить*); 2) на *т*, напр. *молоть-молотъ-моло-ти-ть, колоть-колотъ-коло-ти-ть, врѣти-воротъ, ворота- воро-ти-ть (воро-ча-ть), чути-чутъ-(о) чу-ти-ть(ся), рости-ростъ-рос-ти-ть, пороть-поротъ-пор-ти-ть, пасти-паст(ва)-пас-ти-ть (въ Дух. стих.), (в) стрѣть-(в)стрѣтъ-(в)-стрѣ-ти-ть (встрѣ-ча-ть)*.

Примѣчаніе 2-е Глагольныя же примѣты *ова* и *ева* суть не что иное, какъ подставки именъ прилагательныхъ, образовавшихся изъ именъ существительныхъ родительнаго падежа множественнаго числа, напр. *пиръ-пировъ-пир-ова-ть, столъ-столовъ-стол-ова-ть, годъ-годовъ-год-ова-ть, день-дней-дн-ева-ть, ночь-ночей-ноч-ева-ть, вой—(воинъ)-воевъ-во-ева-ть, поле-полей-пол-ева-ть, горе-горей-гор-ева-ть,*

Точно также приняли подставки: *с, р, ен*, глаголы, образовавшіеся изъ именъ существительныхъ, напр- *коло-колесъ-коле-си-ть, чуда-чудесъ-чуде-си-ть, мать-матерей (прилаг. матерой)-мате-р-ѣть, время-временъ-врем-ен-ить, сѣмя-сѣменъ-сѣм-ен-ить, пламя-пламени-плам-ен-ѣть.*

Примѣчаніе 3. Въ нѣкоторыхъ глаголахъ примѣты *ав* и *ов* суть не что иное, какъ подставки именъ существительныхъ, напр. *рыть-ровъ-ро-ва-ть=рвать (ср. прорыть-прорвать изрыть-изорвать), слути-слава-сла-ви-ть* и *слово-(слово)-сло-ви-ть, (съ)сути* (у Нестора)-*совъ-со-ва-ть*, (отъ предполагаемаго *зыть)—зовъ-зо-ва-ть, плыть-плавъ (вплавь)-пла-ва-ть, ловъ-ло-ви-ть*. Но такъ какъ отъ однихъ и тѣхъ же глаголовъ произошли одни имена съ подставкой *ов*, а другія

съ подставкой *й*, что можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: *покрыть-покро-в-ъ* и *покро-й, мыть-мо-в-ь* (баня) и *помо-й, почить-поко-й* и *(о)почи-в-ъ* (въ Былинахъ), *рыть-ро-в-ъ* и *ро-й* (ср. отъ *рыться* и *роиться* формы *роются* и *роятся*), то и глагольныя примѣты *я* и *и* (послѣ гласныхъ) суть не что иное, какъ подставка именъ существитльныхъ на *й*, слившаяся съ гласными *а* и *и* т. е. *й+а=я, й+ы=и*, напр.

Почить-покой (кой-ка)-покой+ить=поко-и-ть (отъ *почивъ-почивать*),
Гнить-гной-гной+ить=гно-и-ть,
рыть-рой-рой+ить (ся)=ро-и-ть (ся),
бить—бой—бой+ать (ся)=бо-я-ть (ся), (о-боять),
крыть—крой-край+ить=кро-и-ть,
стать—(по) стой-стой+ать=сто-я-ть,
пить—(водо) пой-пой+ить=по-и-ть,
выть—вой-вой+ить=во-и-ть (откуда *воитель*),
дѣть—(зло) дѣй-дѣй+ать=дѣ-я-ть (дѣвать отъ *дѣвъ*),
чати—(невзна) чай—чай+ать=ча-я-ть,
(отъ предполагаемаго *бати*)-*(красно) бай-бай+ать=ба-я-ть*
(отъ предполагаемаго причастія *бавъ—бавить, забавить, убавить, прибавить*),
(отъ предполагаемаго *тати*, откуда *тать-воръ* будетъ)
—тай(на)-тай+ить=та-и-ть,
смѣть—(неизвѣстно)—*смѣ-я-ть(ся) (насмѣваться* отъ *смѣвъ*),
вѣть, вѣтръ—(неизвѣстно)—*вѣ-я-ть,*
(неизвѣстно)-*(вороно)грай-грай+ать=гра-я-ть* (въ Сл. о П. И.),
(неизвѣстно)-*лай—лай+ать=ла-я-ть,*
(неизвѣстно)-*(у) дой-дой+ить=до-и-ть.*

Такъ какъ звукъ *в=й*, то поэтому можно думать, что отъ *сѣвъ* образовалось *сѣ(в)й+ять=сѣ-я-ть*, отъ *зѣвъ* образовалось *зѣвать* и *з (ѣ) ій+ать=зі-я-ть* при формѣ *(рото) зѣй.*—

б) Залогъ.

Залоги образуются со вставкою *глагольныхъ примѣтъ: и, ѣ, н, ну, приставокъ* и возвратнаго мѣстоименія *ся*, слѣдую-

щимъ образомъ: а) глагольная примѣта *и* даетъ глаголу значеніе дѣйствительнаго залога, напр. *крас-и-ть, слав-и-ть, бѣл-и-ть, черн-и-ть*; б) глагольныя примѣты *ѣ, и, ну*, придаютъ значеніе средняго залога, напр. *крас-нѣ-ть, черн-ѣ-ть, слаб-ѣ-ть, бѣл-ѣ-ть, слѣп-ну-ть, глох-ну-ть, гиб-ну-ть, сох-ну-ть, чахнуть*; в) приставки, приставленныя къ глаголамъ средняго залога (кромѣ тѣхъ, у которыхъ глагольныя примѣты *ѣ* и *ну* напр. *зелен-ѣ-ть, ныр-ну-ть*), образуютъ изъ нихъ дѣйствительный залогъ, напр. *жить—на-жить, вы-жить, про-жить, с-жить; ходить—на-ходить, вы-ходить, ис-хо-дить, про-ходить; быть—за-быть, с-быть, из-быть.*

г) Возвратное мѣстоименіе *ся*, соединяясь съ глаголомъ дѣйствительнаго залога, образуетъ слѣдующіе залоги: 1) средній, напр. *рыть-ся, копать-ся, радовать-ся*; 2) возвратный, напр. *мыть-ся, одѣвать-ся*; 3) взаимный, напр. *сразить-ся, возить-ся, драть-ся*; 4) общій, напр. *молить-ся*; 5) страдательный, напр. *продавать-ся, покупать-ся.*

в) Видъ.

Кромѣ залоговъ глаголы имѣютъ ту особенность, что показываютъ *продолженіе* или *совершеніе* дѣйствія. Это указаніе на продолжительность или оконченность дѣйствія называется *видомъ*. Видовъ два: 1) *Совершенный видъ* показываетъ оконченность дѣйствія; къ нему же относится *однократный видъ*, который показываетъ, что дѣйствіе мало того, что совершилось, но и совершилось разомъ, напр. *стукнуть, махнуть, крикнуть*; 2) *Несовершенный* видъ показываетъ, что дѣйствіе продолжалось; къ нему относится *многократный видъ*, показывающій, что дѣйствіе повторялось нѣсколько разъ или кратъ, напр. *лавливать, гуливать, хаживать.*

1) Совершенный видъ, а вмѣстѣ съ нимъ однократный, образуется слѣдующимъ образомъ: а) между корнемъ и подставкой вставляется глагольная примѣта *ну*, напр. *свистать свист-ну-ть; зѣвать—зѣв-ну-ть; прыгать—пры-ну-ть*; б) или прибавляются приставки къ глаголамъ, напр. *глядѣть — по-глядѣть; нести—вы-нести; знать—у-знать; брать — при-брать; смотрѣть-раз-смотрѣть; дѣлать-пере-дѣлать.*

2) Несовершенный видъ, а вмѣстѣ съ нимъ многократный, образуется: а) чрезъ перемѣну кореннаго гласнаго звука *е* на *о*, напр. *нести-носить, брести-бродить, вести-водить*; б) чрезъ вставку глагольныхъ примѣтъ *ва, ива, ова*, между корнемъ и подставкой, напр. *дать-да-ва-ть; быть-бы-ва-ть; пѣть-пѣ-ва-ть; гулять-гул-ива-ть, плясать-餐пляс-ыва-ть, играть-игр-ыва-ть.*

г) Время.

Наконецъ глаголъ имѣетъ особенность показывать, что дѣйствіе происходитъ, или уже прошло, или же только наступитъ, поэтому имѣетъ три времени: *настоящее, прошедшее* и *будущее.*

1. *Прошедшее время* образуется чрезъ прибавленіе подставки *лъ, ла, ло*, когда корень оканчивается гласнымъ звукомъ, напр. *знать—зна-лъ; видѣть—видѣ-лъ; звать—зва-лъ*; если же корень оканчивается согласнымъ звукомъ, тогда въ мужескомъ родѣ выбрасывается *л*, а въ женскомъ и среднемъ остается, напр. *печь—пекъ, пек-ла, пек-ло; жечь—жегъ, жг-ла, жг-ло; лечь—легъ, лег-ла, лег-ло; сѣчь—сѣкъ, сѣк-ла, сѣк-ло; течь—текъ, тек-ла, тек-ло.*

2. *Будущее время* образуется чрезъ присоединеніе къ настоящему: а) приставокъ, напр. *жгу—за-жгу, вы-жгу, со-жгу, при-жгу; лечу — вы-лечу, по-лечу, от-лечу; иду — по-йду, вы-йду, за-йду, у-йду, про-йду*; б) чрезъ присоединеніе глагольной примѣты *ну*, напр. *двигать—дви(г)-ну; стать—ста-ну; колоть—коль-ну; одѣться—одѣ-ну-сь*; в) чрезъ соединеніе вспомогательнаго глагола *буду* или *стану* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ того глагола, отъ котораго требуется образовать будущее время, напр. *буду* или *стану писать, буду* или *стану читать, буду* или *стану стараться.*

Найдемъ въ слѣдующемъ примѣрѣ глаголы и разберемъ, какъ образовались наклоненія, залоги, виды и времена.

Анекдотъ.

Мужикъ заснулъ на возу, да и наѣхалъ на версту; проснулся, да и сказалъ: «экая чертовская тѣснота! Что это за умники такіе были, что не знали, гдѣ версту поставить».

Въ этомъ примѣрѣ находятся слѣдующіе глаголы: *заснулъ, наѣхалъ, проснулся, сказалъ, были, знали, поставить.*

а) *Безъ приставокъ.*

снулъ, ѣхалъ, стали, снулся, казалъ, были, знали, ставить,

б) *Безъ подставокъ прошедшаго времени лъ.*

сну, ѣха, ста, сну-ся, каза, бы, зна, ставить.

в) *Безъ подставки неопредѣленнаго наклоненія ть.*

сну, ѣха, ста, сну-ся, каза, бы, зна, стави.

г) *Безъ возвратнаго мѣстоименія ся.*

сну, ѣха, ста, сну, каза, бы, зна, стави.

д) *Безъ глагольной примѣты совершеннаго вида ну.*

с, ѣха, ста, с, каза, бы, зна, стави

Такимъ образомъ, отнимая образующія частицы, мы дошли до глагольныхъ корней. Изъ этихъ корней образуются первообразные глаголы: *ѣха-ть, ста-ть, каза-ть, бы-ть, зна-ть.* потому что подставка неопредѣленнаго наклоненія присоединяется прямо къ корню; отъ прочихъ корней образуются производные глаголы: *с-ну-ть, ста-ви-ть,* потому что подставка неопредѣленнаго наклоненія *ть* присоединяется не прямо къ корню, а посредствомъ глагольныхъ примѣтъ *ну* и *ви.*

Найдите въ слѣдующемъ примѣрѣ глаголы и покажите, какъ образовались наклоненія, виды, залоги, времена.

Жена ямщика.

Жгучь морозъ трескучій,
На дворѣ темно;
Серебристый иней
Запушилъ окно.
Тяжело и скучно,
Тишина въ избѣ;
Только вѣтеръ воетъ
Жалобно въ трубѣ.
И горитъ лучина,
Издавая трескъ,
На палати, стѣны
Разливая блескъ.

Дремлетъ подлѣ печки,
Прислонясь къ стѣнѣ,
Мальчуганъ курчавый
Въ старомъ зипунѣ.
Слабо освѣщаетъ
Блѣдный огонекъ
Дѣтскую головку
И румянецъ щекъ.
Тѣнь его головки
На стѣнѣ лежитъ;
На скамьѣ, за прялкой,
Мать его сидитъ.

Ей не даромъ снился
Страшный сонъ вчера:
Вся душа изныла
Съ ранняго утра.
Пятая недѣля
Вотъ къ концу идетъ,
Мужъ, что въ воду канулъ,
Вѣсточки не шлетъ.
«Ну, Господь помилуй,
Если съ мужикомъ
Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ....
Дѣло мое бабье,
Цѣлый вѣкъ больна,
Что я буду дѣлать
Одиной—одна!
Сынъ еще ребенокъ,
Скоро-ль подростетъ!
Бѣдный!.. все гостинца
Отъ отца онъ ждетъ!....»
И глядитъ на сына
Горемыка мать.
«Ты бы легъ, касатикъ,
Перестань дремать!»
—«А зачѣмъ же, мама,
Ты сама не спишь,
И вечеръ все пряла
И теперь сидишь?»
«Охъ, мой ненаглядный,
Прясть-то нѣтъ ужъ силъ:
Что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!»
—«Полно плакать, мама!»—
Мальчуганъ сказалъ
И къ плечу родимой
Головой припалъ.

«Я не стану плакать;
Лягъ, усни, дружекъ;
Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ,
«Постелю постельку,
А Господь пошлетъ —
Твой отецъ гостинецъ
Скоро привезетъ;
«Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять:
Будетъ въ нихъ сыночка
По двору катать.....»
И дитя забылось.
Ночь длинна, длинна.....
Мѣрно раздается
Звукъ веретена.
Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ,
Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй шумитъ.
Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца,
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца.....
И на память пряхѣ
Молодость пришла;
Вотъ и мать-старушка,
Мнится, ожила.
Сѣла на лежанку
И на дочь глядитъ;
«Сохнешь ты, родная,
Сохнешь, говоритъ:
»Гдѣ тебѣ, голубкѣ,
Замужемъ-то жить,
Трудъ, порой рабочей,
Въ полѣ выносить!

И въ кого родилась
Ты съ такимъ лицемъ?
Старшія-то сестры
Кровь вѣдь съ молокомъ!
«И разгульны, правда,
Нечего сказать,
Да за то имъ—шутка
Молотить и жать.
«А тебя за разумъ
Хвалитъ вся семья,
Да любить-то... любитъ
Только мать твоя».
Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.
«Батюшка пріѣхалъ!»
Мальчуганъ сказалъ.
И вскочилъ съ постели,
Щечки ярче розъ.
«Батюшка пріѣхалъ,
Калачей привезъ!....»
—«Вишь, морозъ какъ крѣпко
Дверь-то прихватилъ!»—
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ....
И мужикъ плечистый
Сильно дверь рванулъ,
На порогѣ съ шапки
Иней отряхнулъ.
Осѣнилъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:
—«Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?....
Экая погодка,
Въ полѣ слѣду нѣтъ!
«Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ.»
«А мой мужъ?... спросила
Ямщика жена,
И бѣлѣе снѣга
Сдѣлалась она.
—«Да, въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,
И Господь бѣднягѣ
По душу послалъ...—
Вѣсть, какъ громъ, упала,
И едва жива,
Перевесть дыханья
Не могла вдова.
Опустивъ рученки
Сынъ дрожалъ, какъ листъ.
За стѣной избушки
Былъ и плачъ и свистъ....
—«Вишь, какая притча!»
Разсуждалъ мужикъ:
«Вѣрно я не въ пору
Развязалъ языкъ.
«А вѣдь жалко бабу,
Что и говорить!
Скоро ей придется
По-міру ходить.
«Полно горевать-то,
Онъ вдовѣ сказалъ:
Стало неча дѣлать,
Богъ знать наказалъ.
«Ну, прощай покуда,
Мнѣ домой пора;
Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора.

«Да!.... вѣдь эка память,
Все сталъ забывать:
Вотъ отецъ сынишкѣ
Крестъ велѣлъ отдать.
«Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,
Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ:
«Вотъ благословенье
Сыну моему;
Пусть не забываетъ
Мать, скажи ему.
А тебя-то, видно,
Крѣпко онъ любилъ:
По смерть твое имя
Бѣдный, онъ твердилъ.»

Никитинъ.

д) *Дѣепричастіе и причастіе.*

Дѣепричастіе и причастіе называются отглагольнымъ нарѣчіемъ и прилагательнымъ на томъ основаніи, что образуются изъ глагола.

Дѣепричастіе имѣетъ два времени: *настоящее* и *прошедшее*.

Дѣепричастіе настоящаго времени всѣхъ залоговъ кромѣ страдательнаго образуется слѣдующимъ образомъ: къ глагольному корню прибавляются подставки *я* (послѣ шипящихъ *а*), *учи*, *ючи*, напр. *вид-ѣ-ть,—вид-я*; *спѣш-и-ть—спѣш-а*; *игра-ть—игра-ючи* и *игра-я*; *ид-ти—ид-я* и *ид-учи*; *мол-и-ться—мол-я-ся*; *одѣвать—одѣва-ючи* и *одѣва-я*. Дѣепричастіе прошедшаго времени всѣхъ залоговъ кромѣ страдательнаго образуется слѣдующимъ образомъ: а) когда корень глагольный оканчивается согласнымъ звукомъ, тогда прибавляютъ подставку *ши*, напр. *пада-ть—падши*; *пек-ти—пекши*, *нес-ти—несши*; б) когда же корень глагольный оканчивается гласнымъ звукомъ, будетъ-ли онъ принадлежать корню глагола или составлять глагольную примѣту, тогда прибавляютъ подставку *вши*, напр. *зна-ть—знавши*; *да-ть—да-вши*; *ѣха-ть—ѣха-вши*; *сидѣ-ть—сидѣ-вши*; *говорить—говори-вши*.

Причастіе настоящаго времени всѣхъ залоговъ кромѣ страдательнаго образуется изъ дѣепричастія слѣдующимъ образомъ: а) къ дѣепричастіямъ, оканчивающимся на *я* или *а*, прибавляется подставка *щи* и мѣстоименіе указательное *и*, напр. *сидя — сидя-щи-и = сидя-щі-й*; *слыша — слыша-щи-и = слыша-щі-й*; б) когда же дѣепричастіе оканчивается на *учи* и

ючи, тогда *ч* измѣняютъ на *щ* и прибавляютъ указательное мѣстоименіе *и*, напр. *играючи—игра-ющи-и=игра-ющ-ій*; *дѣлаючи—дѣлающи-и=дѣлающій*; *сражаючися--сража-ющи-и-ся=сража-ющ-ій-ся*; *идучи—ид-ущи-и=ид-ущ-ій*. Причастіе прошедшаго времени всѣхъ залоговъ кромѣ страдательнаго образуется изъ дѣепричастія прошедшаго времени чрезъ прибавку славянскаго мѣстоименія *и*, напр. *ведши—ведши+и=вед-ш-ій*; *влѣзши—влѣзши+и=влѣз-ш-ій*; *умывшись—умывши+и-ся=умы-вш-ій-ся*; *лѣнившись—лѣни-вши+и-ся=лѣни-вш-ій-ся*.

Причастіе настоящаго времени страдательнаго залога образуется чрезъ присоединеніе подставки *м*, напр. *знать—знае-м-ъ*; *читать—читае-м-ъ*. Для образованія полнаго прибавляется славянское мѣстоименіе *и*, напр. *знае-м-ъ+и=знаé-мый*; *читаемъ—читае-м-ъ+и=читае-м-ый*.

Причастіе прошедшаго времени страдательнаго залога образуется чрезъ прибавленіе подставки *н* или *т* къ глагольному корню, напр. *сдѣлать—сдѣла-нъ*; *дать—да-н-ъ*; *бить—би-т-ъ*; *нагрѣть—нагрѣ-т-ъ*; *сжать—сжа-т-ъ*; *пѣть—пѣ-т-ъ*. Для образованія полнаго причастія присоединяется славянское мѣстоименіе *и* и со вставкой еще звука *н*, если подставка будетъ тоже *н*, напр. *сдѣланъ—сдѣла-н+н-ъ+и=сдѣла-нн-ый*: *битъ—би-т-ъ+и=би-т-ый*.

Найдите въ слѣдующихъ примѣрахъ причастія и дѣепричастія и объясните, какъ образовались они изъ глагольныхъ корней.

Ночь.

Одѣлося сумракомъ поле. На темной лазури сверкаетъ
Гряда облаковъ разноцвѣтныхъ. Блѣднѣя, заря потухаетъ.
Вотъ вспыхнули яркія звѣзды на небѣ, одна за другой.
И мѣсяцъ надъ лѣсомъ сосновымъ поднялся, какъ щитъ золотой;
Извивы рѣки серебристой межъ зеленью луга блеснули;
Вокругъ тишина и безлюдье: и поле и берегъ уснули;
Лишь мельницы старой колеса, алмазъ разсыпая, шумятъ,
Да съ вѣтромъ волнистыя нивы, Богъ знаетъ, о чемъ говорятъ.
На кольяхъ, вдоль берега вбитыхъ, растянуты мокрыя сѣти;

Вотъ бѣдный шалашъ рыболова, гдѣ вечеромъ рѣзвыя дѣти
Играютъ трепещущей рыбой и ищутъ въ травѣ водяной
Улитокъ и маленькихъ камней, обточенныхъ синей волной.
Какъ лебеди, бѣлыя тучи надъ полемъ плывутъ караваномъ,
Надъ чистой рѣкою спятъ ивы, одѣтыя легкимъ туманомъ,
И къ свѣтлымъ струямъ наклонившись, сквозь чуткій прерывистый сонъ,
Тростникъ молчаливо внимаетъ таинственной музыкѣ волнъ.

Никитинъ.

Народная пѣсня 1.

Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ,
Въ помышленьѣ того не было,
Чтобъ красной дѣвицѣ замужъ идти.
Соизволилъ такъ сударь батюшка,
Похотѣла такъ моя матушка
Ради ближняго перепутьица;
Я и въ торгъ пойду, побывать зайду,
Изъ торгу пойду, ночевать зайду,
Я спрошу у своей дитятки:
Каково жить въ чужихъ людяхъ?
Государыня, моя матушка!
Отдавши въ люди, стала спрашивать.
Во чужихъ людяхъ жить умѣючи,
Держать голову поклонную,
Ретиво сердце покорное.
Ахъ, вечоръ меня больно свекоръ билъ,
А свекровь, ходя, похваляется:
Хорошо учить чужихъ дѣтей,
Не роженыхъ, не хоженыхъ,
Невспоеныхъ и невскормленыхъ.—

Загадка 12.

Взятъ отъ земли, яко Адамъ,
Ввержeнъ въ печь, яко три отрока,
Посаженъ на колесницу, яко Фараонъ,
Повезенъ на торжище, яко рабъ,

Проданъ за двѣ лепты, яко хворостъ,
Пострадалъ отъ братій, яко Іосифъ,
Вывезенъ на дорогу, яко зеліе страдное,
И поверженъ въ ровъ на посмѣяніе, яко Даніилъ.
Шла нѣкая вдовица, зѣло убогоя,
Подняла его и принесла въ домъ,
Облекла его въ пеструю одежду,
Дала пить и сталъ жить. —

2) Мѣстоименіе.

Количество мѣстоименій сравнительно съ другими частями рѣчи очень не велико, а между прочимъ эта часть рѣчи весьма способствовала образованію словъ, или 1) входя своими корнями въ составъ многихъ словъ, напр. глаголовъ: *у-сво-ить. по-соб-ить*; именъ существительныхъ: *о-соб-енный, у-соб-ный*; нарѣчій: *ту-да, сю-да*; союзовъ: *что, такъ какъ*, и 2) служа подставкой, напр. *стар-ик-ъ, добр-от-а*, или 3) окончаніемъ, напр. *ес-мь, знае-мъ, говорящ-ему, дво-имъ*. Сами же мѣстоименія не образовались ни изъ какихъ другихъ частей рѣчи, исключая отрицательныхъ и неопредѣленныхъ, принявшихъ приставку отъ нарѣчій — *ни, нѣ*, отъ глаголовъ *будь, либо* и приставку *э*, напр. *ни-кто, нѣ-кто, кто-нибудь, э-тотъ*.

Мѣстоименія раздѣляются на *первообразныя* и *производныя*, которыя образовались изъ первообразныхъ.

Корни мѣстоименій, означающихъ первое лице, суть:

1) *я, м-мы, н-насъ;* второе лице: *т-ты* и *в-вы.*

2) Вопросъ означается звукомъ *к*, который, смягчаясь, переходитъ въ *ч*, напр. *к-то, ч-то.*

3) Указаніе на ближайшій предметъ показывается звукомъ *с*, напр. *с-ей*, а на отдаленный звукомъ *т*, напр. *то-тъ* и *онъ она, оно*, (церковно-славянское и, ꙗ, ѥ).

4) Опредѣленіе указываютъ мѣстоименія: *самъ, весь, инъ, одинъ (единъ).* —

Отъ личныхъ мѣстоименій образовались притяжательныя: *м-ой, т-вой, н-ашъ, в-ашъ*, къ которымъ принадлежитъ и *св-ой* отъ возвратнаго мѣстоименія *ся.*

Отъ вопросительнаго мѣстоименія образовались: *к-ой, ч-ей, к-аковъ, к-акой, ни-к-то, ни-ч-то, нѣ-к-то, нѣ-ч-то, к-оторый, нѣ-к-оторый, ко-ликій, ка-ждый, к-то либо, к-то нибудь, нѣ-к-їй.*

Отъ указательныхъ образовались: *э-то-тъ, э-та-кой, с-якой, т-аковой, т-аковскій, он-ый, ихъ (их-ній).*

Отъ опредѣлительныхъ образовались: *вся-кій, вся-ческій, ин-ой, сам-ый, один-окій, един-ый.*

3) Имя существительное.

Имена существительныя имѣютъ или свои корни, напр. *отецъ, мать, сынъ, братъ, день, ночь*, и тогда они называются *первообразными*, или образуются изъ другихъ частей рѣчи, а именно:

а) Главнымъ образомъ отъ глаголовъ, напр. *бы-тъ, бы-ль, люб-овь, жи-знь, смѣ-хъ.*

б) Отъ именъ прилагательныхъ: *добр-ота, бѣл-изна, зло-сть, мал-ость, велич-ина, худ-оба*

в) Отъ мѣстоименій, напр. *кач-ество, свой-ство, един-ство, о-соб-а, сам-ецъ, ничто-жество*

г) Отъ числительныхъ, напр, *двой-ка, втор-никъ, четвер-гъ, пят-ница, седьм-ица, осьм-уха.*

д) Отъ нарѣчій, напр. *близ-ь, внѣ-шность, внутр-енность, сквоз-ина* (сортъ яблоковъ).

е) Отъ предлоговъ, напр. *пред-окъ, ис-под-ъ, низ-ъ.*

ж) Отъ междометій, напр. *куку-шка, ох-анье, ах-анье.*

При образованіи именъ существительныхъ нужно обращать вниманіе на *родовой признакъ* и *подставку,* Одни имени образовались посредствомъ присоединенія родоваго привнака рпямо къ корню, другія принимаютъ подставку между корнемъ и родовымъ признакомъ. Родовые признаки или отличія, покоторымъ имена раздѣлиются онароды, суть слѣдующіе:

1) для мужескаго рода: *ъ, ь, й,* 2) для женокаг: *а, я, ь,* и 3 для средняго рода: *о, е, я* (мя). Эти родовые признаки иногда присоединяются прямо къ корню, напр. имена мужескаго рода: *род-ъ, брод-ъ, вид-ъ*; имена женскаго рода: *твар-ь. высь, ширъ*, имена средяго рода: *ок-о, зл-о, яр-о* (весна).

Большею же частію имена образовались посредствомъ подставокъ. Для образованія имени нужна бываетъ иногда одна подставка, напр. *желт-ок[1]-ъ*; иногда двѣ, напр. *дожд-ев[1]-ик[2]-ъ;* иногда три, четыре, пять, напр. слово *существительное* образовалось помощію слѣдующихъ подставокъ: *ущ* въ словѣ *с-ущ-ій*; *ств* въ словѣ *суще-ств-о*; *ть* или *те* въ словѣ (о) *существи-ть*; *ль* въ словѣ-*о существитель*; *н* или *ен* въ словѣ *существителе-н-ъ*; если напишемъ это слово, отставивши подставки, то увидимъ, что ихъ пять: *с-уще[1]-стви[2]-те[3]-ль[4]-н[5]-ое.*

Подставки эти принадлежатъ или именамъ существительнымъ, или бываютъ глагольнаго и мѣстоименнаго происхожденія.

1) *Подставки, принадлежащія именамъ существительнымъ, слѣдующія:*

а) *б*, напр. *бож-б-а, ворож-б-а, судь-б-а, ходь-б-а, молоть-б-а, кось-б-а, стрѣль-б-а, паль-б-а, борь-б-а, женить-б-а, сво-ба* (отъ *свой*), *худо-б-а.*

б) *д*, напр. *прав-д-а, крив-д-а, враж-д-а, свобо-д-а, бур-д-а.*

в) *в* (или ав, ов, ев, ив), напр. *кр-ов-ъ, р-ов-ъ, пл-ов-ъ, люб-ов-ь, рук-ав-ъ, ног-ав-ка, кр-ов-ь, м-ов-ь* (баня), *вар-ев-о, лог-ов-о* (отъ *лежашь*), *зар-ев-о, мѣс-ив-о, огн-ив-о, хлеб-о-в-о.* Имена мужескаго рода измѣняютъ *в* въ *й*, напр. *бой, гн-ой, в-ой, р-ой* (можетъ быть *изжить-изг-ой*).

г) *еж*, напр. *прав-еж-ъ, корм-еж-ъ, граб-еж-ъ, падеж-ъ, руб-еж-ъ, черт-еж-ъ, кут-еж-ъ, карт-еж-ъ, вал-еж-никъ* (валять), *мят-еж-ъ* (*мя(т)сти-мутить*).

д) р (*ръ, рь, аръ, арь, ырь*), напр. *да-р-ъ, вѣт-р-ъ, вих-р-ь, мат-ер-ь, овч-ар-ъ, боч-ар-ъ, гонч-ар-ъ, пис-ар-ь, золот-ар-ь, глух-ар-ь, сух-ар-ь, кос-ар-ь, мыта-р-ь, буд-ар-ь, кел-ар-ь* (келія), *ключ-ар-ь, звон-ар-ь, пах-ар-ь, господ-ар-ь, суд-ар-ь, лѣк-ар-ь, кобз-ар-ь* (*кобза*), *пс-ар-ь, жит-ар-ь, куст-ар-ьникъ, пуст-ыр-ь, повод-ыр-ь, паст-ыр-ь, пуз-ыр-ь* (*пузо*).

е) *с*, напр. *чудо-чуд-ес-ъ, небо-неб-ес-ъ, коло-кол-ес-ъ, слово-слов-ес-ъ.*

ж) *ище*, напр. *топор-ищ-е, прозв-ищ-е, огн-ище, пепел-ищ-е, кладб-ищ-е, учил-ищ-е, побо-ищ-е, полотн-ищ-е.*

з) *ье*, напр. *стар-ье, тряп-ье, взмор-ье, поднебес-ье, изголов-ье, зимов-ье, весел-ье, новосел-ье, угод-ье, полѣс-ье, порѣч-ье, застол-ье, Запорож-ье.*

и) *ость*, напр. *мил-ост-ь, жал-ость, прав-ость, пряни-ость, пріятн-ость, рад-ость, молод-ость, стар-ость, хвор-ость, скор-ость, трудн-ость, туп-ость, глуп-ость, шал-ость, гор-есть.*

і) *г*, напр. *вить-вью-г-а, бѣдный-бѣдня-г-а, корье-коря-г-а, бродить-бродя-г-а, сердить-сердя-г-а,* (*у*)*вязить-вязи-г-а, брать* (*забористъ*) *бра-г-а, татары-татарю-г-а* (*въ Былинахъ*), *коло-колыма-г-а, тель-г-а, доро-г-а, сѣрмя-г-а, базы-г-а* (въ Былинахъ), *раду-г-а, ду-г-а.*

2) *Подставки глагольныя суть слѣдующія:*

а) Неопредѣленное наклоненіе иногда образуетъ безъ подставокъ имя женскаго рода, напр. *печь-печь, знать-знать, мочь-мочь, сѣчь-сѣчь* (*сѣча*), *подать-подать, честь-честь, течь-течь.*

Для мужескаго рода къ неопредѣленному наклоненію прибавляется подставка *ль*, при чемъ *ь* переходитъ въ *е*, напр. *учить-учит-ель, мучить-мучит-ель, слушать-слушат-ель*; для женскаго рода прибавляется или подставка *ня*, напр. *бѣгать—бѣготня, трескать—трескот-ня, стукать—стукотня, толкать-толкот-ня,* или *нь* и *на*, при чемъ *т* неопредѣленнаго наклоненія переходитъ въ *с* или *з*, напр. *пѣть-пѣс-нь, пріять-пріяз-нь, жить-жиз-нь, боять*(*ся*)*-бояз-нь, болѣть-болѣз-нь; близить-близ-на, желтить-желтиз-на, новить-новиз-на, прямить-прямиз-на, кривить-кривиз-на, чернить-Чернизи-на* (въ Былинахъ); для средняго рода прибавляется родовой признакъ *е* къ неопредѣленному наклоненію, напр. *ныть-е, выть-е, забыть-е, быть-е, жить-е, колоть-е, бить-е, мыть-е, полоть-е.*

б) Подставка *тв* (образовавшаяся изъ ц. с. достигательнаго наклоненія), напр. *моли-тв-а, жер-тв-а, жа-тв-а, кля-тв-а, лови-тв-а, пас-тв-а, пѣс-тв-а*; въ среднемъ родѣ передъ *тв* ставится *с* или *йс*, напр. *род-ств-о, бар-ств-о, цар-ств-о, бѣг-ств-о, рожде-ств-о, чув-ств-о, искус-ств-о, убі-йств-о, виті-йств-о, бу-йств-о.*

в) Подставка прошедшаго времени или ц. с. причастія спрягательнаго *л*, напр. мужескаго рода: *густи-гу-л-ъ* и *гус-л-и*, *ковалъ-кова-л-ь*, *вралъ-вра-л-ь*; женскаго рода:—*былъ-бы-л-ь*, *гнилъ-гни-л-ь*, *мес(т)ть-мет-л-а*, *падалъ-пада-л-ь*, *пищалъ-пища-л-ь*; средняго рода:-*шилъ—ши-л-о*, *крылъ-кры-л-о*, *дѣлъ-дѣ-л-о*, *правилъ-прави-л-о*, *мылъ-мы-л-о*, *рылъ-ры-л-о*, *сѣ(д)лъ-сѣд-л-о*, *забралъ-забра-л-о*, *стоялъ-стой-л-о*, *поилъ-пой-л-о*.

г) Подставка русскаго дѣепричастія или ц. с. причастія *в*, напр. *нарывъ-нары-в-ъ*, *пивъ-пи-в-о*.

д) Подставка причастія страдательнаго настоящаго времени *м*, напр. *сѣемо-сѣ-м-я*, *беремо-бере-м-я*, (въ выраженіи-*беремя дровъ*), *знамо* (въ выраженіи народномъ-*знамо дѣло*)-*зна-м-я*, *пылаемо-пла-м-я*.

1-е Примѣчаніе. Быть можетъ, этого же происхожденія слова: *совать-су-м-а*, *кроить-крой-м-ы*, *крома* (ср. *кромсать*), *заять-зай-м-ъ*, *проять-прой-м-ы* (въ ушахъ), *вѣдти-вѣдь-м-а*, *коса-кос-м-ы*, *лох-м-ы*.

е) Подставка причастія страдательнаго прошедшаго времени *н*, напр. *ста-н-ъ*, *да-н-ь*, *дра-н-ь*.

Большая же часть именъ, образовавшихся помощію этой подставки, средняго рода на *ніе* или *нье*, напр. *зрѣ-н-іе*, *владѣ-н-іе*, *творе-н-іе*, *рожде-н-іе*, *варе-н-ье*, *свида-н-ье*, *молча-н-ье*, *куре-н-ье*, *сидѣ-н-ье*.

Въ связи съ образованіемъ именъ средняго рода на *еніе* или *енье* находятся имена мужескаго рода на *ень* и женскаго на *нь* или *ня*, напр. мужескаго рода—*студить-студ-ень*, *гладить-глад-ень*, *сидѣть-сид-ень*, *лежать-леж-ень*, *парить* (въ значеніи *спаривать*)-*пар-ень*, *дурить-дур-ень*, *курить-кур-ень*, *перстать-перст-ень*, *баловать-балов-ень*, *лизать-лиз-ень*, (языкъ), *складать-склад-ень*, (*складни*-образ а), *лить-ли-вень*, *слѣпить-слѣп-ень*, *брес(д)ти-бред-ень*, *бредить-бредни*, *будить-буд-ни*; женскаго рода—*ступать-ступень* и *ступня*, *ставить-став-ень*, (*ставни*), *разстать(ся)-розста-нь*, *пустовать-пусты-нь*, *пристать-приста-нь*, *брать* (въ значеніи *бороть* (*ся*)-*бра-нь*, *родить-род-ня*, *возить-воз-ня*, *западать-запад-ня*, *рѣзать-рѣз-ня*, *бить-бой-ня*, *варить*-(пиво) *вар-ня*, *курить*-(вино)*кур-ня*.

ж) Подставка причастія страдательнаго прошедшаго же времени *т*, напр. *быть—бы-т-ъ*, *убыть—убы-т-окъ*, *достать—доста-т-окъ*, *свить—сви-т-окъ*, *пожить—пожи-т-окъ*.

2-е Примѣчаніе. Быть можетъ, той же причастной подставки имена, оканчивающіяся на *тай*, напр. *орать—ора-та-й*, (въ словѣ о полку Игоревѣ *ратаевѣ*), (*воз*)*глашать-глаша-т-ай*, *соглядать-согляда-т-ай*, *водить-вожа-т-ай*, *ходить-хода-т-ай*.

3-е Примѣчаніе. Можно думать, что имена, оканчивающіяся въ мужескомъ родѣ на *хъ*, а въ женскомъ на *ха* или смягченное *ша*, приняли подставку ц. с. прошедшаго времени 1-го и 2-го, *х*, напр. мужескаго рода—*слу́ти-слу-х-ъ*, *послу-хъ*, *дути-ду-х-ъ*, *ду-ш-а*, *вздо-х-ъ*, *отды-х-ъ*, *пасти-ть-паст-ух-ъ* *пѣть-пѣт-ух-ъ*, *конь -кон-юх-ъ*, *смѣять* (*ся*) *-смѣ-х-ъ*, *женить-жени-х-ъ*; женскаго рода — *пря*(*д*) *сть-пря-х-а*, *сватать-сва-х-а*, *нерядить-неря-х-а*, *прорвать-прор-ух-а*, *пировать-пир-ух-а*, *кликать-клик-уш-а*, *крякать-кряк-уш-а* (утка), *куковать-кук-уш-ка*, *лягва-ляг-уш-ка*, *повивать-повив-уш-ка*, *побирать-побир-уш-ка*.

4-е Примѣчаніе. Такъ какъ звуки *ов* и *ыв* переходятъ въ *у*, то поэтому можно объяснить происхожденіе именъ оканчивающихся на *ул* и *ун*, напр. 1) отъ причастія спрягательнаго: *каш*(*с*)*ивалъ-кос-ул-я*, *писывалъ-пис-уль-ка*, *хаживалъ-ход-ул-и*, *живалъ-жив-ул-я*, *сасывалъ-сос-ул-я*; 2) отъ причастія страдательнаго прошедшаго времени:—*игрыванъ-игр-ун-ъ*, *хвастыванъ-хваст-ун-ъ*, *сасыванъ-сос-ун-ъ*, *лизыванъ-лиз-ун-ъ*, *пѣванъ-пѣв-ун-ъ*, *вѣдыванъ-вѣд-ун-ъ*, *вѣщеванъ-вѣщ-ун-ъ*, *калдыванъ-колдунъ*, *гореванъ-гор-юн-ъ*, (*у*)*виванъ-вь-юн-ъ*, *сливанъ-сл-юн-и*, отъ *ныть- н-юн-и*.

5-е Примѣчаніе. Основываясь на подставкахъ причастія страдательнаго *н* и *т*, позволяю себѣ сдѣлать предположеніе объ образованіи слѣдующихъ словъ: *молоть-моло-т-ъ*, *мол-он-ья*; *спаривать* (отъ *пара*)-*спор-ын-ья*; *шагать-с* (*ш*) *аж-ен-ь*; *пядть* (въ словѣ *рас-пя(д)ли*)-*пяд-ен-ь*, (какъ ступать-ступ-н-я,); *голить—гол-ен-ь*,; *дивить—див-ен-ь=де-н-ь*; *печь—печ-ен-ь*.

3) *Подставки мѣстоименныя суть слѣдующія:*

а) Подставка *к*, смягчаемая въ *ц*, напр. мужескаго рода— *стрѣлять— стрѣл-ок-ъ, стрѣл-ец-ъ;* расти — *рост-ок-ъ; знать—знат-ок-ъ; кипятить — кипят-ок-ъ, кусать—кус-ок-ъ, косить—кос-ец-ъ; ловить—лов-ец-ъ; творить—твор-ец-ъ; молодъ—молод-ец-ъ; дѣлать—дѣл-ец-ъ;* женскаго рода *ка* и *ица, иха, ша*, напр. вода—*вод-ка, кора—кор-ка; крыша—крыш-ка, ломать—лом-ка, бесѣда—бесѣд-ка, солдатъ—солдат-ка, сосѣдъ—сосѣд-ка, сливать — слив-ки, синь—сини-ца, рукавъ—рукави-ца, палецъ—пал-ица, царь—цар-ица, левъ—льв-ица, медвѣдь—медвѣд-ица, купецъ—купч-иха, франтъ—франт-иха, враль—врал-иха, лѣкарь—лѣкар-ша, генералъ—генераль-ша;* средняго рода *ко* и *це*, напр. *древо—древ-ко, око—оч-ко, коло—коль-цо, крыло—крыль-цо, дно—дон-це, сердить—серд-це, ликъ—личи-ко.* —

б) Подставка *т*, напр. *дремать—дрем-от-а, икать—икот-а, перхать — перх-от-а, добръ—добр-от-а, простъ—прост-от-а, высь—выс-от-а, ширь—шир-от-а.*

6-е Примѣчаніе Быть можетъ, той же мѣстоименной подставки слѣдующія слова: *мягкій—мяк-оть, ломать—лом-оть, лапа—лапо-ть, нога—ног-оть, копот-ь, ископ-оть* (въ Былинахъ), *копать—коп-ыто, кора—кор-ыто, жить—жи-то, длить— доло-то.*

в) Подотавка *инъ* для мужескаго рода, напр. *бояре-боляр-инъ, дворъ-дворян-инъ, господь-господ-инъ, Россія-россіян-инъ, Славяне-славян-инъ;* для женскаго рода *ина*, напр. *говядо-говядина, солонъ-солон-ина, конь-кон-ина, телята-телят-ина, горохъ-горош-ина, жемчугъ-жемчуж-ина, хворостъ-хворост-ина, лугъ-логов-ина, низъ-низ-ина, самородъ-самородина, долъ-дол-ина, ширь-шир-ина, толстъ-толщ-ина, высь-выш-ина, глубь-глуб-ина, верхъ-верш-ина, истый-ист-ина, морщить-морщ-ина, десять-десят-ина.*

Подставка именъ прилагательныхъ *ск*, при образованіи отъ нихъ существительныхъ на *ина*, переходитъ въ *щ*, напр. *барскій-бар-щ-ина, татарскій-татар-щ-ина, чертовскій-чертов-щ-ина, бѣсовскій-бѣсов-щ-ина, женскій-жен-щ-ина,*

мужской-му-щ-ина, (и *муж-ч-ина,*) *деревенкій-деревен-щ-ина, земскій-зем-щ-ина;* передъ *икъ* переходитъ въ *ч* и *щ*, напр. *мальскій-маль-ч-икъ, деньской-день-щ-икъ, заводскій-завод-ч-икъ.*

Помощію подставки именъ прилогательныхъ *ов* или *ев* образовались имена мужескаго рода на *икъ*, напр. *паровой-пар-ов-икъ, годовой-год-ов-икъ, боровой-бор-ов-икъ, дождевой-дожд-ев-икъ, березовый-берез-ов-икъ, осиновый-осин-ов-икъ, луговой-луго в-икъ;* женскаго рода на *ина*, напр. *домовой-дом-ов-ина; половой-пол-ов-ина, луговой-луг-ов-ина, котелъ-котл-ов-ина, анисовый-анис-ов-ка, боровой-бор-ов-инка, грушевый, груш-ев-ка.*

Эта подставка особенно замѣтна въ именахъ одушевленныхъ женскаго рода, образовавшихся изъ мужескаго, напр. *цар-ев-на, корол-ев-на, поп-ов-на, бар-ов-на=бар-ы-ня, судар-ов-на=судар-ы-ня, княз-ев-на=княг-и-ня, граф-ов-на = граф-и-ня.*

Такимъ же точно образомъ образовались у насъ *имена отечественныя*, принявшія въ мужескомъ родѣ смягченіе *к* на *ч*, напр. *Никола-ев-икъ— Никола-ев-ичъ, Сергѣ-ев-икъ—Сергѣ-ев-ичъ, Иван-ов-икъ—Иван-ов-ичъ;* имена женскаго рода принимаютъ *на*, напр. *Никола-ев-на* (и Никола-в-на), *Сергѣ-ев-на* (и Сергѣ-в-на), *Иван-ов-на.*

Иногда звуки *ов* и *ев* переходятъ въ *ы* и *и*, напр. *Никола-ев-ичъ—Никола-и-чъ, Иван-ов-ичъ—Иван-ы-чъ.*

7-е Примѣчаніе. Въ древнемъ русскомъ языкѣ имена отечественныя образовались часто изъ нарицательныхъ именъ, напр. Гюрята Рог-ов-ичъ (въ народномъ языкѣ бранное выраженіе: *Настасья Рог-ов-на*), *Тугаринъ Змѣ-ев-ичъ, Збутъ Корол-ев-ичъ, Соловей Будимір-ов-ичъ, Алеша Поп-ов-ичъ, Чурила Пленк-ов-ичъ; Змѣй Горыничъ* образовалось чрез женскую форму-*гор-ов-на=гор-ы-ня*, какъ *Добр-ы-ня* произошло изъ *Добр-ов-на*, отъ *берегъ-берег-ов-на-берег-и-ня* (*т. е. дочь берега*).

Наконецъ нашъ языкъ посредствомъ разныхъ подставокъ выражаетъ великость или малость предметовъ, ласку или порицаніе, отъ чего и произошли имена: 1) *увеличительныя* на

ища, ище, ина, напр. *дом-ище, руч-ища, стол-ина*; 2) *уменьшительныя* на *икъ, ка, ичекъ, ен, ень, уш, ышко*, напр. *стол-икъ, нож-ка, муж-ичекъ, руч-ень-ка, баб-уш-ка, солн-ыш-ко, ведр-ыш-ко*; 3) *ласкательныя* на *енька*, напр. *Саш-енька, Маш-енька, дяд-енька, тет-енька*; 4) *уничижительныя* на *ка*, напр. *Саш-ка, Вань-ка, Ѳедь-ка, Вась-ка, бать-ка, мат-ка, бабка, дядь-ка.*—

Найдемъ въ слѣдующей пѣснѣ имена существительныя и отдѣлимъ корни отъ подставокъ, приставокъ и окончаній.

Пѣсня.

Лихача Кудрявича.

Съ радости-веселья
Хмѣлемъ кудри вьются;
Ни съ какой заботы
Они не сѣкутся.

Ихъ не гребень чешетъ—
Золотая доля,
Завиваетъ въ кольцы
Молодецка удаль.
Что шутя задумалъ—
Пошла шутка въ дѣло;
А тряхнулъ кудрями—
Въ одинъ мигъ поспѣло.
Не возьмутъ гдѣ лоскомъ,
Возьмутъ кудри силой;
А что худо—смотришь,
По водѣ поплыло.
Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,
Весело, на бѣломъ,
Съ черными бровями!

Не родись богатымъ
А родись кудрявымъ:
По щучью велѣнью
Все тебѣ готово.

Чего душа хочетъ—
Изъ земли родится;
Со всѣхъ сторонъ прибыль
Ползетъ и валится.
Во—время, да въ пору,
Медомъ рѣчи льются:
И съ утра до ночи
Пѣсенки поются.
Про тѣ рѣчи, пѣсни
Дѣвушки всѣ знаютъ—
И о кудряхъ зиму,
Ночь не спятъ, гадаютъ.
Честь и слава кудрямъ!
Пусть ихъ волосъ вьется—
Съ ними все на свѣтѣ
Ловко удается!

Не подъ шапку горе
Головѣ кудрявой—
Разливайтесь, пѣсни!
Ходи, парень, браво!

Кольцовъ.

Имена первообразныя.	*Отъ глаголовъ.*	*Отъ прилагательныхъ.*
Куд-р-и (куд-ел-ь)	Греб-ен-ь (грести),	рад-ост-ь (радъ),
хмѣ-л-ь,	дол-я (дѣлить),	весел-ь-е (веселъ),
коль-ц-о (коло),	у-да-л-ь (дать),	молод-ец-ъ (молодъ),
зем-л-я (земь),	вел-ѣн-ье (велѣть),	дѣв-ушк-а (дѣвый, дивій),
сторон-а,	ду-ш-а (ду-хъ, дуть),	
сил-а,	при-бы-л-ь (быть),	лих-ач-ъ (лихъ),
вод-а,	шут-к-а (шутить),	кудр-явич-ъ (кудрявъ).
бр-ов-ь,	дѣ-л-о (дѣть),	
пор-а,	миг-ъ (мигать)	
мед-ъ,	лос-к-ъ (лос-ниться),	
утр-о,	свѣт-ъ (свѣтить)	
ноч-ь,	рѣч-и (реку),	
зим-а,	пѣсенк-а (пѣть),	
волос-ъ,	чест-ь (честь),	
шап-к-а,	слав-а (слыть),	
гор-е,	за-б-от-а (быть).	
голов-а,		
пар-ен-ь (пара).		

Найдите въ слѣдующихъ примѣрахъ имена существительныя и покажите, какъ они образовались.

Урожай.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется;
Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ;
Нагустилъ его
Въ тучу черную.
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась—
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину....
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго.....
Ополчается—
Громомъ, бурею,
Огнемъ, молніей,
Дугой—радугой;

Ополчилася —
И расширилась,
И ударила,
И пролилася
Слезой крупною —
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь
На широкую.
И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля до сыта.
На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся.
Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.
За одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.
Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.
А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.
Третью думушку
Какъ задумали —
Богу-Господу
Помолилися;
Чѣмъ-свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,
Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать.....
Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ:
Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли.
Словно божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ — лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается.....
Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.
Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка.

На гумнахъ, вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Подиявъ головы.
Видитъ солнышко —
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

Кольцовъ.

Народныя пѣсни.

2.

Калину съ малиною вода поняла:
На ту пору матушка меня родила;
Не собравшись съ разумомъ замужъ отдала,
На чужедальную на сторонушку.
Чужая сторонушка безъ вѣтру сушитъ,
Чужой отецъ съ матерью безвинно крушитъ;
Не буду я къ матушкѣ ровно три годка,
На четвертый къ матушкѣ пташкой полечу,
Горемычной пташечкою, кукушечкой.
Сяду я у матушки во зеленомъ саду,
Своимъ кукованьемъ весь садъ изсушу,
Слезами горючими весь садъ потоплю,
Родимую матушку сердцемъ надорву.
Матушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Невѣстушекъ-ластушекъ побуживаетъ:
Вы встаньте, невѣстушки, голубки мои!
Что у насъ за пташка въ зеленомъ саду?
Большая невѣстка велитъ застрѣлить,
Меньшая невѣстка проситъ погодить,
Родная сестрица, залившись слезами,
Молвила: не наша-ль горюша сюда
Приъятѣла пташкой съ чужой стороны?

3.

Какъ на дубчику два голубчика
Цѣловалися, миловалися,
Сизыми крыльями обнимались.

Отколь не взялся младъ ясенъ соколъ,
Онъ ушибъ, убилъ сизаго голубя,
Сизаго голубя мохноногаго;
Онъ кровь пустилъ по чисту дубу,
Онъ кидалъ перья по чисту полю,
Онъ и пухъ пустилъ по поднебесью.
Какъ растужится, разваркуется
Сизая голубушка по голубѣ,
О голубчикѣ мохноногенькомъ.
Какъ возговоритъ младъ ясенъ соколъ:
Ты не плачь, не плачь, сиза голубушка,
Сиза голубушка, по своемъ голубчикѣ!
Полечу-ли я на сине море,
Пригоню-ли тебѣ голубей стадо,
Выбирай себѣ сизаго голубя,
Сизаго голубя мохноногаго.
Какъ возговоритъ сиза голубушка:
Не лети, соколъ, на сине море,
Не гони ко мнѣ голубей стадо:
Вѣдь-то мнѣ будетъ ужь другой вѣнецъ,
Малымъ голубятушкамъ не родной отецъ.

4) Имя прилагательное.

Имена прилагательныя имѣютъ или свои собственные корни, напр. *яр-ый*, *син-ій*, или образуются изъ другихъ частей рѣчи, а именно:

а) Главнымъ образомъ изъ глаголовъ, напр. *знать—знатный*, *зна-комый*, *вянуть—вялый*, *горѣть—горячій*, *стоять—стоячій*, *гнить—гнилой*, *жить—живой*.

б) Изъ существительныхъ именъ, напр. *день—дневной*, *годъ—годовой*, *поле—полевой*, *рѣка—рѣчной*, *рука—ручной*, *гусь—гусиный*, *деревня—деревенскій*.

в) Изъ мѣстоименій, напр. *свой—свойскій*, *себя—особый*.

г) Изъ именъ числительныхъ, напр. *двойной*, *тройной*, *сотскій*, *десятскій*.

д) Изъ нарѣчій, напр. *внѣ—внѣшній*, *внутри—внутренній*, *около—окольній*, *близъ—ближній*, *сквозь—сквозной*, *прежде—прежній*, *нынѣ—нынѣшній*.

е) Изъ предлоговъ, напр. *передъ—передній*, *низ—нижній*, *исподъ—исподный*, (*преисподняя*).

ж) Изъ междометій, напр. *ахти—ахтительный*.

Тѣ прилагательныя, въ которыхъ прямо къ корню прибавляются *родовые признаки*, а именно для мужескаго рода *ъ* или *ь*, для женскаго рода *а* или *я*, для средняго рода *о* или *е*, напр. *рад-ъ*, *рад-а*, *рад-о*, *син-ь*, *син-я*, *син-е*, называются *первообразными*; а тѣ, которыя принимаютъ подставку между корнемъ и родовымъ признакомъ, называются *производными*, напр. *крас-ен-ъ*, *крас-н-а*, *крас-н-о*, *уны-л-ъ*, *уны-л-а*, *уны-л-о*.

Тѣ прилагательныя, которыя оканчиваются на родовой признакъ, называются *краткими*, напр. *бѣл-ъ*, *бѣл-а*, *бѣл-о*; изъ этихъ краткихъ образуются *полныя* посредствомъ прибавки мѣстоименія указательнаго И, ꙗ, ѥ, (и, я, е), напр. *бѣлъ + и = бѣл-ый*, *бѣла + я = бѣл-ая*, *бѣло + е = бѣл-ое*, *синь + и = син-ій*, *синя + я = син-яя*, *сине + е = син-ее*.

Подставки, посредствомъ которыхъ образовалась большая часть именъ прилагательныхъ, суть слѣдующія:

1) *Подставки мѣстоименныя.*

а) Подствка *ь* не что иное, какъ указательное мѣстоименіе *и*, *я*, *е*; присоединяясь къ именамъ существительнымъ, она образуетъ сперва прилагательныя притяжательныя краткія, напр. *человѣкъ—человѣ-и-ь*, *Богъ—бож-ь*, *волкъ—волч-ь*, *севрюга—севрюж-ь*, *рыба—рыб-ь*, *лиса—лис-ь*; съ присоединеніемъ указательнаго мѣстоименія *и*, *я*, *е*, къ этимъ краткимъ образуются полныя, напр. *божь + и = бож-ій*, *божь + я = бож-ія*, *божь + е = бож-ье*; *лись + и = лис-ій*, *лись + я = лис-ья*, *лись + е = лис-ье*.

в) Подставка вопросительнаго мѣстоименія *к*, напр. *горе—горе-к-ъ*, *сладѣть—слад-окъ*, *пас(д)ть—пад-ок-ъ*, *гада—гад-ок-ъ*, *колоть—кол-ок-ъ*, *з(о)рѣть—зор-ок-ъ*, *ломать—лом-ок-ъ*, *ширь—шир-ок-ъ*, *глубь—глуб-ок-ъ*.

г) Подставка *ск*, прибавляясь къ именамъ притяжательнымъ на *ь*, образуетъ *относительныя прилагательныя*; причемъ *ь* измѣняется въ *е* или отбрасывается, напр. *божь—бож-е-ск-ій, человѣчь—человѣчи-е-ск-ій, братъ—брат-ск-ій, княжь—княже-ск-ій, отечь—отече-ск-ій, царь—цар-ск-ій, дѣти—дѣт-ск-ій*, (дѣтескъ у Нестора), *мужь—муже-ск-ій* (мужескъ въ церковно-славянскомъ языкѣ).

2) Подставки именъ существительныхъ.

а) Подставка *ов* и *ев* (составляя какъ бы родительный падежъ отъ именъ мужескаго и средняго рода) образуетъ притяжательныя прилагательныя, напр. *кругъ—круговъ-круг-ов-ой, годъ—годовъ-год-ов-ой, трудъ—трудовъ-труд-ов-ой, домъ—домовъ-дом-ов-ый, лугъ—луговъ-луг-ов-ой, царь—царей-царев-ъ, ключь—ключей-ключ-ев-ой, поле—полей-пол-ев-ой.*

Для образованія прилагательныхъ изъ именъ женскаго рода, а также мужескаго рода на *ь*, *а* и *я*, ставится подставка *ин*, напр. *мать—матер-ин-ъ, сестра—сестр-ин-ъ, лебедь—лебед-ин-ый, лошадь—лошад-ин-ый, Маша—Маш-ин-ъ, Лиза—Лиз-инъ-, Саша—Саш-ин-ъ, Ѳедя—Ѳед-ин-ъ, Коля—Кол-ин-ъ, староста-старост-ин-ъ, голова—голов-ин-ъ, гусь—гус-ин-ый*; иногда и отъ именъ мужескаго рода на *ъ* и *й*, напр. *орелъ—орл-ин-ый, перепелъ—перепел-ин-ый, соловей—соловь-ин-ый, воробей—вороб-ин-ый.*

Сюда же должно отнести образованіе названій собственныхъ именъ городовъ, селъ, фамалій, напр. *Кі-ев-ъ, Бѣл-ев-ъ, Черниг-ов-ъ; Измайл-ов-о, Неклюд-ов-о, Льв-ов-ъ, Мороз-ов-ъ, Орл-ов-ъ, Красн-ов-ъ, Бѣл-ов-ъ, Пушк-ин-о, Бород-ин-о, Цариц-ын-о*; точно также и отъ прилагательныхъ на *скій* напр. *Архангель-ск-ъ, Енисей-ск-ъ, Поло(тс)цк-ъ, Семен-ов-ск-ое, Николь-ск-ое.*

3) Подставки причастныя.

Всего болѣе имѣли значеніе при образованін прилагательныхъ слѣдующія причастныя подставки:

а) Подставка причастія настоящаго времени *щ*, при образованін прилагательныхъ, измѣняется въ *ч*, напр. *горящій—горя-ч-ій, сидящій—сидя-ч-ій, лежащій—лежа-ч-ій, ходящій—ходя-ч-ій, живущій—живу-ч-ій, толкущій—толку-ч-ій.*

б) Подставка причастія (ц. с.) прошедшаго *в*, напр. *живъ—жи-в-ой, красивъ—крас-ив-ый, служивъ — служ-ив-ый, лѣнивъ(ся)-лѣн-ив-ый, бравъ* (*боровъ(ся)-бра-в-ый,*

в) Подставка причастія спрягательнаго (русскаго прошедшаго времени) *л*, напр. *былъ —бы-л-ой, жилъ—жи-л-ой, служилъ—служи-л-ый, гнилъ—гни-л-ой, впалъ—впа-л-ый, вялъ—вя-л-ый.*

г) Подставка причастія настоящаго времени страдательнаго залога *м*, напр. *роди-м-ый, люби-м-ый, лако-м-ый.*

д) Подставка причастія прошедшаго времени страдательнаго залога *н* и *т*, напр. *красить—крас-ен-ъ, дивить—див-ен-ъ, забавить—забав-ен-ъ, чудить—чуд-ен-ъ, славить—слав-ен-ъ, учить—уч-ен-ъ, смыслить—смышл-ен-ъ, знать—зна-т-н-ый, скрыть—скры-т-н-ый, валять — вал-ен-ый, варить — вар-ен-ый, жарить — жар-ен-ый,* (*у*)*важить — важ-н-ый, ладить—лад-н-ый, сквозить—сквоз-н-ой, родить—род-н-ой, привозить—призоз-н-ый, сходить—сход-н-ый,* (*у*)*грязть—гряз-н-ый, мылить—мыль-н-ый.*

Кромѣ этихъ подставокъ для образованія разныхъ оттѣнковъ качества прибавляются слѣдующія подставки: *ист, аст, ат, оват, енек, ехонекъ*, напр. *серебр-ист-ый, золот-ист-ый, мурл-аст-ый, горл-аст-ый, ряб-оват-ый, красн-оват-ый, бѣл-еньк-ій, желт-ехонек-ъ, черн-ехонек-ъ.*

Для обозначенія *сравнительной* степени прилагательныхъ качественныхъ краткихъ употребляется подставка *ѣе*, напр. *бѣлый—бѣл-ѣе, синій—син-ѣе, черный—черн-ѣе*, или *ше*, напр. *боль-ше, луч-ше, даль-ше, тонь-ше*; или *е*, напр. *чистый—чищ-е, простой—прощ-е, частый—чащ-е, молодой—молож-е.* Для образованія же полныхъ присоединяется подствка *ѣйшій, ѣйшая, ѣйшее*, или послѣ шипящихъ *айшій, айшая, айшее*, наприм. *мил-ѣйшій, ая, ее, скромн-ѣйшій, ая, ее, глубоч-айшій, ая, ее, ниж-айшій, ая, ее.*

Нѣкоторыя же прилагательныя принимаютъ подставку *шій*, *шая*, *шее*, напр.

боль- луч- мень- выс-	*шій*, мужескаго рода
низ- стар-	*шая*, женскаго рода
млад- худ-	*шее*, средняго рода

Для образованія *превосходной* степени къ положительной и сравнительной прибавляются приставки *пре*, *наи*, *раз*, напр. *пре-милый*, *раз-умный*, *наи-лучшій*, *пре-краснѣйшій*, или нарѣчія: *весьма*, *очень*, и мѣстоименіе *самый*, напр. *весьма хорошій*, *очень большой*, *самый красный*.

Примѣчаніе I. Наблюдая необыкновенное участіе причастныхъ подставокъ въ образованіи именъ прилагательныхъ, позволяю себѣ сдѣлать догадку, что не только прилагательныя, выражающія разные оттѣнки качества, но и сравнительная степень обязана своимъ происхожденіемъ тѣмъ же причастнымъ подставкамъ. Такъ напр.

а) помощію подставки причастія прошедшаго на *въ* произошли прилагательныя на *авъ* и *ивъ*—*моложа-въ*, *краси-въ*, *игри-въ*, *правди-въ*; со вставкою *л* передъ *ивъ*—*терпѣ-л-ивъ*, *молча-л-ивъ*, *назой-л-ивъ*, *свар-л-ивъ*, *снос-л-ивъ*, *урод-л-ивъ*, *бод-л-ивъ*, *блуд-л-ивъ*, *трус-л-ивъ*; со вставкою *ч* передъ *ивъ* —*сговор-ч-ивъ*, *поклон-ч-ивъ*, *уклон-ч-ивъ*, *наход-ч-ивъ*, *разбор-ч-ивъ*, *назяз-ч-ивъ*, *вкрад-ч-ивъ*.

б) Помощію подставки причастія прошедшаго страдательнаго *н* или *ен* произошли уменьшительныя прилагательныя, напр. *синенъ* — *син-ен-екъ*, *бѣленъ* — *бѣл-ен-екъ*, *(у)маленъ*—*мал-ен-екъ*, *(вы)чищ(ст)енъ*—*чист-ен-екъ*, *(вы)глаж(д)енъ*—*глад-ен-ькій*.

в) Помощію подставки причастія прошедшаго страдательнаго *т* образовались прилагательныя на *т* и *ст* (какъ-бы удвоенное *т*), напр. *дарови-т-ый*, *имени-т-ый*, *знамени-т-ый*, или *игри-ст-ый*, *навари-ст-ый*, *породи-ст-ый*, *забори-ст-ый*.

г) Помощію подставки того же причастія прошедшаго страдательнаго многократнаго вида произошли прилагательныя на *оват*, напр. *сдобровать*—*добр-оват-ъ*, *пустовать*—*пусто-оватъ*, *плутовать* — *плут-оват-ъ*, *воровать* — *вор-оват-ъ*; *рог-ат-ъ* въ ц. с. рож-ан-ъ, въ Былинахъ *вольж-ан-ъ* (т. е. сдѣланный изъ ольхи).

Примѣчаніе II. Сравнительная степень прилагательныхъ краткихъ на *ѣе* и *е* могла образоваться изъ ц. с. причастій или русскихъ дѣепричастій настоящаго времени, напр.

Причастія.	*Сравнительная степень.*
добрѣя,	*добрѣ-е*,
милѣя,	*мил-ѣе*,
чернѣя,	*черн-ѣе*,
богатѣя,	*богат-ѣе*,
старѣя,	*стар-ѣе*,
краснѣя.	*красн-ѣе*.
	или *е*
частя,	*чащ-е*,
чистя,	*чищ-е*,
(у)простя,	*прощ-е*,
(с)пустя,	*пущ-е*,
крася,	*краш-е*,
молодя.	*молож-е*.

Въ народномъ языкѣ удержалось *я*, напр. *свѣтл-яе*, *весел-яе*; этимъ же можно объяснить сравнительную степень—*скот-ѣе* ((*о*)*скотѣть*), *звѣр-ѣе*, *береж-ѣе*.

Сравнительная степень полныхъ прилагательныхъ на *шій* могла образоваться точно также, какъ причастія полныя прошедшаго времени, напр.

Причастія прошедшаго времени.	*Сравнительная степень полныхъ прилагательныхъ.*
сътворь+шии,	*луч-шій*,
пристѹпль+шии,	*худ-шій*,

иѕьмь + шии,	*стар-шій,*
обращь + шии (сѧ),	*млад-шій,*
оставль + шии.	*низ-шій.*

Подставка полныхъ прилагательныхъ *ѣйшій* могла образоваться изъ *ѣвши*, такъ какъ *в* тождественно звуку *й*, напр.

Причастія полныя.	*Прилагательныя полныя.*
добр-ѣвш-ій,	*добр-ѣйш-ій,*
бѣл-ѣвш-ій,	*бѣл-ѣйш-ій,*
син-ѣвш-ій,	*син-ѣйш-ій,*
велич-авш-ій,	*велич-айш-ій,*
(у)ниж-авш-ій.	*ниж-айш-ій.*

Что касается до того, какъ могли причастія означать степень сравненія, то это можно видѣть какъ изъ прилагательныхъ съ причастной подставкой, напр. *больш-ущ-ій, тьма тьмущая,* такъ и изъ причастій особенно съ приставкой *раз* и *пре*, напр. *красн-ѣющ-ій — разкрасн-ѣющ-ій, бѣл-ѣющ-ій — пребѣл-ѣющ-ій.*

Найдемъ въ слѣдующей пѣснѣ прилагательныя краткія и полныя и отдѣлимъ приставки и подставки:

Народныя пѣсни.

4.

Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ;
Ты не жги свѣчу воска яраго,
Ты не жди меня до полуночи.
Ахъ, прошли, прошли, наши красны дни,
Наши радости буйный вѣтръ унесъ
И разсѣялъ ихъ по чисту полю!
Соизволилъ такъ родной батюшка,
Приказала мнѣ родная матушка,
Чтобъ женился я на иной женѣ!
Не горятъ на небѣ по два солнышка,
Не свѣтятъ по два мѣсяца,
Не любить два раза добру молодцу!
Ужъ я батюшки не ослушаюсь,
Родной матушки я послушаюсь,
Обвѣнчаюсь я со иной женой,

Я съ иной женой, съ смертью раннею,
Съ смертью раннею и насильною!
Залилась слезами красна дѣвица,
Во слезахъ она слово молвила:
Ахъ, ты, милый мой, ненаглядный мой!
Не жилица я на бѣломъ свѣтѣ
Безъ тебя моя надеженька!
Нѣтъ у горлинки двухъ голубчиковъ,
У лебедушки двухъ лебедиковъ,
У меня не быть двумъ милымъ дружкамъ!
Не сидитъ она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго,
На столѣ стоитъ новъ тесовый гробъ,
Во гробу лежитъ красна дѣвица.

Прилагательныя краткія.	*Прилагательныя полныя.*
крас-ен-ъ,	яр-ый
чист-ъ,	буй-н-ый,
доб-р-ъ (доба-пора),	род-н-ой,
бѣл-ъ,	ран-н-ій (рань),
нов-ъ.	на-силь-н-ый,
	мил-ый,
	не-на-гляд-н-ый (глядѣть)
	тес-ов-ый (тесъ).

Найдите въ слѣдующихъ примѣрахъ прилагательныя краткія и полныя и отдѣлите корни отъ приставокъ и подставокъ.

5.

Какъ по крутому, по красному бережку,
Что по желтому, сыпучему песочку,
Какъ ходила, тутъ гуляла красна дѣвица,
Она рыла себѣ кореньице, зелье лютое,
Натопила она кореньице въ меду, въ патокѣ,
Напоила добра молодца до пьяна,
Напоивши, положила спать,
Положивши, красна дѣвица насмѣхалася:
Ты спишь-ли, мой надежа, или такъ лежишь?

Я не сплю, не сплю, едва живъ лежу;
Ты умѣла, красна дѣвица, отравить меня,
Ты умѣй, душа, и схоронить меня.
Не клади меня, красна дѣвица, у Божіей церкви,
Положи меня, красна дѣвица, во чистомъ полѣ,
При широкой, дальней при дороженькѣ;
Въ головахъ поставь, красна дѣвица, золотой крестъ,
На груди поставь, душа моя, калену стрѣлу,
Подъ бока клади звончатыя гусли,
Въ ногахъ поставь, красна дѣвица, моего коня.
Буде старъ человѣкъ пойдетъ—помолится,
Моему-ли тѣлу грѣшному поклонится;
Какъ охотники пойдутъ—такъ настрѣляются;
Буде младъ человѣкъ пойдетъ—въ гусли наиграется,
Какъ пойдутъ мои друзья, братья и товарищи,
На моемъ добромъ конѣ наѣздятся.

6.

Промежду двумя высокими горами
Выростала тонка бѣлая береза,
Что тонка береза кудревата,
Гдѣ не грѣетъ ее солнышко, ни мѣсяцъ,
И не частыя звѣзды усыпаютъ,
Только крупными дождями уливаютъ,
Еще буйными вѣтрами подуваютъ.
Промежду то было нашими сосѣдями
Выростала тутъ красоточка,
Прославлялась красотою и опрятствомъ,
Еще ростомъ, дородствомъ и пригожествомъ;
Всѣхъ вольностью она была вольнѣе
И поступками она всѣхъ веселѣе.
Гдѣ собрались сосѣди веселиться,
Тутъ не былъ милъ другъ, ея надежа;
Стала тутъ красоточка грустить,
Ей домой тутъ надо было воротиться,
И въ постелюшку съ кручинушки ложиться;
Тамъ не спится, красной дѣвушкѣ корпится,

Подъ головушкой подушечка вертится,
Одѣяльце соболино съ плечъ катится.
Какъ не грѣютъ ее соболи, куницы,
Ни сибирски чернобурыя лисицы,
Только грѣетъ ее миленькій дружочикъ,
Молодецкою сердечною любовію.
Взговорила она съ грусти и съ печали,
Со великія тоски злой и со кручины:
Какъ не ласточка къ ней съ вѣстію прилетала,
Нерадостную вѣсть принесла,
Что лежитъ моя надежа труденъ — боленъ,
Труденъ-боленъ милъ моя надежа въ постелѣ,
Что на мягкой на пуховой на перинѣ,
Подъ собольимъ камчатнымъ одѣяломъ;
По правую руку тутъ стоятъ отецъ и мать,
По лѣвую руку тутъ стоятъ братъ съ сестрою,
Въ головахъ стоятъ друзья и братья,
Супротивъ сердца красна дѣвица,
Со слезами она Богу молится:
Что подай Боже милу другу здоровья,
Хоть на единый, на маленькій часочикъ,
Хоть на единый, на лишній на денечикъ!
Ужь какъ бы я съ милымъ другомъ погуляла,
Я бы травушки-муравушки потоптала,
Я бы цвѣточковъ лазоревыхъ нарвала,
Я бы вѣночикъ милу другу собирала,
На головку надежѣ надѣвала,
Веселясь проводила бы до дому,
Я сказала бы: надежа, мой любезный!
Мы съ тобой пойдемъ, любезный, въ одно мѣсто,
Не разлучимся, надежа, мы до смерти,
Мы простимся со бѣлымъ свѣтомъ на вѣки.
Какъ останутся про насъ такія вѣсти,
Что любилися съ тобою хорошенько,
Мы и умерли съ тобою, другъ, вѣрненько.

Олень.

Скачетъ олень по долинамъ,
Прыгаетъ онъ по горамъ,
Носитъ по цѣлому краю,
Носитъ крутые рога.
Рѣжетъ крутыми рогами
Сучья въ дремучемъ лѣсу;
По лѣсу летма летаетъ,
Скачетъ на быстрыхъ ногахъ.
Хаживалъ молодецъ въ горы
Доломъ широкимъ на брань;
Тяжкія нашивалъ стрѣлы,
Вражію мочь поражалъ.
Добраго молодца нѣту!
Лютый нагрянулъ злодѣй,
Злобой глаза распалились,
Молотъ желѣзный сверкнулъ.
Юношу въ перси ударилъ—
Всплакались темны лѣса—
Вышла изъ молодца, вышла,
Душенька вышла душа!
Горломъ пошла лебединымъ,
Въ алы порхнула уста.
Вотъ онъ лежитъ; за душею
Точится теплая кровь;
Кровь молодецкую тихо
Пьетъ мать сырая земля.
Сердце у дѣвицы каждой
Стонетъ и больно болитъ.
Юноша въ хладную землю,
Въ хладную землю зарытъ;
Дубъ на немъ выросъ, дубочикъ,
Вѣтви пустилъ широко.
Ходитъ олень круторогій,
Скачетъ на прыткихъ ногахъ,
Щиплетъ зеленые листья
Онъ на дубу молодомъ.
Быстрые кречеты вьются,
Изъ лѣсу къ дубу летятъ,
Голосомъ жалкимъ выводятъ:
«Молодца врагъ погубилъ!»
Горькими плачутъ слезами
Красныя дѣвы по немъ.

Бергъ.

5) Имя числительное.

Числительныя количественныя суть имена первообразныя: *два, три, четыре, пять, шесть, се(д)мь, восемь, девять, десять, сто, тысяча,* а *одинъ* образовалось изъ корня *од* или *ед* и мѣстоименія *инъ*. Отъ нихъ посредствомъ сложенія происходятъ:

а) Всѣ прочія количественныя, напр. *один-на-дцать* (десять), *пять-на-дцать* (десять), *два-дцать* (десять), *пять-десятъ, двѣ-сти, три-ста, пять-сотъ*.

б) Числительныя порядковыя посредствомъ подставокъ *тор, т, и* (мѣстоименіе) и *н*, напр. *един-ый, в-тор-ой, тре-т-ій,*

четвер-т-ый, десят-ый, сот-ый, тысяч-н-ый, пяти-десят-ый, двух-сот-ый.

в) Числительныя собирательныя, напр. *дво-и, тро-и, четве-ро, пяте-ро, девяте-ро, десяте-ро*.

г) Дробныя съ приставкою *пол*, напр. *пол-тора* (втора), *пол-ста, пол-третья*.

Найдите числительныя имена въ слѣдующихъ примѣрахъ:

Загадка 13.

Стоитъ дубъ,
На дубу двѣнадцать гнѣздъ,
На каждомъ гнѣздѣ по четыре синицы,
У каждой синицы по четырнадцати яицъ,
Семь бѣленькихъ и семь черненькихъ.

Загадка 14.

Съ одного дерева
Да четыре угодья:
Первое—отъ темной ночи свѣтъ,
Второе—некопаный колодезь,
Третье—старому здоровье,
Четвертое—разбитому связь.

Пѣсня 7.

У Тараса Яковлевича
Ахъ бѣда учинилася.
Какъ безъ бури, безъ вихря,
Воротички растворилися,
Три кораблика уплыли.
Какъ первый-то корабль съ золотомъ,
А другой съ чистымъ серебромъ,
А третій съ красной дѣвицей.
Какъ не жаль-то мнѣ золота,
Мнѣ ни чистаго серебра,
Да что жаль-то мнѣ дѣвицы,
Свѣтъ Прасковьи Тарасьевны,
Моей дочери родныя.

У Петра Васильевича
Да что за радость учинилася?
Что безъ бури, безъ вихря
Ворота растворилися
Три кораблика приплыли.
Какъ первый-то корабль съ золотомъ,
А другой съ чистымъ серебромъ,
А третій съ красной дѣвицей.
Мнѣ не дорого золото,
И ни чисто серебро,
Дорога красна дѣвица,
Свѣтъ Прасковья Тарасьевна,
Моя добрая невѣстушка.

6) Нарѣчіе.

Нарѣчій первообразныхъ весьма немного, напр. *не, ни, нѣ, наи*; всѣ они образовались изъ другихъ частей рѣчи или посредствомъ разныхъ подставокъ, или посредствомъ *сложенія*

частей рѣчи между собою. Нарѣчія образуются отъ слѣдующихъ частей рѣчи помощію весьма разнообразныхъ подставокъ:

а) Отъ глаголовъ, напр. *стой-мя, сидь-мя, лив-мя, гор-мя, руг-мя, по-ход-я, не-хот-я.*

б) Отъ именъ существительныхъ, напр. *вечеръ—вчера, крома* (въ значеніи *ломоть*, напр. въ пословицѣ: Ѳома большая крома)—*кромѣ, домъ—домой, долъ—долой, межа—между* (межу) или *межъ*, точь (точка) *точь въ точь, кругъ—кругомъ, даръ—даромъ, день—днемъ, ночь—ночью, урывокъ—урывками, шагъ—шагомъ, гуртъ—гуртомъ, ливень—ливнемъ, мытье* и *катанье—не мытьемъ* такъ *катаньемъ.*

в) Отъ мѣстоименій: 1) указательнаго *тотъ* и *сей*, напр. *тогда, та-къ, по-то-мъ, ту-тъ, ту-да, до-то-лѣ; з-дѣсь* (с-дѣсь), *от-сю-да, сю-да, ся-мъ, ся-къ, до-се-лѣ;*

2) вопросительнаго *к-то*, напр. *ко-гда, ку-да, от-ку-да, по-ку-да, до-ко-лѣ, от-ко-лѣ, г-дѣ* (к-дѣ), *как-ъ, ни-как-ъ, ни-ко-гда, нѣ-ког-да, не-ког-да, по-что, за-чѣмъ;*

3) отъ опредѣлительнаго *весь, инъ*, напр. *все-гда, ино-гда, ина-че, вез-дѣ* (весь-дѣ), *всю-ду, ото-всю-ду, весь-ма, ин-дѣ, от-ню-дь* (отъ-ину-ду).

4) отъ количественныхъ *сколькій, столькій, толикій*, напр. *сколь-ко, столь-ко, нѣ-сколь-ко, ни-сколь-ко, толь-ко, коль-ми.*

г) Отъ прилагательныхъ: 1) качественныхъ, напр. *хорошо—лучше, худо—хуже, плохо—плоше, прямо—прямѣе, удобно—удобнѣе, лихо*; 2) *относительныхъ*, напр. *денно, нощно, по-человѣчески, по-деревенски, дружески, отечески*; 3) притяжательныхъ, напр. *по-волчью, по-бычью, по-человѣчьи, по-птичьи.*

д) Отъ числительныхъ, напр. *два-жды, три-жды, четыре-жды, пять-ю, шесть-ю, семь-ю.*

е) Отъ предлоговъ, напр. *преж-де, в(ъ)-перед-и, в(ъ)пред-ь, по-за-ди, под-лѣ, воз-лѣ, в(ъ)-роз-ь, с(ъ)-квоз-ь* или *с(ъ)-кроз-ь* (черезъ).

Сложныя нарѣчія произошли по большей части отъ соединенія предлоговъ съ другими частями рѣчи: 1) съ именами существительными, напр. *на-от(ъ)-машь—махъ, в(ъ)скач-ь—*

скокъ, в(ъ)про-рѣз-ь—рѣзь, в(ъ)сколь-з-ь—скользь, ис(изъ)кони—конъ, о-коло—коло (колесо), *на-из-усть—уста, к(ъ)стати—стать, в(ъ)-верху—верхъ, в(ъ)-низу—низъ, на-вз-ничь—зничь* (ницъ), *с(ъ)про-сон-окъ—сонъ, по-латыни—латынь, завтра—утро*; 2) съ именами прилагательными, напр. *в(ъ)-новь—новый, в(ъ)пробѣль—бѣлый, в(ъ)-кратцѣ—кратокъ, с(ъ)-нова—новый, из(ъ)-рѣдка—рѣдкій, в(ъ)-чужѣ—чужой, из(ъ)-далека—далекій, по-дробно—дробный, во-обще—общій, из(ъ)-красна—красный*; 3) съ мѣстоименіями, напр. *во-все, по-моему, по-твоему, по-свойски, по-нашински*; 4) съ числительными, напр. *в(ъ)-двое, в(ъ)-четверо, за-одно, на-трое.*

Сложныя нарѣчія образуются и безъ предлоговъ изъ другихъ частей рѣчи, напр. *стрем-*(стремиться)*-главъ, те-перь* (то-перво), *ономе-дни* (оными-дни), *сего-дня, наи-больѣ, наи-лучше, мало-мальски, пока-мѣстъ, с(ъ)-полу-горя..*

Найдите въ слѣдующихъ примѣрахъ нарѣчія и покажите, изъ какихъ частей рѣчи они образовались.

Пѣсня 8

Тебѣ полно, лапушка, ко мнѣ ходить,
Тебѣ полно, сударушка, меня любить.
Отойди, отстань ты, добрый молодецъ!
Тебѣ полно, другъ, ко мнѣ ходить.
Отецъ и мать дозналися,
И родъ, племя догадалися,
Какъ ссылаютъ красну дѣвицу
Съ широка двора долой.
Пошелъ прочь сердечный другъ,
Залилась дѣвка горячими слезами.
Не рыбушка въ неводѣ разметалася,
Красна дѣвица по молодцу стосковалася,
Стосковавши, красна дѣвица слезно плакала:
Прогнѣвила я друга милаго;
Я пойду-ли къ милу другу съ повинною:
Ты прости, прости, душа моя!
Ты прости, прости, сердечный другъ!

Не въ досаду тебѣ я сдѣлала,
Я хотѣла тебя извѣдати,
Что любишь-ли меня, какъ я тебя?

Ларчикъ

Случается не рѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться, —
За дѣло просто взяться.

Къ кому-то принесли отъ мастера Ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой Ларецъ въ глаза кидался;
Ну, всякой Ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату Механики мудрецъ.
Взглянувъ на Ларчикъ, сказалъ:—«Ларецъ съ секретомъ;
Такъ; онъ и безъ замка́;
А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ;
Не смѣйтесь такъ изподтишка!
Я отъищу секретъ, и ларчикъ вамъ открою:
Въ механикѣ и я чего нибудь да стою.»
Вотъ за ларецъ принялся онъ:
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ,
И голову свою ломаетъ;
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ глядя на него, иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:
«Не тутъ, не такъ, не тамъ!» Механикъ пуще рвется.
Потѣлъ, потѣлъ; но наконецъ усталъ,
Отъ ларчика отсталъ,
И какъ открыть его, никакъ не догадался:
А ларчикъ просто открывался.

Крыловъ.

7) Предлогъ.

Всѣ предлоги какъ отдѣльные, такъ и слитные, суть части рѣчи первообразныя, исключая: 1) *подъ, надъ, предъ, изъ-подъ*, образовавшихся изъ простыхъ предлоговъ—*по, на, пре, изъ*, и 2) нарѣчій, употребляемыхъ вмѣсто предлоговъ, какъ-то: *возлѣ, подлѣ, мимо, прежде, кромѣ, около, вверху, внизу* и др.

Найдите въ слѣдующей пѣснѣ отдѣльные и слитные предлоги и нарѣчія, употребляемыя вмѣсто предлоговъ.

Пѣсня 9

Возлѣ садика млада хожу,
Возлѣ зелена млада гуляю,
Соловьевыхъ пѣсенъ слушаю:
Хорошо въ саду соловей поетъ,
Онъ поетъ, поетъ припѣваючи,
Къ моему горю примѣняючи,
Къ моему житью ко безсчастному.
Не пеняю я, младешенька,
Ни на батюшку, ни на матушку
Ни на братца, на яснаго сокола,
Ни на сестрицу, лебедь бѣлую;
Что пеняю я, младешенька,
На свою ли участь горькую,
На свои ли очи ясныя.
Ахъ! вы, очи, очи ясныя,
Вы глядѣли, да заглядѣлися,
Вы смотрѣли, да засмотрѣлися;
Не по мысли вы друга выбрали,
Не по моему по обычаю.

8) Союзъ

Союзы раздѣляются: на 1) *первообразные*, которыхъ весьма не много, какъ-то: *а, и, да, же, ли, ни, но*; на 2) *производные*, а именно: а) отъ глаголовъ, напр. *пусть-пустить, пускай-пускать, хотя* и *хоть — хотѣть, вѣдь — вѣдать молъ — молвить, буде* и *бы — быть*; б) отъ прилагательнаго *лихъ* (лихо, лише, лишь) — *лишь*; в) отъ мѣстоименій, напр. *то, что, чѣмъ*; г) отъ числительныхъ, напр. *однако — одинакій*.

3) *Сложные*: а) изъ союзовъ, напр. *и-ли, а-ли, а-ль, и-бо, ли-бо, да-же, но и*; б) изъ мѣстоименій съ союзами и предлогами, напр. *е-же-ли, по-не-же, потому-что, поелику, для того что, того ради*; в) изъ глаголовъ съ союзами и мѣстоименіями, напр. *да-бы, будто-бы, чтo-бы, ес-ли* (есть-ли), *лишь только, пусть-бы, хотя-бы*; г) изъ нарѣчій съ союзами и мѣстоименіями, напр. *не-же, не-же-ли, ни-же, только что, коль скоро*.

Нѣкоторыя нарѣчія употребляются въ видѣ союзовъ, напр. *когда-тогда, такъ-какъ, только, сколько ни, какъ бы* (*кабы*).

Къ союзамъ должно отнести частицы: *ка* (*ко* и *тко*) и *ста*, которыя всегда ставятся на концѣ словъ, напр. *пожалуй-ста, мы-ста, скажи-ка, поди-ко*; далѣе *де* (отъ глагола *дѣять*) и *анъ* вмѣсто *а*.

Найдите въ слѣдующихъ пѣсняхъ союзы.

Пѣсня 10

Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы,
И зимой бы цвѣты разцвѣтали;
Ахъ, кабы на меня да не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила,
Не сидѣла бъ я подпершися,
Не глядѣла бъ я въ чисто поле.
И я батюшкѣ говорила:
Не давай меня, батюшка, за мужъ,
Не давай, государь, за неровню;
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы.
Не съ хоромами жить—съ человѣкомъ,
Не съ богатствомъ жить мнѣ—а со свѣтомъ.
Я по сѣнямъ шла, я по новымъ шла,
Подняла шубку соболиную,
Чтобъ моя шубка не прошумѣла,
Чтобъ мои пуговки не прозвякнули,
Не услышалъ бы свекоръ-батюшка,
Не сказалъ бы онъ своему сыну,
Своему сыну, моему мужу.

Пѣсня 11

Ты поди, моя коровушка, домой,
Пропади, моя головушка долой;
Ай ди-ди-ди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Ужъ какъ всѣ мужья до женъ добры,
Покупили женамъ черные бобры,
Ай ди-ди-ди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Лишь мой-то не кошный муженекъ,
Лишь мой-то сердечный съ кулачекъ,
Ай ди-ди-ди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Онъ купилъ-то мнѣ коровушку,
Онъ сгубилъ-то мою головушку,
Ай ди-ди-ди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Отворяй, жена, широки ворота,
Принимай, жена, корову за рога,
Ай ди-ди-ди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!

Встану я, млада, ранешенько,
Я умоюся бѣлешенько сама;
Ай ди-ди-ди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Погоню я корову на росу,
На встрѣчу мнѣ медвѣдь изъ лѣсу;
Ай ди-ди-ди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Я медвѣдя испугалась,
Я за кустики, млада, бросалась.
Ай ди-ди-ди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Въ лугахъ была, въ зеленыхъ лугахъ,
Принимала я корову за рога.
Ай ди-ди-ди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Ты поди, моя коровушка домой,
Ты поди, моя недоена, домой,
Ай ди-ди-ди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
У насъ горенка не топлена стоитъ,
А ребятушки не кормлены кричатъ.
Ай ди-ди-ди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Какъ ворчитъ-то мужъ-супостатъ,
Онъ велитъ мнѣ дѣтей кормить;
Ай ди-ди-ди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Приказалъ онъ коровушку доить.
Ты коровушку подой-ка, подой.
Ай ди-ди-ди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
А подойничикъ помой-ка, да помой,
А ребятушекъ напой-ка, да напой,
Ай ди-ди-ди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!

9) Междометіе

Междометія бываютъ или слова 1) *первообразныя*, выражающія звуки, производимые человѣкомъ, животными и неодушевленными предметами, напр. *охъ*! *ахъ*! *мяу*! *ку*! *ку*! *динь*! *бухъ*; 2) или *производныя* отъ мѣстоименій, напр. *вотъ*, *вонъ*, *то-то* (тотъ и онъ); отъ глаголовъ берутся только глагольные корни, напр. *хлоп-ъ*, *бац-ъ*, *цап-ъ*, *толк-ъ*, *стук-ъ*, *бряк-ъ*; 3) или *сложныя*, напр. *спасибо* (спаси Богъ), *исполать* (*εἰσ πολλα ἐτη* т. е. въ переводѣ съ греческаго *на многія лѣта*). Въ значеніи междометій употребляются и существительныя имена, напр. бѣда! горе!

Найдите междометія въ слѣдующей пѣснѣ.

Пѣсня 12

Ахъ, молодость, молодость,
Чѣмъ-то вспомянуть тебя?
Ай, лешеньки, лешеньки!
Чѣмъ-то вспомянуть тебя?
Вспомяну я молодость
Тоскою, кручиною;
Ай, лешеньки, лешеньки!
Тоскою, кручиною.
Тоскою, кручиною,
Печалью великою.
Ай, лешеньки, лешеньки!
Печалью великою,
Не пила, не ѣла я,
Все милова ждала,
Ай, лешеньки, лешеньки!
Все милова ждала.
Пойду млада по воду
Съ ушатами, ведрами;
Ай, лешеньки, лешеньки!
Съ ушатами, ведрами.
Пущу ведра подъ гору,
Сама взойду на гору;
Ай, лешеньки, лешеньки!
Сама взойду на гору.
Сама сяду на траву,
Прикинуся яблоню;
Ай, лешеньки, лешеньки!
Прикинуся яблоню.
Яблоню кудрявою;
Грушею зеленою,
Ай, лешеньки, лешеньки!
Грушею зеленою.

Мимо той-ли яблоньки
Протекала рѣченька,
Ай, лешеньки, лешеньки!
Протекала рѣченька.
Какъ по той по рѣченькѣ
Съѣзжалися господа,
Ай, лешеньки, лешеньки!
Съѣзжалися господа.
Съѣзжалися господа
Съ семидесяти городовъ,
Ай, лешеньки, лешеньки!
Съ семидесяти городовъ.
Срубили они яблоньку
Подъ самый корешекъ.
Ай, лешеньки, лешеньки!
Подъ самый корешекъ.
Раскололи яблоньку
На доски на тонкія;
Ай, лешеньки, лешеньки!
На доски на тонкія.
На доски на тонкія,
Дѣлать гусли звончаты.
Ай, лешеньки, лешеньки!
Дѣлать гусли звончаты.
Кому поиграть въ гусли?
Кому поплясать будетъ?
Ай, лешеньки, лешеньки!
Кому поплясать будетъ?
Играть въ гусли молодцу,
Плясать красной дѣвицѣ,
Ай, лешеньки, лешеньки!
Плясать красной дѣвицѣ.

Слова сложныя.

Отъ образованія словъ должно отличать сложныя слова, которыя произошли не помощію подставокъ, а посредствомъ соединенія или сложенія частей рѣчи между собою. Это сложеніе бываетъ: 1) *собственное*, когда слова соединяются между собою посредствомъ гласныхъ *о* или *е*, напр. *Яр-о-славъ*, *Свят-о-славъ*, *сам-о-держецъ*, *един-о-родный*, *душ-е-грѣйка*, *рук-о-жатье*, *земл-е-дѣліе*, *пар-о-возъ*, *люд-о-ѣдъ*, *тр-е-зубецъ*.

2) *Несобственное* сложеніе бываетъ тогда, когда части рѣчи соединяются между собою безъ измѣненія въ окончаніи, напр. *Нов-городъ*, *Царь-градъ*, *Бѣл-городъ*, *Китай-городъ*, *пол-день*, *пол-ночь*, *двое-точіе*, *трое-женецъ*, *два-дцать*, *три-ста*, *мѣсто-имение*. Сюда же относятся прозвища, происшедшія отъ соединенія глагола (большею чтстію въ повелительномъ наклоненіи) съ именами существительными, напр. *Держи-славъ*, *Моли-божичъ*, *Зави-хвостъ*, *Положи-шило*, *Бай-борода*, *Умойся-грязью*, *Держи-морда*, *Неумывай-корыто*, *Сорви-голова*.

III. Измѣненіе частей рѣчи.

Нѣкоторыя части рѣчи, какъ однажды образовались и приняли извѣстный видъ, такъ и остались неизмѣнными, какъ будто окаменѣли, напр. *исподволь*, *чтобы*, *при*, *ахъ*; поэтому эти части рѣчи и называются *неизмѣняемыми*. Къ нимъ принадлежатъ: *нарѣчія* (*дѣепричастія*), *союзы*, *предлоги* и *междометія*. Другія же части рѣчи, къ которымъ принадлежатъ: *глаголъ*, *имена* (*существительное*, *прилагательное* (причастіе) и *числительное*) и *мѣстоименія*, называются *измѣняемыми*, потому что, однажды образовавшись, онѣ не остаются постоянно въ одномъ и томъ же видѣ, но, смотря по своему отношенію въ рѣчи, измѣняютъ окончаніе, напр. *род-ъ*, *род-а*, *род-у*, *род-омъ*; *по-ю*, *по-ешь*, *по-етъ*, *по-емъ*, *по-ете*, *по-ютъ*; *я*, *м-еня*, *м-нѣ*, *мы*; *добр-ый*, *добр-аго*, *добр-ому*, *добр-ымъ*; *говорящ-ій*, *говорящ-аго*, *говорящ-ему*, *говорящ-ихъ*; *дв-а*, *дву-хъ*, *дву-мя*, *дву-мъ*. Это измѣненіе

слова въ рѣчи. Чтобы видѣть, какъ необходимо измѣненіе частей рѣчи для выраженія связи и смысла, возьмемъ три слова: *я, читать, книга.* Здѣсь стоятъ вмѣстѣ три части рѣчи: *мѣстоименіе, глаголъ* и *имя существительное*; а между прочимъ ими не выражается никакого смысла, потому что не показано отношенія или связи этихъ словъ между собою. Если же мы измѣнимъ окончанія, то придадимъ связь и смыслъ, напр. *я чита-ю книг-у.* Слѣдовательно, весь смыслъ произошелъ отъ того, что мы измѣнили въ двухъ частяхъ рѣчи, именно въ глаголѣ и существительномъ, окончаніе *ть* на *ю* и *я* на *у* (*читать—чита-ю* и *книг-а—книг-у*).Это окончаніе, въ отличіе отъ окончанія неизмѣняемыхъ частей рѣчи и подставокъ (суффиксъ), называется *измѣняющимъ окончаніемъ* или *флексіей* (*).

1) Глаголъ.

Разное отношеніе глагола въ рѣчи выражается наклоненіемъ изъявительнымъ и повелительнымъ. Когда глаголъ употребляется въ этихъ наклоненіяхъ, то онъ непремѣнно бываетъ сказуемымъ; а такъ какъ сказуемое всегда относится къ подлежащему, то показывать это отношеніе глагола, какъ сказуемаго къ подлежащему, значитъ соединять его, *сопрягать* или *спрягать* съ подлежащимъ; поэтому и измѣненіе окончанія въ глаголѣ называется *спряженіемъ*. Такъ какъ глаголъ можетъ быть сказуемымъ только въ изъявительномъ и повелительномъ наклоненіи, то поэтому и спрягаться онъ можетъ только въ этихъ наклоненіяхъ.

Флексія и служитъ глаголу для того, чтобы показывать это соединеніе его съ подлежащимъ или спряженіе. Измѣняется подлежащее, измѣняется и флексія глагола. Такъ какъ подлежащее бываетъ трехъ лицъ, то и для означенія каждаго лица есть своя флексія; далѣе, такъ какъ подлежащимъ можетъ быть или одинъ предметъ, или нѣсколько, то и флексіи—однѣ показываютъ *единственное число*, указывая на одинъ предметъ, другія—*множественное число*, указывая на много предметовъ. Флексіи, служащія для спряженія глагола, называются *глагольными* флексіями. Эти глагольныя флексіи суть не что иное, какъ мѣстоименія, принявшія особенный видъ. Во всей полнотѣ онѣ обнаруживаются въ изъявительномъ наклоненіи въ настоящемъ и будущемъ времени стариннаго спряженія.

(*) Не желая употреблять иностранные термины, я все таки долженъ буду употребить слова *флексія*, потому что *измѣненіе окончанія* не передаетъ полнаго ея значенія— *связующаго* и *склоняющаго*.

а) Изъявительное наклоненіе.

Въ изъявительномъ наклоніи въ настоящемъ и будущемъ времени употребляется шесть флексій: *три* для единственнаго числа и *три* для множественнаго. Старинныя флексіи, которыя прежде присоединялись къ корню глагола для спряженія его съ подлежащимъ, были слѣдующія:

Единственное число:
1-е лице *мь*=*я*
2-е лице *си*=ты
3-е лице *ть*=тотъ или онъ

Множественное число:
1-е лице *мы*=*мы*
2-е лице *те*=*вы*
3-е лице *уть* (ють) и *ать* (ять)=*тѣ*. или *они, онѣ*.

Эти старинныя флексіи удержались вполнѣ въ спряженіи только одного глагола *есмь* въ настоящемъ времени, напр.

Единственное число:
1-е лице—ес-*мь*.
2-е лице—ес-*си* (сократившееся въ *еси*).
3-е лице—ес-*ть*.

Множественное число:
1-е лице—ес-*мы*.
2-е лице—ес-*те*.
3-е лице—ес-*уть* (сократившееся въ *суть*).

Въ частности же онѣ уцѣлѣли въ нѣкоторыхъ только лицахъ весьма немногихъ глаголовъ, напр. *да-мъ* (мь), *ѣ-мъ* (мь), *вѣс-ть* (напр. Богъ вѣсть), и въ областномъ нарѣчіи, напр. *говор-ить, пиш-уть*.

Съ теченіемъ времени эти старинныя флексіи исчезли и замѣнились слѣдующими:

Единственное число.
1-е лице—*у* или *ю* вмѣсто *мь*.
2-е лице—*шь* вмѣсто *си*.
3-е лице—*тъ* вмѣсто *ть*.

Множественное число	1-е лице—*мъ* вмѣсто *мы.*	
	2-е лице—*те* (такъ и осталось).	
	3-е лице—*утъ* (*ютъ*) и *атъ* (*ятъ*) вмѣсто *уть* и *ать*	

Возьмемъ для примѣра четыре глагола *ид-ти, слуша-ть, служ-ить* и *говор-и-ть*, и будемъ спрягать ихъ т. е. присоединять къ корню флексіи, напр.

Единственное число.	1-е	ид-*у*	слуша-*ю*	служ-*у*	говор-*ю*
	2-е	ид-е-*шь*	слуша-е-*шь*	служ-и-*шь*	говор-и-*шь*
	3-е	ид-е-*тъ*	слуша-е-*тъ*	служ-и-*тъ*	говор-и-*тъ*
Множественное число	1-е	ид-е-*мъ*	слуша-е-*мъ*	служ-и-*мъ*	говор-и-*мъ*
	2-е	ид-е-*те*	слуша-е-*те*	служ-и-*те*	говор-и-*те*
	3-е	ид-*утъ*	слуша-*ютъ*	служ-*атъ*	говор-*ятъ*

Въ будущемъ времени глаголы спрягаются (т. е. соединяются съ подлежащимъ) тѣми же флексіями, что и въ настоящемъ времени, какъ напр. отъ глагола *быть* и *смотр-ѣть*:

Единственное число.	1-е	буд-*у*	по-смотр-*ю*.
	2-е	буд-е-*шь*	по-смотр-и-*шь*.
	3-е	буд-е-*тъ*	по-смотр-и-*тъ*.
Множественное число.	1-е	буд-е-*мъ*	по-смотр-и-*мъ*.
	2-е	буд-е-*те*	по-смотр-и-*те*.
	3-е	буд-*утъ*	по-смотр-*ятъ*.

Не всѣ глаголы имѣютъ *собственное* будущее время, а большая часть употребляется въ такъ называемомъ *описательномъ* будущемъ времени, которое образуется изъ вспомогательныхъ глаголовъ *буду* или *стану* и неопредѣленнаго наклоненія того глагола, отъ котораго хотятъ образовать будущее описательное, напр.

Единственное число.	1-е буду	писать —	стану	мыслить
	2-е будешь	читать —	станешь	цѣнить
	3-е будетъ	учиться —	станетъ	уважать
Множественное число	1-е будемъ	стараться —	станемъ	думать
	2-е будете	благодарить—	станете	хвалить
	3-е будутъ	дорожить —	станутъ	просить

Въ прошедшемъ времени глаголы собственно не спрягаются, а согласуются съ подлежащимъ въ родѣ и числѣ, какъ прилагательное краткое; а такъ какъ подлежащее всегда ставится въ именительномъ падежѣ, то и спрягательное причастіе ставится въ именит. падежѣ, принимая въ единственномъ числѣ родовые признаки *ъ, а, о,* напр. *мужъ пахал-ъ, жена жал-а, дитя играл-о,* а во множественномъ числѣ для всѣхъ трехъ родовъ принимая *и,* напр. *мужья, жены, дѣти п-ли, пил-и, работал-и.*

Примѣчаніе 1. Наше прошедшее время потому не спрягается, что оно есть собственно не глаголъ, а причастіе спрягательное, которое встарину, напр. въ церковно-славянскомъ языкѣ, всегда соединялось со вспомогательнымъ глаголомъ *быть* настоящаго, прошедшаго и будущаго времени, напр.

1) Съ настоящимъ временемъ.

Единственное число.	1-е	Аще есмь чимъ кого обидѣлъ,
	2-е	Вся премудростию сътворилъ іеси,
	3-е	Рождество Богородичо спасло есть,
Множественное число.	1-е	Възлюбили есьмы.
	2-е	Пили сего чьаи іесте.
	3-е	Видѣли сѫть.

2) *Съ прошедшимъ временемъ* 1-*мъ.*

Еcдинтвенное число.	1-е	Аще не былъ пришълъ и глаголалъ имъ.
	2-е	Аще бы былъ сьде.
	3-е	Аще сь не бы ѿ Бга былъ, не моглъ бы творити
Множественное число.	1-е.	Мы якоже измрьли быхомъ (бѣхомъ).
	1-е.	Аще мя бысте знали и Оца моего знали бысте.
	3-е.	Грѣха не быша имѣли.

3) *Съ прошедшимъ временемъ* 2-*мъ.*

Единственное число.	1-е.	Не бѣхъ (бѣахъ, бяхъ) ли ти реклъ.
	2-е. 3-е.	Не оу бо бѣаше (бяше) дотолѣ видѣлъ аггела.

Множественное число.	1-е.	бѣахомъ (бѧхомъ) } видѣли.
	2-е.	бѣасте (бѧсте) } видѣли.
	3-е-	ученици бо его отъшли бѣахꙋ (бѧхꙋ) въ градъ.

4) *Съ будущимъ временемъ.*

Единственное число.	1-е.	Бꙋдꙋ . . . . . сътворилъ.
	2-е.	Бꙋдеши . . . . сътворилъ.
	3-е.	ѥлико бꙋдетъ сътворилъ.
Множественное число.	1-е.	Бꙋдемъ } сътворили
	2-е.	Бꙋдете } сътворили
	3-е.	Бꙋдꙋтъ } сътворили

Примѣчаніе II. Спрягательное причастіе, въ соединеніи съ прошедшимъ 1-мъ вспомогательнаго глагола *быть*, образовало наше условное наклоненіе, напр. аще Бъ оцъ вашъ бы былъ любили мѧ бысте; у насъ это прошедшее сложное 2-е обратилось въ условное наклоненіе, напр. если Богъ *былъ бы* отецъ вашъ меня *любили бы*; разница заключается въ томъ, что въ старину вспомогательный глаголъ имѣлъ флексіи для всѣхъ лицъ и числъ, а теперь осталось только третье лице единственнаго числа *бы*, которое прилагается къ спрягательному причастію безъ различія числъ и лицъ, напр.

Единственное число	сказалъ бы я
	сказалъ бы ты
	сказалъ бы онъ
Множественное число	сказали бы мы
	сказали бы вы
	сказали бы они

Только въ спряженіи глагола *есмь* въ настоящемъ времени и единственномъ числѣ глаголовъ *ѣмъ* и *дамъ* и въ 3-мъ лицѣ мн. числа глагольныя флексіи присоединяются къ корню, напр.

ес-мь,	ѣ(д)-мъ,	да(д)-мъ,
ес-си,	ѣ(д)-шь,	да(д)-шь,
ес-ть,	ѣс-тъ,	дас-тъ,
ес-мы,		
ес-те,		
ес-уть.	ѣд-ятъ,	дад-утъ,

а въ прочихъ глаголахъ во 2 и 3 лицѣ единственнаго числа и 1 и 2 лицѣ множественнаго числа въ настоящемъ и будущемъ времени глагольныя флексіи присоединяются не прямо къ корню, а корень соединяется съ флексіей посредствомъ гласныхъ звуковъ *е* или *и*, напр.

1) *Въ настоящемъ времени.*

Единственное число	1-е	ид-у,	говор-ю,
	2-е	ид-е-шь,	говор-и-шь,
	3-е	ид-е-тъ,	говор-и-тъ.
Множественное число	1-е	ид-е-мъ,	говор-и-мъ,
	2-е	ид-е-те,	говор-и-те,
	3-е	ид-утъ.	говор-ятъ,

2) *Въ будущемъ времени.*

Единственное число	1-е	пойд-у,	поговор-ю,
	2-е	пойд-е-шь,	поговор-и-шь,
	3-е	пойд-е-тъ,	поговор-и-тъ.
Множественное число	1-е	пойд-е-мъ,	поговор-и-мъ,
	2-е	пойд-е-те,	поговор-и-те,
	3-е	пойд-утъ,	поговор-ятъ.

Эти гласные звуки *е* и *и* называются *соединительными* гласными, потому что они соединяютъ корень съ флексіями. По этимъ соединительнымъ гласнымъ глаголы раздѣляются на два спряженія: глаголы *перваго* спряженія вставляютъ *е*, а *втораго* спряженія *и*. Въ первомъ спряженіи 3-е лицо множественнаго числа кончится на *утъ* или *ютъ*, а во второмъ на *атъ* или *ятъ*.

Первое спряженіе.

Къ первому спряженію принадлежатъ: а) большая часть глаголовъ первообразныхъ т. е. принимающихъ въ неопредѣленномъ наклоненіи прямо къ корню подставку *ть*, напр.

1) вес(д)-ть 2) цвѣс(т)-ть 3) печ(к)-(т)ь 4) жеч(г)-(т)ь

Единственное число.	1-е	вед-у	цвѣт-у	пек-у	жг-у
	2-е	вед-*е*-шь	цвѣт-*е*-шь	пе(к)ч-*е*-шь	жж(г)-*е*-шь
	3-е	вед-*е*-тъ	цвѣт-*е*-тъ	пе(к)ч-*е*-тъ	жж(г)-*е*-тъ

Множественное число.	1-е	вед-*е*-мъ	цвѣт-*е*-мъ	пе(к)ч-*е*-мъ	жж(г)-*е*-мъ
	2-е	вед-*е*-те	цвѣт-*е*-те	пе(к)ч-*е*-те	жж(г)-*е*-те
	3-е	вед-*утъ*	цвѣт-*утъ*	пек-*утъ*	жг-*утъ*

б) Большая часть глаголовъ, имѣющихъ глагольныя примѣты: *а*, *я*, *ѣ*, *ну*, напр.

1) брос-а-ть, мечт-а-ть; 2) мѣн-я-ть, гон-я-ть.

Единственное число.	1-е	броса-ю	мечта-ю	мѣня-ю	гоня-ю
	2-е	броса-*е*-шь	мечта-*е*-шь	мѣня-*е*-шь	гоня-*е*-шь
	3-е	броса-*е*-тъ	мечта-*е*-тъ	мѣня-*е*-тъ	гоня-*е*-тъ
Множественное число.	1-е	броса-*е*-мъ	мечта-*е*-мъ	мѣня-*е*-мъ	гоня-*е*-мъ
	2-е	броса-*е*-те	мечта-*е*-те	мѣня-*е*-те	гоня-*е*-те
	3-е	броса-*ютъ*	мечта-*ютъ*	мѣня-*ютъ*	гоня-*ютъ*

3) *бѣл-ѣ-ть, ясн-ѣ-ть; 4) тя-ну-ть, кля-ну-ть*

Единственное число.	1-е	бѣлѣ-ю	яснѣ-ю	тян-у	клян-у
	2-е	бѣлѣ-*е*-шь	яснѣ-е-шь	тян-*е*-шь	клян-*е*-шь
	3-е	бѣлѣ-*е*-тъ	яснѣ-е-тъ	тян-*е*-тъ	клян-е-тъ
Множественное число.	1-е	бѣлѣ-*е*-мъ	яснѣ-*е*-мъ	тян-*е*-мъ	клян-е-мъ
	2-е	бѣлѣ-*е*-те	яснѣ-*е*-те	тян-*е*-те	клян-е-те
	3-е	бѣлѣ-*ютъ*	яснѣ-*ютъ*	тян-*утъ*	клян-*утъ*

Примѣчаніе 1. Хотя не всѣ глаголы первообразные и имѣющіе глагольныя примѣты: *а*, *я*, *ѣ*, спрягаются по первому спряженію; но исключенія изъ этого правила весьма не велики, напр.

1) *леч(г)-(т)ь*, 2) *сто-я-ть*, 3) *дрож-а-ть*, 4) *смотр-ѣ-ть*

Единственное число.	1-е	леж-у	сто-ю	дрож-у	смотр-ю
	2-е	леж-*и*-шь	сто-*и*-шь	дрож-*и*-шь	смотр-*и*-шь
	3-е	леж-*и*-тъ	сто-*и*-тъ	дрож-*и*-тъ	смотр-*и*-тъ
Множественное число.	1-е	леж-*и*-мъ	сто-*и*-мъ	дрож-*и*-мъ	смотр-*и*-мъ
	2-е	леж-*и*-те	сто-*и*-те	дрож-*и*-те	смотр-*и*-те
	3-е	леж-*атъ*	сто-*ятъ*	дрож-*атъ*	смотр-*ятъ*

Въ будущемъ же времени нѣкоторые изъ первообразныхъ глаголовъ, спрягающихся въ настоящемъ времени по 2-му спряженію, спрягаются по первому, напр.

Единственное число.	1-е	ляг-у	сяд-у
	2-е	ляж(г)-*е*-шь	сяд-*е*-шь
	3-е	ляж(г)-*е*-тъ	сяд-*е*-тъ
Множеств. число.	1-е	ляж(г)-*е*-мъ	сяд-*е*-мъ
	2-е	ляж(г)-*е*-те	сяд-*е*-те
	3-е	ляг-*утъ*	сяд-*утъ*

Второе спряженіе

Ко второму спряженію принадлежатъ глаголы, имѣющіе глагольную примѣту *и*, напр.

1) множ-*и*-ть, 2) кур-*и*-ть, 3) дар-*и*-ть, 4) по-*и*-ть

Единственное число.	1-е	множ-у	кур-ю	дар-ю	по-ю
	2-е	множ-*и*-шь	кур-*и*-шь	дар-*и*-шь	по-*и*-шь
	3-е	множ-*и*-тъ	кур-*и*-тъ	дар-*и*-тъ	по-*и*-тъ
Множественное число.	1-е	множ-*и*-мъ	кур-*и*-мъ	дар-*и*-мъ	по-*и*-мъ
	2-е	множ-*и*-те	кур-*и*-те	дар-*и*-те	по-*и*-те
	3-е	множ-*атъ*	кур-*ятъ*	дар-*ятъ*	по-*ятъ*

Примѣчаніе 2. Глаголы, оканчивающіеся возвратнымъ мѣстоименіемъ *ся*, ставятъ его на концѣ позади флексій, напр.

Единственное число.	1-е	одѣва-ю-сь	мол-ю-ся	стара-ю-сь
	2-е	одѣва-ешь-ся	мол-ишь-ся	стара-ешь-ся
	3-е	одѣва-ет-ся	мол-ит-ся	стара-ет-ся
Множественное число.	1-е	одѣва-ем-ся	мол-им-ся	стара-ем-ся
	2-е	одѣва-ете-ся	мол-ите-ся	стара-ете-ся
	3-е	одѣва-ют-ся	мол-ят-ся	стара-ют-ся.

б) *Повелительное наклоненіе.*

Флексія повелительнаго наклоненія для всѣхъ трехъ лицъ единственнаго числа есть *и*, когда удареніе въ глаголѣ ставится на концѣ, напр.

Единственное число.	1-е	скаж-*и* я	ид-*и* я	нес-*и* я
	2-е	скаж-*и* ты	ид-*и* ты	нес-*и* ты
	3-е	скаж-*и* онъ	ид-*и* онъ	нес-*и* онъ;

если же удареніе стоитъ не на концѣ, тогда *и* измѣняется въ *ь*, напр.

Единственное число.	1-е	сяд-*ь* я	стан-*ь* я	удар-*ь* я
	2-е	сяд-*ь* ты	стан-*ь* ты	удар-*ь* ты
	3-е	сяд-*ь* онъ	стан-*ь* онъ	удар-*ь* онъ.

Флексію *и* и *ь* принимаютъ: а) всѣ глаголы втораго спряженія, напр. жен-*и*, дорож-*и*, кур-*и*, масл-*и*, караул-*ь*, дурач-*ь*, горлан-*ь*, буян-*ь*, первообразные б) напр. жг-*и*, леж-*и*, ляж-*ь* и ляг-*ъ*, клад-*и*, ид-*и*, пряд-*и*, мет-*и*, сид-*и* и сяд-*ь*, буд-*ь*, и имѣющіе глагольную примѣту *ну*, напр. пугн-*и*, крикн-*и*, стукн-*и*, кин-*ь*, плюн-*ь*, глян-*ь*.

Глаголы же перваго спряженія, имѣющіе глагольныя примѣты: *а*, *я*, *ѣ*, перемѣняютъ *и* на *й*, напр. да-*й*, зна-*й*, вѣда-*й*, чита-*й*, слуша-*й*, получа-*й*, мѣня-*й*, гуля-*й*, гоня-*й*, валя-*й*, зія-*й*, швыря-*й*, бѣлѣ-*й*, жирѣ-*й*, имѣ-*й*, краснѣ-*й*, говѣ-*й*, худѣ-*й*, яснѣ-*й*.

Для перваго лица множественнаго числа берется первое лице будущаго или настоящаго времени и флексія *те*, напр.

Множеств. число 1-е скажем-*те*, пойдем-*те*, поглядим-*те*.

Для втораго лица множественнаго числа берется та же флексія *те*, которая прибавляется къ единственному числу повелительнаго же наклоненія, напр.

Множеств. число 2-е пиши-*те*, учи-*те*, читай-*те*, брось-*те*, кинь-*те*, сядь-*те*, лягь-*те*.

Для третьяго лица множественнаго числа берется союзъ *пусть* или *пускай* и 3-е лице множественнаго числа настоящаго или будущаго времени, напр. *пусть читаютъ*, *пускай говорятъ*, *пусть скажутъ*, *пускай спросятъ*.

Проспрягаемъ же нѣсколько глаголовъ въ повелительномъ наклоненіи:

1) брес(д)-ти, 2) вез-ти, 3) зна-ть, 4) алѣть, 5) мири-ть.

Ед. ч.	1-е бред-*и*	вез-*и*	зна-*й*	алѣ-*й*	мир-*и*
	2-е бред-*и*	вез-*и*	зна-*й*	алѣ-*й*	мир-*и*
	3-е бред-*и*	вез-*и*	зна-*й*	алѣ-*й*	мир-*и*
Мн. ч.	1-е побредем-*те*	повезем-*те*	узнаем-*те*	поалѣем-*те*	помирим-*те*
	2-е бреди-*те*	вези-*те*	знай-*те*	алѣй-*те*	мири-*те*
	3-е *пусть* бредутъ	*пусть* везутъ	*пусть* узнаютъ	*пусть* алѣютъ	*пусть* мирятъ

Примѣчаніе 3, Такъ какъ спряженіе страдательнаго залога есть *описательное*, то поэтому оно относится не къ этимологіи, а болѣе къ синтаксису.

2) Имя Существительное.

Имя существительное и мѣстоименіе существительное находятся въ разномъ отношеніи къ другимъ частямъ предложенія т. е. они бываютъ: а) или подлежащими, напр. *я* пишу, *ученикъ* читаетъ, б) или дополненіемъ, напр. *меня* хвалятъ, читаю *книгу*, в) или опредѣленіемъ, напр. книга *ученика*, перо *его*, г) или обстоятельствомъ, напр. *утромъ* разсвѣтаетъ. Это разное отношеніе именъ существительныхъ и мѣстоименій существительныхъ въ рѣчи и называется въ грамматикѣ *склоненіемъ*, потому что эти части рѣчи посредствомъ флексій склонны выражать разныя отношенія. Но такъ какъ эти отношенія весьма разнообразны, то въ грамматикѣ ихъ упростили и подвели подъ слѣдующіе семь отдѣловъ, которые назвали *падежами*: *1) Именительный* падежъ, напр. *столъ*, потому что называется или именуется только предметъ или лице; *2) Звательный*, напр. *дѣти*! учитесь, потому что обращаются и называютъ лице или предметъ; *3) Родительный*, напр. ребенокъ испугался *грома*, потому что *грома* есть источникъ или родитель испуга; *4) Дательный*, напр, отецъ пишетъ *сыну* письмо, потому что *сыну* есть то лице, которому даютъ что нибудь или приписываютъ; *5) Винительный*, напр. отецъ любитъ *сына*, потому что *сына* есть причина или вина любви отца; *6) Творительный*, напр. плотникъ рубитъ *топоромъ*, потому что *топоромъ* есть орудіе, посредствомъ котораго что нибудь творится; *7) Предложный*, напр. птица сидитъ *въ клѣткѣ*, потому что передъ словомъ *клѣткѣ* поставленъ предлогъ *въ*; этотъ падежъ еще называется *Мѣстнымъ*, потому что имъ означается обстоятельство мѣста; въ старину онъ употреблялся безъ предлога, напр. *Кіевѣ*, *Новѣ-городѣ* вмѣсто *въ Кіевѣ*, *въ Новѣ-городѣ*.

Чтобы легче узнавать, какое отношеніе въ рѣчи показываютъ имена существительныя т. е. въ какомъ падежѣ они по-

ставлены, нужно знать, на какіе вопросы ставится каждый падежъ.

1. Именительный	на вопросы	кто? что?—сынъ, садъ.
2. Звательный		
3. Родительный		кого? чего?—сына, сада.
4. Дательный		кому? чему?—сыну, саду.
5. Винительный		кого? что?—сына, садъ.
6. Творительный		кѣмъ? чѣмъ?—сыномъ, садомъ.
7. Предложный		о комъ? о чемъ?— при сы- въ комъ? въ чемъ?— нѣ, въ при комъ? при чемъ?— саду.

Но такъ какъ каждый падежъ выражается особенной флексіей, то еще можно узнавать падежи по флексіямъ, напр.

	муж. род.	жен. род.	сред. род.
И и З.	человѣк-*ъ*	жен-*а*	окн-*о*
Р.	человѣк-*а*	жен-*ы*	окн-*а*
Д.	человѣк-*у*	жен-*ѣ*	окн-*у*
В.	человѣк-*а*	жен-*у*	окн-*о*
Т.	человѣк-*омъ*	жен-*ою*	окн-*омъ*
П.	о человѣк-*ѣ*	о жен-*ѣ*	объ окн-*ѣ*

Далѣе. Такъ какъ предметъ или лице можетъ быть одинъ или много, поэтому и чиселъ два: 1) Единственное и 2) Множественное. Каждое изъ чиселъ имѣетъ свои флексіи, напр.

Единственное число.

	муж. род.	жен. род.	сред. род.
И и З.	раб-*ъ*	сестр-*а*	тѣл-*о*
Р.	раб-*а*	сестр-*ы*	тѣл-*а*
Д.	раб-*у*	сестр-*ѣ*	тѣл-*у*
В.	раб-*а*	сестр-*у*	тѣл-*о*
Т.	раб-*омъ*	сестр-*ою*	тѣл-*омъ*
П.	о раб-*ѣ*	о сестр-*ѣ*	о тѣл-*ѣ*

Множественное число

И и З.	раб-*ы*	сестр-*ы*	тѣл-*а*
Р.	раб-*овъ*	сестер-*ъ*	тѣл-*ъ*
Д.	раб-*амъ*	сестр-*амъ*	тѣл-*амъ*
В.	раб-*овъ*	сестер-*ъ*	тѣл-*а*
Т.	раб-*ами*	сестр-*ами*	тѣл-*ами*
П.	о раб-*ахъ*	о сестр-*ахъ*	о тѣл-*ахъ*.

Такъ какъ флексіи именъ мужескаго и средняго рода въ обоихъ числахъ сходны между собою за весьма небольшими исключеніями, то они образуютъ свое склоненіе — *первое*; а такъ какъ имена женскаго рода имѣютъ свои особенныя флексіи, отличающіяся отъ именъ мужескаго и средняго рода, то поэтому образуютъ свое склоненіе—*второе*.

Въ приведенныхъ примѣрахъ склоненія именъ мужескаго и средняго рода сравните флексіи того и другаго рода.

а) ПЕРВОЕ СКЛОНЕНІЕ.

Единственное число.

	мужескаго рода		средняго рода.	
И и З.	стол-*ъ*	корен-*ь*	сѣдл-*о*	мор-*е*
Р.	стол-*а*	корн-*я*	сѣдл-*а*	мор-*я*
Д.	стол-*у*	корн-*ю*	сѣдл-*у*	мор-*ю*
В.	как именительный падежъ			
Т.	стол-*омъ*	корн-*емъ*	сѣдл-*омъ*	мор-*емъ*
П.	на стол-*ѣ*	въ корн-*ѣ*	на сѣдл-*ѣ*	на мор-*ѣ*.

Множественное число.

	мужескаго рода		средняго рода.	
И и З.	стол-*ы*	корн-*и*	сѣдл-*а*	мор-*я*
Р.	стол-*овъ*	корн-*ей*	сѣдел-*ъ*	мор-*ей*
Д.	стол-*амъ*	корн-*ямъ*	сѣдл-*амъ*	моря-*ямъ*
В.	стол-*ы*	корн-*и*	сѣдл-*а*	мор-*я*
Т.	стол-*ами*	корн-*ями*	сѣдл-*ами*	мор-*ями*
П.	на стол-*ахъ*	о корн-*яхъ*	на сѣдл-*ахъ*	на мор-*яхъ*

б) ВТОРОЕ СКЛОНЕНІЕ

Въ приведенныхъ примѣрахъ склоненія именъ мужескаго и женскаго рода найдите различіе во флексіяхъ того и другаго рода.

Единственное число

	мужескій родъ			женскій родъ		
И и З.	пол-*ъ*,	сара-*й*,	кон-*ь*	волн-*а*,	скамь-*я*,	двер-*ь*
Р.	пол-*а*	сара-*я*	кон-*я*	волн-*ы*	скамь-*и*,	двер-*и*
Д.	пол-*у*	сара-*ю*	кон-*ю*	волн-*ѣ*	скамь-*ѣ*	двер-*и*

В.	пол-*ъ*	сара-*й*	кон-*я*	волн-*у*	скамь-*ю*	двер-*ь*
Т.	пол-*омъ*	сара-*емъ*	кон-*емъ*	волн-*ою*	скамь-*ею*	двер-*ью*
П.	о пол-*ѣ*	въ сара-*ѣ*	на кон-*ѣ*	въ волн-*ѣ*	на скамь-*ѣ*	на двер-*и*

Множественное число.

	мужескій родъ			женскій родъ		
И и З.	пол-*ы*	сара-*и*	кон-*и*	волн-*ы*	скамь-*и*	двер-*и*
Р.	пол-*овъ*	сара-*евъ*	кон-*ей*	волн-*ъ*	скам-*ей*	двер-*ей*
Д.	пол-*амъ*	сара-*ямъ*	кон-*ямъ*	волн-*амъ*	скамь-*ямъ*	двер-*ямъ*
В.	пол-*ы*	сара-*и*	кон-*ей*	волн-*ы*	скамь-*и*	двер-*и*
Т.	пол-*ами*	сара-*ями*	кон-*ями*	волн-*ами*	скамь-*ями*	двер-*ями*
П.	на пол-*ахъ*	въ сара-*яхъ*	на кон-*яхъ*	въ волн-*ахъ*	на скамь-*яхъ*	при двер-*яхъ*

Кромѣ того есть имена существительныя, которыя склоняются по первому склоненію и по второму. Эти имена называются *разносклоняемыми*. Къ нимъ принадлежатъ: *путь*, имена средняго на *мя*, напр. *имя*, *знамя* и т. д. и *дитя*.

Единственное число.

И и З.	пут-*ь*	им-*я*	знам-*я*	дит-*я*
Р.	пут-*и*	им-ен-*и*	знам-ен-*и*	дит-ят-*и*
Д.	пут-*и*	им-ен-*и*	знам-ен-*и*	дит-ят-*и*
В.	пут-*ь*	им-*я*	знам-*я*	дит-*я*
Т.	пут-*емъ*	им-ен-*емъ*	знам-ен-*емъ*	дит-ят-*ею*
П.	на пут-*и*	о им-ен-*и*	на знам-ен-*и*	о дит-ят-*и*.

Множественное число.

И. и з	пут-*и*	имен-*а*	знам-ен-*а*	дѣт-*и*
Р.	пут-ей	им-ен-*ъ*	знам-ен-*ъ*	дѣт-*ей*
Д.	пут-*ямъ*	им-ен *амъ*	знам-ен-*амъ*	дѣт-*ямъ*
В.	пут-*и*	им-ен-*а*	знам-ен-*а*	дѣт-*ей*
Т.	пут-*ями*	им-ен-*ами*	знам-ен-*ами*	дѣт-*ьми*
П.	на пут-*яхъ*	о им-ен-*ахъ*	на знам-ен-*ахъ*	о дѣтяхъ

ЗАМѢЧАНІЯ къ 1-му СКЛОНЕНІЮ.

а) *Единственное число.*

1) *Звательный падежъ.* Звательный падежъ въ именахъ: *Богъ* и *Господь* имѣетъ флексіи церковно-славянскаго языка: Бож-*е*! Господ-*и*!

2) *Родительный падежъ.* Нѣкоторыя имена мужескаго рода вмѣсто *а* и *я* имѣюуъ *у* и *ю*, напр. изъ лѣс-*у*, фунтъ ча-*ю*, сахар-*у* и т. д.

3) *Винительный падежъ.* Имена мужескаго рода одушевленныхъ предметовъ въ винительномъ падежѣ сходны съ родительнымъ, напр. человѣк-*а*, сын-*а*, отц-*а*, брат-*а*, дѣд-*а*.

Предложный падежъ. Нѣкоторыя имена мужескаго рода имѣютъ въ предложномъ падежѣ *у* вмѣсто *ѣ*, напр. во рт-*у*, въ угл-*у*, въ сад-*у*, въ бок-*у*.

б) *Множественное число.*

1) *Именительный падежъ.* а) Многія имена мужескаго рода имѣютъ двоякое окончаніе въ именительномъ падежѣ *а* и *ы*, *я* и *и*, придавая этимъ двоякое значеніе слову, напр. лист-*ы* и лист-*ья*, мѣх-*и* и мѣх-*а*, хлѣб-*ы* и хлѣб-*а*, сын-*ы* и синов-*ья*, ббраз-*ы* и образ-*а*. Отъ этихъ именъ должно отличать имена собирательныя средняго рода, напр. дерев-*ья*, угол-*ья*, корен-*ья*, которыя имѣютъ им. пад. дерев-*ье*, угол-*ье*, корен-*ье*, а не дерев-*о*, угол-*ь*, корен-*ь*.

б) Имена мужескаго рода на *енокъ*, напр. жереб-*енокъ*, тел-*енокъ*, цыпл-*енокъ*, медвѣж-*енокъ*, имѣютъ *ята* и *ата*: жереб-*ята*, тел-*ята*, цыпл-*ята*, медвѣж-*ата*.

в) Имена мужескаго рода на *анинъ* и *янинъ* отбрасываютъ эту мѣстоименную подставку (инъ) и принимаюуъ *е* или *ы* и *а*, бар-*инъ* — бар-*а*, господ-*инъ*, господ-*а*, тата-*ринъ* — татар-*ы*, славян-*инъ* — славян-*е*, христіан-*инъ* — христіан-*е*, мѣщан-*инъ* — мѣщан-*е*.

г) Многія имена средняго рода имѣютъ *ы* и *и* вмѣсто *а* и *я*, напр. очк-*о* — очк-*и*, ушк-*о* — ушк-*и*, ух-*о* — уш-*и*, ок-*о* — оч-*и*, яблок-*о* — яблок-*и*, колѣн-*о* — колѣн-*и*, плеч-*о* — плеч-*и*.

д) Имена средняго рода *небо* и *чудо* имѣютъ наращеніе *ес* во всѣхъ падежахъ множественнаго числа, напр. неб-*ес*-а, чуд-ес-*а*, неб-*ес*-ъ, чуд-*ес*-ъ и т. д.

2) *Родительный падежъ.* Нѣкоторыя имена мужескаго рода въ родительномъ бываютъ сходны съ именительнымъ единственнаго, напр. человѣкъ — человѣк-*ъ*, солдатъ — солдат-*ъ*, разъ — раз-*ъ*, глазъ — глаз-*ъ*, пуд-ъ — пуд-*ъ*.

3) *Винительный падежъ.* Имена одушевленныя въ винительномъ падежѣ бываютъ сходны съ родительнымъ множественнаго же числа, напр. *отцевъ, сыновъ, братьевъ* и т. д.

Примѣчаніе I. а) Винительный падежъ одушевленныхъ предметовъ, какъ единственнаго, такъ и множественнаго числа, бываетъ сходенъ и съ именительнымъ, напр. *за мужъ* вмѣсто *за мужа, въ офицеры* вмѣсто *въ офицеровъ, въ солдаты* вмѣсто *въ солдатъ, въ студенты* вмѣсто *въ студентовъ.*

б) *Дательный падежъ* единственнаго и множественнаго числа церковно-славянскаго языка сохранился въ слѣдующихъ нарѣчіяхъ: дом-*ой*, дол-ой по дѣл-*омъ.*

в) *Творительный падежъ* множественнаго числа церковно-славянскаао языка на *и* и *ы* вмѣсто *ами* и *ями* сохранился въ народномъ языкѣ — въ пѣсняхъ, пословицахъ, поговоркахъ, напр. глаз-*ы* (вмѣсто *ами*) пива не выпить; мухи съ обух-*и* (*ами*), сверчки съ лучк-*и* (*ами*), комары съ топор-*ы* (*ами*), тараканы съ самопал-*ы* (*ами*).

Изъ Былины объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ.

Втапоры владыка Черниговскій
Велѣлъ захватить корабли
Съ тѣми товар-*ы* (*ами*) заморскими.

Изъ Былины объ Ильѣ Муромцѣ.

А и тутъ ея девять сыновей закорилися,
Хочутъ обернуться черными воронами
Со тѣми нос-*ы* (*ами*) желѣзными.

Изъ Былины о Добрынѣ Никитичѣ:

На то-то Добрынюшка не робокъ былъ,
Бросаетъ шляпу земли греческой
Съ тѣми песк-*и* (*ами*) желтыми
Ко лютому змѣю горыничщу.

Изъ Былины о Василѣ Буслаевѣ:

А и мужики новогородскіе догадалися;
Пошли они съ дорогими подарк-и(*ами*)
Къ матерой вдовѣ Амелфѣ Тимофеевнѣ.

—

Затворяла дверьми желѣзными,
Запирала замк-*и* (*ами*) булатными,
А и бьюся я о великъ закладъ
Со мужик-*и* (*ами*) Новгородскими.

ЗАМѢЧАНІЯ ко 2-му СКЛОНЕНІЮ.

а) Имена: *мать* и *дочь* въ остальныхъ падежахъ принимаютъ подставку *ер*, напр. мат-*ер*-и, мат-*ер*-ямъ, доч-*ер*-ямъ. Впрочемъ слово *мать* и въ именительномъ падежѣ единственнаго числа имѣетъ эту подставку, напр. *Божія мат-ерь.*

б) Дательный и предложный падежи единственнаго числа имѣютъ *и* при именительномъ на *ь* напр. басн-*ь* — басн-*и*, о басн-*и*, пѣсн-*ь* — пѣсн-*и*, о пѣсн-и; если же именительный единственнаго числа кончится на *я*, то въ этихъ падежахъ бываетъ *ѣ*, напр. басн-*я* — басн-*ѣ*, о басн-*ѣ*; пѣсн-*я* — пѣсн-*ѣ*, о пѣсн-*ѣ*.

в) Родительный падежъ множественнаго числа въ именахъ, оканчивающихся на *ня*, имѣетъ: 1) или-*ъ*, напр, спален-*ъ*, пѣсен-*ъ*, башен-*ъ*; 2) или *ь*, напр. деревен-*ь*, заутрен-*ь*; 3) или *ей*, напр. степен-*ей*. Слово *сажень* имѣетъ всѣ три окончанія: сажен-*ъ*, сажен-*ь*, сажен-*ей*.

г) По второму склоненію измѣняются также имена мужескаго и общаго рода на *а* и *я* напр. юнош-*а*, дяд-*я*, судь-*я*, сирот-*а*, ханж-*а*, сон-*я*.

—

Нѣкоторыя имена имѣютъ одно единственное число, напр. *морковь, земляника, золото, серебро, молоко, мѣдь.*

Большая часть изъ нихъ суть имена отвлеченныя, напр. *горе, веселье, прилежаніе, лѣность, поведеніе, небрежность* и пр.

Нѣкоторыя имена имѣютъ только одно множественное число, напр. *крестины, похороны, именины, смотрины, будни, сливки, ножницы, пяльцы.*

Нѣкоторыя имена въ единственномъ числѣ имѣютъ одно значеніе, а во множественномъ числѣ другое, напр. *молоко* и *молóки, икра* и *икры, мощь* и *мощи, деньга* и *дéньги, сѣнь* и *сѣни, часъ* и *часы.*

Имена существительныя, не имѣющія единственнаго числа, бываютъ: 1) мужескаго рода, когда кончатся въ именительномъ на *ы* или *и*, а въ родительномъ на *овъ* или *евъ*, напр. *квасц-ы* — *квас-цовъ*, *обо-и* — *обо-евъ*, *покои* — *покоевъ*;

2) женскаго рода, когда кончатся въ именительномъ на *ы* или *и*, а въ родительномъ на *ъ* или *ей*, напр. сливк-*и* — сли-вок-*ъ*, сумерк-*и* — сумерек-*ъ*, сутк-*и* — суток-*ъ*, сан-*и* — сан-*ей*, пошевн-*и* — пошевн-*ей*, отруб-*и* — отруб-*ей*;

3) Средняго рода, когда кончатся въ именительномъ на *а*, а въ родительномъ на *ъ*, напр. уст-*а* — уст-*ъ*, ворот-*а* — ворот-*ъ*, дров-*а* — дров-*ъ*, чернил-*а* — чернил-*ъ*, бѣлил-*а* — бѣлил-*ъ*.

Слова сложныя.

1) Собственно сложныя слова измѣняютъ только послѣднее слово, напр. земледѣліе, пароходъ, пивоварня — земледѣлі-*я*, пароход-*а*, пивоварн-*и*. 2) Несобственно сложныя или составныя слова часто измѣняютъ оба слова, напр. Новъ-городъ, Бѣло-озеро, хлѣбъ-соль — Нов-*а*-город-*а*, Бѣл-*а*-озер-*а*, хлѣб-*а*-сол-*и*.

Сложныя слова съ *пол* въ прочихъ падежахъ имѣютъ *полу*, напр. пол-день, пол-ночь — пол-*у*-дня, пол-*у*-ночи.

Иностранныя слова.

Иностранныя слова, принявшія русскія окончанія, измѣняются подобно нашимъ именамъ, напр. *икона*, *лампада*, *герой*, *Парижъ*, *Константинополь*, *Римъ*, *Венеція*. Слова же, оканчивающіяся на *о*, *е*, *и*, *у*, не измѣняются напр. *Данте*, *Депре*, *По*, *Корфу*, *колибри*, *рагу*, *пальто*, *депо*, *бюро*, *каре*.

3 МѢСТОИМЕНІЕ.

Мѣстоименія личныя и возвратное *ся* склоняются слѣдующимъ образомъ:

Единственное число.

	Мѣстоименія личныя		м. р.	ж. р.	ср. р.	Возвратное мѣстоименіе
И.	я,	ты,	онъ,	она,	оно,	—
Р.	меня,	тебя,	его,	ея,	его,	себя

Д.	мнѣ,	тебѣ,	ему,	ей,	ему,	себѣ
В.	меня,	тебя,	его,	ее,	его,	себя
Т.	мною(й),	тобою(й),	имъ,	ей,	имъ,	собою(й)
П.	о мнѣ,	о тебѣ,	о немъ,	о ней,	о немъ,	о себѣ.

Множественное число.

			м. р	ж. р.	ср. р.	
И.	мы	вы	они	онѣ	они,	*точно*
Р.	насъ	васъ	ихъ	—	—	*также,*
Д.	намъ	вамъ	имъ	—	—	*какъ въ*
В.	насъ	васъ	ихъ	—	—	*единст-*
Т.	нами	вами	ими	—	—	*венномъ*
П.	о насъ	о васъ	о нихъ	—	—	*числѣ.*

Всѣ же прочія мѣстоименія къ своимъ корнямъ присоединяютъ для склоненія *онъ*, *она*, *оно*, (и, ю, іе) слѣдующимъ образомъ:

а) ВОПРОСИТЕЛЬНЫЯ.

Единственное число.

			муж.	жен.	ср.	муж.	жен.	ср.
И.	к-то	ч-то	ко-й	ко-я	ко-е	че-й	чь-я	чь-е
Р.	к-ого	ч-его	ко-его	ко-ея	ко-его	чь-его	чь-ей	чь-его
Д.	к-ому	ч-ему	ко-ему	ко-ей	ко-ему	чь-ему	чь-ей	чь-ему
В.	к-ого	ч-то	ко-его	ко-ю	ко-е	че-й	чь-ю	чь-е
Т.	к-ѣмъ	ч-ѣмъ	ко-имъ	ко-ей	ко-имъ	чь-имъ	чь-ей	чь-имъ
П.	о к-омъ	о ч-емъ	о ко-емъ	о ко-ей	о ко-емъ	о чь-емъ	о чь-ей	о чь-емъ.

Множественное число.

И.	ко-и	чь-и
Р.	ко-ихъ	чь-ихъ
Д.	ко-имъ	чь-имъ
В.	(ко-и (ко-ихъ	(чь-ихъ (чь-и
Т.	ко-ими	чь-ими
П.	о ко-ихъ	о чь-ихъ

б) УКАЗАТЕЛЬНЫЯ.

Единственное число.

	м. р.	с. р.	ж. р.	м. р.	ср. р.	ж. р.	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	тотъ	то	та	этотъ	это	эта	сей	сіе	сія
Р.	т-ого	—	т-ой	эт-ого	—	эт-ой	с-его	—	с-ей
Д.	т-ому	—	т-ой	эт-ому	—	эт-ой	с-ему	—	с-ей
В.	тотъ / т-ого	т-о	т-у	это-тъ / эт-ого	эт-о	эт-у	с-его / с-ей	сіе	с-ію
Т.	т-ѣмъ	—	т-ой	эт-имъ	—	эт-ой	с-имъ	—	с-ей
П.	о т-омъ	—	о то-й	объ эт-омъ	—	объ эт-ой	о с-емъ	—	о с-ей

Множественное число.

Для всѣхъ трехъ родовъ

И.	т-ѣ	—	—	эт-и	—	сі-и
Р.	т-ѣхъ	—	—	эт-ихъ	—	с-ихъ
Д.	т-ѣмъ	—	—	эт-имъ	—	с-имъ
В.	т-ѣ	—	—	эт-и	—	с-іи
Т.	т-ѣми	—	—	эт-ими	—	с-ими
П.	о-тѣхъ	—	—	объ эт-ихъ	—	о с-ихъ.

в) ОПРЕДѢЛИТЕЛЬНЫЯ.

Единственное число.

	муж.	ср.	жен.	мж.	ср.	жен.	муж.	ср.	жен.
И.	вес-ь	вс-е	вс-я	сам-ъ	о	а	самый	ое	ая
Р.	вс-его	—	вс-ей	сам-ого	—	сам-ой	сам-аго	—	сам-ой
Д.	вс-ему	—	вс-ей	сам-ому	—	сам-ой	сам-ому	—	сам-ой
В.	вс-его / вес-ь	вс-е	вс-ю	сам-ого / сам-ъ	сам-о	сам-у	сам-аго / сам-ый	сам-ое	саму-ю
Т.	вс-ѣмъ	—	вс-ей	сам-имъ	—	сам-ой	сам-ымъ	—	сам-ой
П.	обо вс-емъ	—	обо вс-ей	о сам-омъ	—	о сам-ой	о сам-омъ	—	о сам-ой

Множественное число.

	м. ж. с.	м. ж. с.	м. р.	ж. р.	ср. р.
И.	вс-ѣ	сам-и	сам-ые	сам-ыя	сам-ыя
Р.	вс-ѣхъ	сам-ихъ	сам-ыхъ	—	—
Д.	вс-ѣмъ	сам-имъ	сам-ымъ	—	—
В.	всѣ и вс-ѣхъ	сам-ихъ	сам-ые	сам-ыя	сам-ыя

Т.	вс-ѣми	сам-ими	сам-ыми	—	—
П.	о вс-ѣхъ	о сам-ихъ	о сам-ыхъ	—	—

г) ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЯ.

Единственное число.

	муж.	ср.	жен.	м.	с.	ж.	м.	с.	ж.
И.	мой,	мо-е,	моя.	тво-й,	тво-е,	тво-я,	свой,	сво-е,	сво-я
Р.	мо-его,	—	мо-ей	тво-его	—	тво-ей	сво-его	—	сво-ей
Д.	мо-ему,	—	мо-ей	тво-ему	—	тво-ей	сво-ему	—	сво-ей
В.	мо-й / мо-его	мо-е	моею	тво-й, / тво-его,	тво-е	тво-ю	сво-й / сво-его	сво-е,	сво-ю
Т.	мо-имъ,	—	мо-ею(й)	тво-имъ	—	твое-ю(й)	сво-имъ	—	сво-ею(й)
П.	о мо-емъ	—	о мо-ей	о тво-емъ	—	о тво-ей	о сво-емъ	—	о сво-ей

Множественное число.

Для всѣхъ трехъ родовъ одни окончанія

И.	мо-и	тво-и	сво-и
Р.	мо-ихъ	тво-ихъ	сво-ихъ
Д.	мо-имъ	тво-имъ	сво-имъ
В.	мо-и	тво-и	сво-и
Т.	мо-ими	тво-ими	сво-ими
П.	о мо-ихъ	о тво-ихъ	о сво-ихъ

Единственное число

	м. р.	ср. р.	ж. р.	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	наш-ъ,	наш-е	наш-а,	ваш-ъ,	ваш-е,	ваш-а
Р.	наш-его	—	наш-ей,	ваш-его	—	ваш-ей
Д.	наш-ему	—	наш-ей,	ваш-ему	—	ваш-ей
В.	наш-его / наш-ъ	наш-е	наш-у,	ваш-ъ / ваш-его	ваш-е	ваш-у
Т.	наш-имъ	—	наш-ей	ваш-имъ	—	ваш-ей
П.	о наш-емъ	—	о наш-ей,	о ваш-емъ	—	о ваш-ей

Множественное число.

Для всѣхъ трехъ родовъ.

И.	наш-и	ваш-и
Р.	наш-ихъ	ваш-ихъ.
Д.	наш-имъ	ваш-имъ.

В.	наш-и наш-ихъ	ваш-и ваш-ихъ
Т.	наш-ими	ваши-ми
П.	о наш-ихъ	о ваш-ихъ

д) ОТНОСИТЕЛЬНЫЯ.

Единственное число.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	как-ой,	как-ое,	как-ая,	котор-ый,	котор-ое	котор-ая,
Р.	как-ого,	—	как-ой,	котор-аго,	—	котор-ой,
Д.	как-ому,	—	как-ой,	котор-ому,	—	котор-ой,
В.	как-ой, как-ого,	как-ое,	как-ую,	котор-ый, котор-аго,	которое,	котор-ую,
Т.	как-имъ,	—	как-ой,	котор-ымъ,	—	котор-ой,
П.	о как-омъ,	—	о как-ой,	о котор-омъ.	—	о котор-ой.

Множественное число.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	как-іе,	как-ія	как-ія,	котор-ые,	котор-ыя,	которыя,
Р.	—	как-ихъ,	—	—	котор-ыхъ,	—
Д.	—	как-имъ,	—	—	котор-ымъ,	—
В.	как-іе,	как-ія, какихъ	как-ія,	котор-ые,	котор-ыя, которыхъ	котор-ыя,
Т.	—	как-ими	—	—	котор-ыми,	—
П.	—	о как-ихъ.	—	—	о котор-ыхъ.	—

По образцу *какой* склоняются указательныя *такой*, *этакой*, а по образцу *который* склоняется неопредѣленное *нѣкоторый*.

е) НЕОПРЕДѢЛЕННЫЯ.

Единственное число.

	муж.	ср.	жен.
И.	нѣк-ій,	нѣк-ое,	нѣк-ая,
Р.	нѣко-его,	кѣко-его,	нѣко-ей,
Д.	нѣко-ему,	нѣко-ему,	нѣко-ей,
В.	нѣк-ій, нѣко-его,	нѣко-е,	нѣк-ую,
Т.	нѣкі-имъ,	нѣкі-имъ,	нѣко-ею(й)
П.	о нѣко-емъ.	о нѣко-емъ,	о нѣко-ей.

Множественное число.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	нѣк-іе,	нѣкія,	нѣкія,
Р.		нѣкі-ихъ	
Д.		нѣкі-имъ,	
В	нѣк-іе,	нѣкі-я, нѣкі-ихъ,	нѣк-ія.
Т.		нѣкі-ими	
П.		о нѣкі-ихъ.	

Отрицательныя мѣстоименія: *никто*, *ничто*, *никакой*, склоняются, какъ вопросительныя: *кто*, *что*, *какой*.

4. Имя прилагательное.

Имена прилагательныя, числительныя и причастія никогда въ рѣчи не употребляются отдѣльно, но всегда присоединяются или прилагаются къ имени существительному, съ которымъ согласуются въ родѣ, числѣ и падежѣ. Напр. нельзя сказать: *добрая человѣкъ*, но *добрый человѣкъ*, потому что *добрая* женскаго рода, а *человѣкъ* мужескаго; нельзя сказать: *добрый человѣку*, но *доброму человѣку*, потому что *добрый* именительный падежъ, а *человѣку* дательный падежъ; нельзя сказать: *доброму человѣкамъ*, но *добрымъ человѣкамъ*, потому что *доброму* единственное число, а *человѣкамъ* множественное число. Это согласованіе именъ прилагательныхъ называется также склоненіемъ, потому что они свое согласованіе съ именами существительными выражаютъ *флексіями*. А такъ какъ флексіи *краткихъ* прилагательныхъ отличаются отъ флексій *полныхъ*, то поэтому краткія прилагательныя образовали свое склоненіе *первое*, а полныя образовали свое *второе*.

А) ПЕРВОЕ СКЛОНЕНІЕ.

Прилагательныя краткія прежде имѣли тѣже флексіи (кромѣ творительнаго падежа), которыя и имена существительныя, къ которымъ они присоединялись. Это особенно видно изъ склоненія сложныхъ словъ, напр.

Единственное число.

	муж. р.	жен. р.	ср. р.
И. и З.	Нов-*ъ*-город-*ъ*,	четь-*я*-мине-*я*	Бѣл-*о*-озер-*о*,
Р.	Нов-*а*-город-*а*,	четь-*и*-мине-*и*,	Бѣл-*а*-озер-а,
Д.	Нов-*у*-город-*у*,	четь-*и*-мине-*и*,	Бѣл-*у*-озер-*у*,
В.	Нов-*ъ*-город-*ъ*,	четь-*ю*-мине-*ю*.	Бѣл-*о*-озер-*о*,
Т.	Нов-*ымъ*-город-*омъ*,	четь-*ей*-мине-*ей*,	Бѣл-*ымъ*-озер-*омъ*,
П.	въ Нов-*ѣ*-город-*ѣ*,	въ четь-*и*-мине-*и*,	на Бѣл-*ѣ*-озер-*ѣ*.

Во всей же полнотѣ флексіи именъ существительныхъ принимаютъ прилагательныя краткія, употребляемыя въ видѣ именъ существительныхъ, напр.

Единственное число.

	муж. р.	жен. р.	ср. р.
И. и З.	Смоленск-*ъ*,	обѣдн-*я*,	добр-*о*,
Р.	Смоленск-*а*,	обѣдн-*и*,	добр-*а*,
Д.	Смоленск-*у*,	обѣдн-*ѣ*,	добр-*у*,
В.	Смоленск-*ъ*,	обѣдн-*ю*,	добр-*о*,
Т.	Смоленск-*омъ*,	обѣдн-*ей*,	добр-*омъ*,
П.	о Смоленск-*ѣ*,	объ обѣдн-*ѣ*,	о добр-*ѣ*.

Прилагательныя притяжательныя на *ов*, *ев*, *инъ* и *ынъ*, измѣняются слѣдующимъ образомъ:

	Единственное число.			*Множественное число.*
	муж.	ср.	жен.	Для всѣхъ трехъ родовъ.
И. и З.	Иванов-*ъ*,	Иванов-*о*,	Иванов-*а*,	Иванов-*ы*,
Р.	Иванов-*а*,	—	Иванов-*ой*,	Иванов-*ыхъ*,
Д.	Иванов-*у*,	—	Иванов-*ой*.	Иванов-*ымъ*,
В.	(Иванов-*а*, (Иванов-*ъ*,	Иванов-*о*,	Иванов-*у*,	(Иванов-*ыхъ*, (Иванов-*ы*,
Т.	Иванов-*ымъ*,	—	Иванов-*ой*,	Иванов-*ыми*,
П.	объ Иванов-*омъ*,	—	о Иванов-*ой*,	о Иванов-*ыхъ*.

	Единственное число			*Множественное число.*
	муж. р.	ср. р.	жен. р.	для всѣхъ трехъ родовъ.
И. и З.	братнин-*ъ*,	братнин-*о*,	братнин-*а*,	братнин-*ы*,
Р.	братнин-*а*,	—	братнин-*ой*,	братнин-*ыхъ*,
Д.	братнин-*у*,	—	братнин-*ой*,	братнин-*ымъ*,
В.	(братнин-*ъ*, (братнин-*а*,	братнин-*о*,	братнин-*у*,	братнин (*ыхъ*, (*ы*,
Т.	братнин-*ымъ*,	—	братниной,	братнин-*ыми*
П.	о братнин-*омъ*.	—	о братнин-*ой*,	о братнин-*ыхъ*.

Собственныя имена городовъ, селъ и фамилій, образовавшіяся изъ именъ прилагательныхъ, измѣняются точно также, какъ имена притяжательныя, исключая только предложный падежъ, который оканчивается на *ѣ*, напр.

Единственное число.

И. и З.	Пушкин-*ъ*,	Лермонтов-*ъ*,	Черниговъ,	Бородин-*о*,
Р.	Пушкин-*а*,	Лермонтов-*а*,	Чернигов-*а*,	Бородин-*а*,
Д.	Пушкин-*у*,	Лермонтов-*у*,	Чернигов-*у*,	Бородин-*у*,
В.	Пушкин-*а*,	Лермонтов-*а*,	Чернигов-*ъ*,	Бородин-*о*,
Т.	Пушкин-*ымъ*,	Лермонтов-*ымъ*,	Чернигов-*ымъ*,	Бородин-*ымъ*
П.	о Пушкин-*ѣ*.	о Лермонтов-*ѣ*.	о Чернигов-*ѣ*.	о Бородин-*ѣ*.

Имена прилагательныя качественныя краткія теперь употребляются, какъ опредѣленія, только въ народномъ языкѣ, какъ то: въ пѣсняхъ, былинахъ, пословицахъ, поговоркахъ; напр. *красна* дѣвица, по *синю* морю, *удалъ* молодецъ, *чуденъ-дивенъ* крестъ, мать *сыра* земля, *свѣтелъ* мѣсяцъ, *часты* звѣзды. Въ образованномъ же языкѣ прилагательныя краткія бываютъ сказуемыми и ставятся вмѣстѣ съ вспомогательнымъ глаголомъ *быть*, который въ настоящемъ времени часто опускается, напр. *столъ* (есть) *черенъ*, *сахаръ* (есть) *сладокъ*, *ты* (еси) *разговорчивъ*; а такъ какъ подлежащее всегда ставится въ именительномъ падежѣ, то и прилагательное краткое, какъ причастіе спрягательное на *лъ*, ставится всегда въ именительномъ падежѣ, принимая только родовые признаки: для мужскаго рода *ъ* и *ь*, для женскаго рода *а* и *я*, для средняго рода *о* и *е*, напр. *мѣсяцъ свѣтел-ъ*, *звѣзда ясн-а*, *небо пасмурн-о*; во множественномъ же числѣ для всѣхъ трехъ родовъ употребляется *ы* или *и*, напр. *олени смирн-ы*, *овчарки зл-ы*, *дѣти кротк-и*.

Б) ВТОРОЕ СКЛОНЕНІЕ.

Полныя прилагательныя, какъ уже извѣстно, образовались изъ краткихъ посредствомъ присоединенія къ нимъ мѣстоименія: и для мужескаго рода, ѧ для женскаго рода, ѥ для средняго рода, напр. *бѣлъ + и = бѣл-ый, бѣла + я = бѣла-я, бѣло + е = бѣл-ое*, поэтому они и склонялись, какъ имена сложныя, т. е. прилагательное краткое принимало свои флексіи, а мѣстоименіе свои, напр.

Единственное число.

	муж. р.	жен. р.	ср. р.
И.	бѣл-*ъ-и*,	бѣл-*о-е*	бѣл-*а-я*,
Р.	бѣл-*а-его*	—	бѣл-*ы-ей*,
Д.	бѣл-*у-ему*,	—	бѣл-*ы-ей*,
В.	бѣл-*а-его*, / бѣл-*ъ-и*,	бѣл-*о-е*.	бѣл-*у-ю*,
Т.	бѣл-*ымъ-имъ*,	—	бѣл-*ой-ей*,
П.	о бѣл-*ь-емъ*.	—	о бѣл-*ь-ей*.

Множественное число.

	муж. р.	жен. р.	ср. р.
И.	бѣл-*ы-и*,	бѣл-*ы-я*,	бѣл-*ы-я*,
Р.		бѣл-*ы-ихъ*,	
Д.		бѣл-*ы-имъ*,	
В.	Какъ именительный или родительный.		
Т.		бѣл-*ы-ими*,	
П.		о бѣл-*ы-ихъ*.	

Остатки этого стариннаго склоненія сохранились въ церковно-славянскомъ, старинномъ русскомъ и нынѣшнемъ народномъ языкѣ, напр.

Изъ былины объ Ильѣ Муромцѣ.

Во темныхъ лѣсахъ, во Брынск-*іихъ*,
Наѣзжалъ Илья Соловья Разбойника.....

—

Привязалъ Соловья ко той ко лукѣ ко сѣдельн-*ыя*.

Изъ былины объ Алешѣ Поповичѣ.

Не доѣхавши они до Сафатъ рѣки,
Становились на лугахъ на зелен-*ыихъ*.

—

Была коровища старая.
На силу по двору таскалася,
Забилася на поварню къ поварамъ,
Выпила чанъ браги прѣсн-*ыя*.

Изъ Народныхъ пѣсенъ.

Взговорила она съ грусти и со печали,
Со велик-*ія* тоски злой и со кручины.

—

Молода по сѣнямъ шла, по нов-*ыимъ*,
По нов-*ыимъ* шла, тяжело несла.....

—

Съ теченіемъ времени флексіи краткихъ прилагательныхъ слились вмѣстѣ съ мѣстоименіями и такимъ образомъ образовали нынѣ употребляемыя флексіи, напр.

	Единственное число.			*Множествен. число.*	
	муж. р.	ср. р.	жен. р.	муж.	ср. и жен.
И.	славн-*ый*,	славн-*ое*,	славн-*ая*,	славн-*ые*,	славн-*ыя*,
Д.	славн-*аго*,	—	славн-*ой*,	славн-*ыхъ*,	
Р.	славн-*ому*,	—	славн-*ой*,	славн-*ымъ*,	
В.	славн-*аго*, / славн-*ый*,	славн-*ое*,	славн-*ую*,	какъ Имен. или Родит.	
Т.	славн-*ымъ*.	—	славн-*ой*,	славн-*ыми*,	
П.	о славн-*омъ*.	—	о славн-*ой*.	о славн-*ыхъ*.	

Прилагательныя же притяжательныя на *ій, ья, ье*, склоняются слѣдующимъ образомъ:

	Единственное число.			*Множествен. число.*
	муж.	ср.	ж.	для всѣхъ трехъ родовъ.
И.	волч-*ій*,	волч-*ь-е*,	волч-*ь-я*,	волч-*ь-и*.
Д.	волч-*ья-го*,	—	волч-*ь-ей*,	волч-*ь-ихъ*,

Р.	волч-*ь-ему*,	—	волч-*ь-ей*,	волч-*ь-имъ*,
В.	(волч-*і-й*, (волч-*ь-яго*,	(волч-*ь-е*	волч-*ь-ю*,	какъ Им. или Р.
Т.	волч-*ь-имъ*,	—	волч-*ь-ею*,	волч-*ь-ими*,
П.	о волч-*ь-емъ*.	—	о волч-*ь-ей*.	о волч-*ь-ихъ*.

Имена прилагательныя, употребляемыя въ видѣ именъ существительныхъ, напр. *нищій*, *лѣсничій*, причастія и имена числительныя порядковыя склоняются по образцу прилагательныхъ полныхъ, напр.

Единственное число.

	Имя Сущ.	Имя Числит.	Причастіе.
И.	нищ-*ій*,	пят-*ый*,	говорящ-*ій*,
Р.	нищ-*аго*,	пят-*аго*,	говорящ-*аго*,
Д.	нищ-*ему*,	пят-*ому*,	говорящ-*ему*.
В.	нищ-*аго*,	(пят-*аго*, (пят-*ый*,	(говорящ-*аго*, (говорящ-*ій*,
Т.	нищ-*имъ*,	пят-*ымъ*,	говорящ-*имъ*,
П.	о нищ-*емъ*.	о пят-*омъ*.	о говорящ-*емъ*.

Множественное число.

И.	нищ-*іе*,	пят-*ые*, *я*,	говорящ-*іе*, *я*,
Р.	нищ-*ихъ*,	пят-*ыхъ*,	говорящ-*ихъ*,
Д.	нищ-*имъ*,	пят-*ымъ*,	говорящ-*имъ*,
В.	нищ-*ихъ*,	какъ Именит.	или Родит.
Т.	нищ-*ими*,	пят-*ыми*,	говорящ-*ими*,
П.	о нищ-*ихъ*.	о пят-*ыхъ*.	о говорящ-*ихъ*.

5. Имя числительное.

Имена числительныя: *одинъ*, *два*, *три*, *четыре*, склоняются слѣдующимъ образомъ:

	муж.	ср.	жен.	муж. и ср.	жен.
И.	один-*ъ*,	одн-*о*,	одн-*а*,	одн-*и*	одн-*ѣ*,
Р.	одн-*ого*,	—	одн-*ой*,	одн-*ихъ*,	
Д.	одн-*ому*,	—	одн-*ой*,	одн-*имъ*,	

В.	(один-*ъ*, (одн-*ого*,	(одн-*о*, -	одн-*у*,	какъ Имен. или Родит.	
Т.	одн-*имъ*,	—	одн-*ой*,	одн-*ими*,	
П.	объ одн-*омъ*,	=	объ одн-*ой*,	объ одн-*ихъ*.	

Множественное число.

	муж. и ср.	жен.	для всѣхъ трехъ родовъ.	
И.	дв-*а*,	дв-*ѣ*,	тр-*и*,	четыр-*е*,
Р.	дв-*ухъ*,	—	тр-*ехъ*,	четыр-*ехъ*,
Д.	дв-*умъ*,	—	тр-*емъ*,	четыр-*емъ*,
В.	Какъ Именительный	или Родительный.		
Т.	дв-*умя*,	—	тр-*емя*,	четыр-*ьмя*,
П.	о дв-*ухъ*.	—	о тр-*ехъ*.	о четыр-*ехъ*.

Имена количественныя: *пять*, *шесть*, *семь*, *восемь*, *девять*, *десять*, склоняются, какъ имена существительныя женскаго рода на *ь*, напр.

И.	пят-*ь*,	десят-*ь*,	шест-*ь*,	двер-*ь*,
Р.	пят-*и*,	десят-*и*,	шест-*и*,	двер-*и*,
Д.	пят-*и*,	десят-*и*,	шест-*и*,	двер-*и*,
В.	пят-*ь*,	десят-*ь*,	шест-*ь*,	двер-*ь*,
Т.	пят-*ью*,	десят-*ью*,	шест-*ью*,	двер-*ью*,
П.	о пят-*и*.	о десят-*и*.	о шест-*и*.	о двер-*и*.

Количественныя имена, начиная съ *одинадцать* до *тридцать* включительно т. е. всѣ сложныя съ *дцать* (десять), измѣняютъ только *дцать*, какъ имена женскаго рода на *ь*, напр. двадцат-*и*, двадцат-*ью*, двѣнадцат-*и*, двѣнадцат-*ью* и т. д. Количественныя имена: *пятьдесятъ*, *шестьдесятъ*, *семьдесятъ*, *восемьдесятъ*, измѣняютъ оба имени, напр. пяти-*и*-десят-*и*, пят-*ью*-десят-*ью* и т. д.

Количественныя: *сорокъ*, *девяносто*, *сто*, во всѣхъ остальныхъ падежахъ кромѣ винительнаго имѣютъ флексію *а*, напр. сорок-*а* саженъ, сорок-*а* саженямъ, сорок-*а* саженями, о сорок-*а* саженяхъ; ст-*а* рублей, ст-*а* рублямъ, ст-*а* рублями, о ст-*а* рубляхъ. Количественныя имена: *двѣсти*, *триста*, *четыреста*, *пятьсотъ*, *шестьсотъ*, *семьсотъ*, *восемьсотъ*, *девятьсотъ*, измѣняютъ оба имени, напр. пят-*и*-сот-*ъ*, пят-*и*-ст-*амъ*, пят-*ью*-ст-*ами*, о пят-*и*-ст-*ахъ*.

Тысяча склоняется, какъ имя существительное женскаго рода.

Имена числительныя *порядковыя*, о которыхъ было уже сказано, и *собирательныя* склоняются, какъ имена прилагательныя полнаго окончанія, напр.

Множественное число.

И.	дво-*е*,	тро-*е*,	четвер-*о*,	пятер-*о*,
Р.	дво-*ихъ*,	тро-*ихъ*,	четвер-*ыхъ*,	пятер-*ыхъ*,
Д.	дво-*имъ*,	тро-*имъ*,	четвер-*ымъ*,	пятер-*ымъ*,
В.	Какъ именительный или родительный.			
Т.	дво-*ими*,	тро-*ими*,	четвер-*ыми*,	пятер-*ыми*,
П.	о дво-*ихъ*,	о тро-*ихъ*,	о четвер-*ыхъ*,	о пятер-*ыхъ*.

ИЛЬЯДА

или

ПѢСНИ ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ.

(въ XII пѣсняхъ.)

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ

БОГАТЫРЬ КРЕСТЬЯНИНЪ.

ПѢСНЯ I.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СВЯТОГОРЪ БОГАТЫРЬ.

Намъ не жалко пива пьянаго,
Намъ не жалко зелена вина,
Только жалко смиренной бесѣдушки.
Во бесѣдѣ сидятъ люди добрые,
Говорятъ они рѣчи хорошія
Про старое, про бывалое,
Про стараго казака, Илью Муромца.
Во славномъ во городѣ, во Муромѣ,
Во селѣ Карачаровѣ,
Тутъ жилъ-былъ старикъ Иванъ Тимофеичъ;
У нихъ былъ сынъ Илья Муромецъ.
Сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ,
Сиднемъ сидѣлъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ.
Уходилъ государь его батюшка
Со родителемъ, со матушкою,
На работушку на крестьянскую.
Какъ приходили двѣ калики перехожія
Подъ тое окошечко косясчето,
Говорятъ калики таковы слова:

«Ай же ты, Илья Муромецъ,
«Крестьянскій сынъ!
«Отворяй каликамъ ворота широкія,
«Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ.»
Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:
—Ай же вы, калики перехожія!
—Не могу отворить воротъ широкіихъ,
—Сиднемъ сижу цѣло тридцать лѣтъ,
—Не владаю ни руками, ни ногами.—
Опять говорятъ калики перехожія:
«Выставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,
«Отворяй-ка ворота широкія,
«Пускай-то каликъ къ себѣ въ домъ.»
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Отворялъ ворота широкія,
И пускалъ каликъ къ себѣ въ домъ.
Приходили калики перехожія,
Они крестъ кладутъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому,
Наливаютъ чарочку питьица медвянаго,
Подносятъ-то Ильѣ Муромцу.
Какъ выпилъ-то чару питьица медвянаго,
Богатырско его сердце разгорѣлося,
Его бѣлое тѣло распотѣлося,
Воспроговорятъ калики таковы слова:
«Что чувствуешь въ себѣ, Илья?»
Билъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:
— Слышу въ себѣ силушку великую.—
Говорятъ калики перехожія:
«Будешь ты, Илья, великій богатырь,
«И смерть тебѣ на бою не писана:
«Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
«И со всею поленицею удалою;
«А столько не выходи браться
«Съ Святогоромъ богатыремъ:
«Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ;

«Не ходи браться съ Самсономъ богатыремъ:
«У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
«Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
«Его любитъ матушка-сыра земля;
«Не ходи еще на Вольгу Всеславьича:
«Онъ не силою возьметъ,
Такъ хитростію-мудростію.
«Доставай, Илья, коня себѣ богатырскаго,
«Приходи ко мостику калинову,
«Услышишь заржучись жеребчика
«Во тоя конюшинкѣ стоялыя.
«И что крестьянинъ запроситъ за жеребчика,
«Запроситъ за жеребчика пятьсотъ рублей,
«Давай ему пять сотъ рублей;
«А веди жеребчика молодаго,
«И станови во срубъ рубленый,
«И корми пшеной бѣлояровой,
«И пой свѣжей ключевой водой;
«Положи на него золотну узду
«Со тѣми поводамы со шелковыми,
«И води-тко по конюшкѣ стоялыя.
«Когда-то онъ станетъ черезъ тынъ поскакивать,
«Когда станетъ черезъ тынъ поплясывать,
«Станетъ конь головушкой повертывать,
«Станетъ въ лошадиныя въ ноздри онъ пофуркивать;
«И тогда ты сѣдлай-ко добра коня,
«И полагай на него доспѣхи крѣпкіе,
«Поѣзжай-ко ты въ раздольице чисто поле,
«Ѣзди ты по матушкѣ, по святой Руси,
«Тогда, добрый молодецъ, прославишься
«И будешь сильный богатырь свято-русскій.»
Тутъ калики потерялися.
Пошелъ Илья ко родителю ко батюшкѣ
На тую на работу на крестьянскую,
Очистить надо полъ отъ дубья-колодья:
Онъ дубье-колодье все повырубилъ,

Въ глубоку рѣку повыгрузилъ,
А самъ и пошелъ домой.
Выстали отецъ съ матерью отъ крѣпкаго сна — испужалися:
«Что это за чудо подѣялось?
«Кто бы намъ это сработалъ работушку?»
Работа-то была подѣлана,
И пошли они домой.
Какъ пришли домой, видятъ:
Илья Муромецъ ходитъ по избѣ.
Стали его спрашивать,
Какъ онъ выздоровѣлъ.
Илья и разсказалъ имъ,
Какъ приходили калики перехожія,
Поили его питьицемъ медвянымъ:
И съ того онъ сталъ владать руками и ногами,
И силушку получилъ великую.
Пошелъ Илья въ раздольице чисто поле,
Видитъ: мужикъ ведетъ жеребчика немудраго,
Бураго жеребчика косматенькаго.
Покупалъ Илья того жеребчика,
Что запросилъ мужикъ, то и далъ;
Становилъ жеребчика въ срубъ на три мѣсяца,
Кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ,
Поилъ свѣжей ключевой водой;
И прошло поры времени три мѣсяца,
Сталъ Илья жеребчика по три ночи
Въ три росы его выкатывалъ,
Подводилъ ко тыну ко высокому,
И сталъ бурушко черезъ тынъ перескакивать,
И въ ту сторону и въ другую сторону.
Тутъ Илья Муромецъ
Сѣдлалъ добра коня, зауздывалъ,
Бралъ у батюшки, у матушки
Проценьице — благословеньице,
И поѣхалъ въ раздольице чисто поле,

Наѣхалъ Илья въ чистомъ полѣ
На шатеръ бѣлополотняный,
Стоитъ шатеръ подъ великимъ сырымъ дубомъ,
И въ томъ шатрѣ кровать богатырская, не малая:
Долиной кровать десяти саженъ,
Шириной кровать шести саженъ.
Привязалъ Илья добра коня къ сыру дубу,
Легъ на тую кровать богатырскую
И спать-заснулъ.
А сонъ богатырскій крѣпокъ:
На три дня и на три ночи.
На третій день услыхалъ его добрый конь
Великій шумъ съ-подъ сѣверныя сторонушки:
Мать-сыра земля колыбается,
Темны лѣсушки шатаются,
Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются.
Бьетъ добрый конь копытомъ о сыру землю,
Не можетъ разбудить Илью Муромца.
Проязычилъ конь языкомъ человѣческимъ:
«Ай же ты, Илья Муромецъ!
«Спишь себѣ проклаждаешься,
«Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
«Ѣдетъ къ шатру Святогоръ богатырь.
«Ты спущай меня во чисто поле,
«А самъ полѣзай на сырой дубъ.»
Выставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Спущалъ коня во чисто поле,
А самъ высталъ во сырой дубъ,
Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ.
Пріѣхалъ богатырь къ сыру дубу,
Снялъ съ плечъ хрустальный ларецъ,
Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ:
Выходитъ оттоль жена богатырская.
Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ

Не видано и не слыхано:
Ростомъ она высокая,
Походка у ней щепливая,
Очи яснаго сокола,
Бровушки чернаго соболя,
Съ платьица тѣло бѣлое.
Какъ вышла изъ того ларца, собрала на столъ,
Полагала скатерти браныя,
Ставила на столъ ѣствушки сахарныя,
Вынимала изъ ларца питьица медвяныя.
Пообѣдалъ Святогоръ богатырь
И пошелъ съ женою въ шатеръ прохлаждатися,
Въ разныя забавы заниматися.
Тутъ богатырь и спать заснулъ.
А красавица, жена его богатырская,
Пошла гулять по чисту полю,
И высмотрѣла Илью въ сыромъ дубу.
Говоритъ она таковы слова:
«Ай же ты, дородный добрый молодецъ!
«Сойди-ка со сыра дуба,
«Сойди, любовь со мной сотвори;
«Буде не послушаешься,
«Разбужу Святогора богатыря
«И скажу ему,
«Что ты насильно меня въ грѣхъ ввелъ.»
Нечего дѣлать Ильѣ;
Съ бабой не сговорить,
А съ Святогоромъ богатыремъ не сладить;
Слѣзъ онъ съ того сыра дуба
И сдѣлалъ дѣло повелѣное.
Взяла его красавица, богатырская жена,
Посадила къ мужу во глубокъ карманъ
И разбудила мужа отъ крѣпкаго сна.
Проснулся Святогоръ богатырь,
Посадилъ жену въ хрустальный ларецъ,
Заперъ золотымъ ключемъ,

Сѣлъ на добра коня
И поѣхалъ ко Святымъ горамъ.
Сталъ его добрый конь спотыкаться
И билъ его богатырь плеткою шелковою
По тучнымъ бедрамъ.
И проговоритъ конь языкомъ человѣческимъ:
«Опережь я возилъ богатыря да жену богатырскую,
«А нонь везу жену богатырскую и двухъ богатырей».
И вытащилъ Святогоръ богатырь
Илью Муромца изъ кармана,
И сталъ его выспрашивать,
Кто онъ есть и какъ попалъ къ нему
Во глубокъ карманъ?
И сказалъ ему Илья все по правдѣ, по истинѣ.
Убилъ Святогоръ жену свою богатырскую,
Помѣнялся съ Ильею своимъ крестомъ,
Называлъ его меньшимъ братомъ.
Выучилъ Святогоръ Илью
Всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскимъ,
И поѣхали они къ Сѣвернымъ горамъ,
И наѣхали путемъ дорогою на великій гробъ,
На томъ гробу подпись подписана:
«Кому суждено во гробу лежать,
«Тотъ въ него и ляжетъ.»
Легъ Илья Муромецъ:
Для него домовище и велико, и широко.
Ложился Святогоръ богатырь:
Гробъ пришелся по немъ.
Говорилъ богатырь таковы слова:
«Гробъ точно про меня сдѣланъ.
«Возьми-тко крышку, Илья!
«Закрой меня.»
Отвѣчалъ Илья Муромецъ:
—Не возьму я крышки, большій братъ,
—И не закрою тебя:
Шутишь ты шуточку не малую,

—Самъ себя хоронить собрался.—
Взялъ богатырь крышку и самъ закрылъ ею гробъ;
Да какъ захотѣлъ поднять ее,
Никакъ не можетъ;
Бился онъ силился поднять,
И проговорилъ Ильѣ Муромцу:
«Ай, меньшій братъ!
«Видно судьбина поискала меня,
«Не могу поднять крышки,
«Попробуй-ка приподнять ее.»
Пытался было Илья поднять. — Да гдѣ ему!
Тутъ говоритъ ему Святогоръ богатырь:
«Ты возьми-ка мой мечъ-кладенецъ,
«Да ударь ты имъ поперекъ крышки.»
Не подъ силу Ильѣ поднять меча-кладенца!
Зоветъ его опять Святогоръ богатырь:
«Наклонись ко гробу, ко маленькой щелочкѣ,
«Я дохну на тебя духомъ богатырскимъ.»
Наклонился Илья ко маленькой ко щелочкѣ,
И дохнулъ на него Святогоръ духомъ богатырскимъ;
И почуялъ Илья, что въ немъ силушки
Противъ прежняго втрое прибавилось;
Поднялъ мечъ-кладенецъ и ударилъ поперекъ крышки.
Посыпались искры отъ удара отъ великаго;
А которое мѣсто ударилъ мечъ-кладенецъ,
На томъ мѣстѣ выростала полоса желѣзная,
И зоветъ его опять Святогоръ богатырь:
«Душно мнѣ лежать, меньшій братъ;
«Ты попробуй-ка ударить мечемъ вдоль крышки.»
Ударялъ Илья Муромецъ вдоль крышки, —
И тутъ выростала полоса желѣзная.
Воспроговорилъ опять Святогоръ богатырь:
«Задыхаюсь я, меньшій братецъ!
«Ты нагнись, наклонись-ка ко щелочкѣ,
«Я дохну еще духомъ богатырскимъ,
«Передамъ тебѣ всю силушку великую.»

Отвѣчаетъ ему Илья Муромецъ:
— Будетъ съ меня силы, мой большій братецъ!
— Не то земля не станетъ носить на себѣ. —
Промолвился тутъ Святогоръ богатырь:
«Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ,
«Что не послушалъ моего наказа послѣдняго:
«Я дохнулъ бы на тебя духомъ мертвымъ,
«И ты подлѣ меня легъ бы мертвымъ.
«А теперь владай моимъ мечемъ-кладенцомъ,
Къ моему гробу привяжи коня моего богатырскаго,
«Никто кромѣ меня съ этимъ конемъ не справится.».
Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ,
Распростился Илья съ Святогоромъ богатыремъ,
Къ тому гробу привязалъ его коня добраго,
Опоясалъ Святогоровъ мечъ-кладенецъ
И поѣхалъ въ раздольице чисто поле.

ПѢСНЯ II.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Растилается сынъ передъ батюшкомъ;
Онъ и проситъ себѣ благословеньица.
«Охъ ты гой еси, родимый, милый батюшка!
«Дай ты мнѣ свое благословеньице
«Я поѣду въ славный, стольный Кіевъ градъ,
«Помолиться чудотворцамъ Кіевскимъ,
«Заложиться за князя Владиміра,
«Послужить ему вѣрой — правдою,
«Постоять за вѣру Христіанскую.»
Отвѣчаетъ старый крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ:
— Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
— А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
— Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
— Ни помысли зломъ на татарина,
— Ни убей въ чистомъ полѣ хрестьянина.
— Ужъ ты свѣтъ мое чадо порожденное!
— Потеряешь ты свою буйну голову,
— Вмѣсто мѣдныя пуговки ни за денежку;
— Еще той дорогой никто не бывалъ,
— Никто ни ѣзжалъ ровно тридцать лѣтъ, тридцать годовъ:
— Тамъ засѣлъ Соловей воръ разбойничекъ,
— Онъ со дѣтками и со дѣвками.
— Еще той дорогой человѣку итти ровно два-года.
— А конному ѣхать полтора-года.
А Ильѣ захотѣлось проѣхать въ полтора часа,
Между обѣднею ранней и утренней,
И поспѣть ко столу княженецскому
И къ тому обѣду къ воскресенскому.
Поѣзжаетъ Илья—самъ выговариваетъ,
Кладываетъ-то заповѣдь великую:
«Ѣхать-то мнѣ добру молодцу,
«Во пути мнѣ-ка во дороженькѣ,
«Рукъ чтобы мнѣ не кровавити.»
Только видѣли молодца сядучись,
А не видѣли удалаго поѣдучись,
И не знаютъ, въ кую сторону уѣхалъ онъ.
Какъ приправливалъ Ильюшенька добра коня,
Скочилъ его добрый конь за версту за мѣрную;
Тутъ-то на столбѣ онъ подпись подписывалъ:
«Первая поѣздка Ильи Муромца.»
Опять приправливалъ добра коня,
Скочилъ его добрый конь за версту за мѣрную;
Тутъ-то на столбѣ онъ подпись подписывалъ:
«Другая поѣздка Ильи Муромца.»
Скочилъ его добрый конь за версту за мѣрную;
Тутъ-то на столбѣ онъ подпись подписывалъ:
«Третія поѣздка Ильи Муромца.»
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
По чистому полю поѣхалъ погуливать.
Не пыль-то въ полѣ запылилася,
Не туманъ-то съ моря подымается,
И не бѣлы снѣжки въ чистоемъ полѣ забѣлѣлися:
А забѣлѣлася у него буйная головушка,
Со частой со сѣдой мелкой бородушкой,
А затуманился подъ нимъ добрый конь,
А запылилась за нимъ сила добрая.

И подъѣзжаетъ онъ къ тремъ дороженькамъ.
Къ тремъ дороженькамъ, къ тремъ широкіимъ.
На дороженькѣ лежитъ бѣлъ горючъ камень,
На камушкѣ есть подписано,
Есть подписано и подпечатано:
«По которой мнѣ дороженькѣ итти-ѣхати:
«Во право мнѣ ѣхать—женатому быть,
«А во лѣво ѣхать—богатому быть,
«А прямо ѣхать—убитому быть.
«Мнѣ женатство-то—не ко младости,
«А богатство—не къ разуму.
«Дай поѣду, поѣду по этой по дороженькѣ,
«По которой мнѣ убитому быть.»
Какъ далече, далече во чистомъ полѣ,
Что ковыль трава во чистомъ полѣ шатается,
А и ѣздитъ во полѣ старъ матеръ человѣкъ,
Старый ли казакъ Илья Муромецъ.
А и конь ли подъ нимъ кабы лютый звѣрь,
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ.
Со старымъ вѣдь денегъ не годилося,
Только червонцевъ золотыхъ съ нимъ семь тысячей,
Дробныхъ денегъ сорокъ тысячей;
Коню вѣдь подъ старымъ цѣны не было.
Почему-то цѣны ему не было?
Потому-то коню цѣны не было:
За рѣку-то онъ броду не спрашивалъ,
Котора рѣка цѣла верста,
А скачетъ онъ съ берегу на берегъ.
Наѣхали на стараго станишники,
По нашему русскому разбойники:
Кругомъ его стараго облавили,
Хотятъ его стараго ограбити,
Съ душей, съ животомъ его разлучить хотятъ.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
«А и гой есть вы, братцы станишники!
«Убить меня стараго вамъ не за что,

«А взяти у стараго нечего.»
Вымалъ онъ изъ налушна крѣпкій лукъ,
Вынималъ онъ вѣдь стрѣлку каленую,
Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,
Стрѣляетъ онъ старый по сыру дубу;
А спѣла тетивка у туга лука,
Станишники съ коней попадали,
Угодила стрѣла въ сыръ кряковистый дубъ,
Изломала въ черенья въ ножевыя дубъ.
Отъ того-то вѣдь грому богатырскаго,
Того-то станишники испужалися,
А и пять они часовъ безъ ума лежатъ—
А и будто ото сна сами пробуждаются;
А Селма встаетъ пересемываетъ,
А Спиря встаетъ, то поспыриваетъ,
А всѣ они станишники бьютъ челомъ:
«Ты старый казакъ, Илья Муромецъ!
«Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное,
«Дадимъ рукописанье служить до вѣку.»
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
«А и гой есть вы, братцы станишники!
«Поѣзжайте отъ меня во чисто поле,
«Скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу,
«Про стараго казака Илью Муромца.»
Тутъ-то старый добрый молодецъ
Поворотъ держитъ ко бѣлому ко каменю,
Старую подпись подхеривалъ,
А новую подписывалъ:
— Старая подпись была ложная,
— «Что съѣздить въ дорожку—убиту быть:
— А съѣздилъ въ дорожку убитъ не бывалъ.»
Тутъ онъ пораздумался:
— Да-ко я поѣду во дорожку, гдѣ женату быть.
Ѣхалъ онъ ровно три часа,
А проѣхалъ триста верстъ,
Наѣхалъ во далечѣ, далечѣ во чистомъ полѣ

Чудо чудное, диво дивное,
Деревня великая, а городъ село малое,
А все стоятъ палатушки царскія и государскія.
И заѣхалъ онъ на широкій дворъ на царскій;
И увидала съ окна прекрасная королевична,
И выходила на широкій дворъ,
Встрѣчала стара добра молодца,
И цѣловала во уста сахарныя,
Приказала нянечькамъ-бабочкамъ
И вѣрнымъ служаночкамъ
Коня кормить пшеной бѣлояровой,
Сама взяла его за ручку за правую,
Свела въ палату бѣлокаменну, во гридню столовую.
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На всѣ четыре стороны покланяется,
А королевичной въ особину.
А она дубовы столики задернула,
А забранныя скатерти накрывала,
Хлѣба соли наставила,
А ѣства были всѣ сахарныя;
А питьица были медвяныя;
Садитъ-то стара добра молодца за дубовый столъ,
А сама-то отходя поклонилася,
И сама говоритъ таковы слова:
«Ай же ты, старъ добрый молодецъ!
«Не наѣдайся до сыта,
«Не напивайся до пьяна:
«Было бы королевичной съ кѣмъ забавиться.»
Тутъ старъ добрый молодецъ
На женскую прелесть не укинулся:
До сыта онъ наѣдается,
И до пьяна онъ напивается;
Тутъ выходитъ за стола за дубоваго,
Отдалъ честь-благодарность великую,
За хлѣбъ за соль столовую.

И говоритъ прекрасная королевична:
«Ай ты, сударь добрый молодецъ!
«Поди съ пути-дороженьки
«Отдохнуть во лежню во теплую.»
И привела ко кроватки тесовыя,
Ко перины пуховыя:
«Ложись-ко ты на перину пуховую,
«А я лягу подлѣ тебя.»
А онъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, прекрасная королевична!
— Ложись-ко о стѣночку,
— А мужеской полъ лежитъ на краечку,
— Надо старичку часто вонъ ходить.
Она о стѣночку не ложится;—
Хватилъ онъ ее за шелковъ поясъ,
И бросилъ ее о стѣночку:
А тая была кроватка ложная и подложная,
Улетѣла королевична во глубокъ погребъ.
Тутъ старъ добрый молодецъ,
Выходитъ изъ палаты на широкъ дворъ,
И говоритъ нянечкамъ-бабочкамъ
И вѣрнымъ служаночкамъ:
«Подайте мнѣ ключи злаченые,
«Отомкнуть погребъ глубокій.»
Онѣ говорятъ таковы слова:
— Ай же ты, дядюшка не знаемый!
— Мы не знаемъ ни ключей-ларчей окованныихъ.—
Онъ прискакивалъ ко дверямъ со каблукомъ,
Вылетѣли двери со шпеньями.
Отворилъ онъ глубокъ погребъ:
Во томъ погребѣ во глубокоемъ
Насажено сорокъ царей-царевичей,
Сорокъ королей и королевичей.
И всѣ вскочили на рѣзвы ноги,
И всѣ старичку поклонилися:
«Благодарствуй, старый казакъ Илья Муромецъ,
«Богатырь сынъ Ивановичъ!

«Показалъ ты намъ бѣлый свѣтъ.»
И говоритъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же вы, цари и царевичи,
— И всѣ вы, короли и королевичи!
— Выводите королевичну на широкій дворъ,
— Что знаете, то надъ ней и дѣлайте.
А они говорятъ ему на мѣсто:
«Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ,
«Богатырь сынъ Ивановичъ
«Что знаешь, то и дѣлай надъ ней!
Тутъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Богатырь сынъ Ивановичъ
Выводитъ на широкій дворъ,
И привязалъ къ тремъ жеребицамъ къ неучамъ.
И растащили по чисту полю,
Куда руки, куда ноги, и куда.... что:
Все улетѣло по чисту полю.
Только старый казакъ Илья Муромецъ,
Богатырь сынъ Ивановичъ и женатъ бывалъ.
Тутъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
Поворотъ держалъ ко бѣлу ко каменю,
Старую подпись захеривалъ,
А новую подписывалъ:
— Старая надпись была ложная,
— «Что съѣздить въ дорожку—женату быть:»
— А съѣздилъ въ дорожку—женатъ не бывалъ.
— А нынѣ поѣду въ дорожку, гдѣ богату быть.—
Ѣхалъ онъ три часа,
Проѣхалъ триста верстъ.
Опять какъ выѣзжалъ на поля на чистыя,
На поля на чистыя, на луга на зеленые,
Какъ тутъ копаны погреба все глубокіе,
Насыпаны всѣ краснаго золота,
Краснаго золота, чистаго серебра,
И мелкаго-скатнаго жемчуга.
Онъ говоритъ: «куда мнѣ на старости съ именьицемъ

«Со многой несчетной золотой казной?»
Сталъ да пораздумался:
Взялъ какъ—на это на имѣньице,
На тѣхъ на поляхъ на чистыхъ,
Построилъ монастыри богомольные,
Построилъ церкви соборныя,
Повелъ тутъ пѣніе церковное,
Пѣніе церковное, звоны колокольные.
«Чье было имѣнье, за того пускай идетъ!»
Тутъ-то удалый поворотъ держалъ,
Опять пріѣзжалъ ко тому же камешку ко горючему,
Опять ту запись поднавливалъ:
«Какъ въ ту дорожку ѣздилъ—богатъ не былъ.»

ПѢСНЯ III

БИТВА ИЛЬИ СЪ ТАТАРАМИ И СЪ СОЛОВЬЕМЪ РАЗБОЙНИКОМЪ.

Онъ какъ выѣхалъ во далече далече во чисто поле,
Какъ проѣхалъ онъ да по чисту полю,
Самъ лѣса срывалъ да стружки строгалъ,
По стружкамъ-то онъ да кресты кладалъ,
Кресты кладалъ богомольные,
На крестахъ да подписывалъ:
««Ѣдетъ старый казакъ да Илья Муромецъ
««Ко славному ко стольному городу ко Кіеву
««Во первую поѣздку богатырскую.»»
Самъ услышалъ какъ въ той сторонкѣ полуденныя;
Шумъ и гамъ идутъ-то великіе;
Сталъ какъ онъ да поразслушался,
Самъ да пораздумался:
«Ежели не съѣздить мнѣ
«На шумы и гамы на великіе,
«Съѣду я ко славному городу стольному Кіеву,
«Ко славному князю ко Владиміру,—
«Солнышко князь стольно-Кіевскій,
«На пріѣздѣ удалыхъ-добрыхъ молодцевъ,
«Онъ заводилъ-то для нихъ столованье — почестный пиръ,
«На поѣздѣ онъ жалуетъ удалыхъ-добрыхъ молодцевъ
«Несчетною золотой казной, —

«На честномъ пиру нечѣмъ мнѣ хвастати.»
Взялъ какъ — воротилъ добра коня,
Какъ поѣхалъ на тотъ на шумъ и гамъ на великій,
Во ту сторонку полуденную,
Пріѣхалъ какъ подъ городъ Смолягинъ (*);
Какъ тутъ стоитъ силушка поганая,
Стоитъ какъ силы много тысячей,
Стоятъ пановья-улановья, бурзы-поганы Татарины;
Во пару-дыму лошадиноемъ
Днемъ не видно краснаго солнышка,
А ночью свѣтлаго мѣсяца,
Около сѣрому заюшку не обскакать,
Ясному соколу не облетѣть.
Онъ какъ сталъ да пораздумался:
Отъ силушки отъѣхать не хочется,
И на силушку пріукинуться не съ чѣмъ, —
Не взята приправа богатырская,
Не хочется кровавить своей руки богатырскія.
Самъ какъ спущался съ добра коня,
Рвалъ лѣвой рукой сырый дубъ,
Сырый дубъ крякновистый,
Привязывалъ ко лѣвому (къ булатному) ко стремени;
Тутъ опять рвалъ правой рукой
Сырый дубъ крякновистый,
Бралъ какъ онъ да во праву руку;
Напустился на бурзовъ-поганыхъ на Татаровъ,
Куда ѣдетъ и машетъ, — туда улица,
Перевернетъ-перемахнетъ, — переулочекъ;
Не сколько самъ билъ, сколько конемъ топталъ;
Ни одинъ бурза-Татариновъ
Не могъ не уйти, ни уѣхати,
Не оставилъ ни единаго на сѣмяна,
Тутъ отвязывалъ сырый дубъ,
Сырый дубъ да крякновистый,

(*) Черниговъ.

Онъ отъ лѣваго отъ стремени,
Конь скакалъ какъ прямо чрезъ стѣны городовыя,
Заѣхалъ онъ во городъ Смолягинъ.
Какъ тамъ мужики да Смолягински
Всѣ ходятъ во церковь соборную
Отъ перваго до единаго,
Они каютса-причащаются,
Со бѣлымъ свѣтомъ прощаются,
Во чисто поле на войну снаряжаются.
Онъ какъ пріѣзжалъ ко церкви соборныя,
Спускался онъ какъ съ добра коня,
Привязывалъ онъ добра коня,
Ко столбочку ко точеному,
Ко колечку золоченому,
Самъ шелъ въ церковь соборную,
Крестъ-то кладалъ по писаному,
Поклоны велъ онъ по ученому,
Кланялся онъ на всѣ четыре стороны,
Самъ да говорилъ таковы слова:
«Ай же, мужики да Смолягински!
«На что вы каетесь—причащаетесь,
Со бѣлымъ свѣтомъ прощаетесь,
«Куда, мужики, собираетесь?»
Они говорятъ таковы слова:
««Ай же ты, удаленькій да упаленькій,
««Добрый молодецъ заѣзжій — дальній!
««Мы не знаемъ, ты съ какой земли,
««Ты съ коей земли, ты съ коей орды,
««Какого отца, какой матушки,
««Какъ тебя именемъ зовутъ?
««Подъ нашимъ городомъ Смолягинымъ
««Стоитъ сила несмѣтная,
««Стоятъ пановья-улановья,
««Стоятъ мурзы-Татары поганые;
««Какъ сѣрому заюшку не обскакать,
««Ясному соколу не облетѣть;

««Хочутъ нашъ городъ рубить-плѣнить,
««Рубить-плѣнить, головней катить,
««Хочутъ насъ, мужиковъ, въ полонъ забрать.»»
Онъ говоритъ таковы слова:
«Ай же вы, мужики Смолягински!
«Вы выстаньте на стѣну городовую,
«Посмотрите въ чистое поле
«На бурзовъ-поганыхъ Татариновъ,
Стоятъ или лежатъ, и что дѣлаютъ?»
Какъ они скорымъ скоро, скоро на скоро,
Вставали на стѣну городовую,
Глядѣли во далече — далече во чисто поле,
На бурзовъ — поганыхъ Татаровъ, —
Тамъ лежатъ прокляты всѣ убитые.
Какъ тутъ спускались скорымъ скоро,
Скорымъ скоро, скоро на скоро,
Со стѣны они съ городовыя,
Шли къ удалому молодцу,
Старому казаку Ильѣ Муромцу,
Говорили сами таковы слова:
««Скажись-ко ты, удалой добрый молодецъ:
««Ты съ коей земли, ты съ коей орды,
««Какого отца, какой матушки,
««Какъ тебя, молодца, именемъ зовутъ?
««Живи во нашемъ Смолягинѣ воеводою,
««Суды суди все правильно,
««Мы всѣ будемъ тебя слушати.»»
— «Не дай Господи дѣлати съ барина холопа,
«Съ барина холопа, съ холопа дворянина,
«Дворянина съ холопа, изъ попа палача,
«А также изъ богатыря воеводу!
«Я изъ той земли, богатой орды,
Изъ того города изъ Мурома,
«Изъ села Карачарова,
«Старый казакъ Илья Муромецъ:
Не хочу я жить у васъ воеводою!

«Покажите-тко дорожку прямоѣзженую
«Ко славному ко городу ко Кіеву.»
Они говорятъ таковы слова:
««Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!
««Окольная дорожка — двѣ тысячи,
««Прямоѣзжая дорожка — одна тысяча:
««Лучше ѣхать окольной дорожкой двѣ тысячи,
««Что той прямой дорожкой одна тысяча:
««Какъ вѣдь тою дорожкою
««Тридцать лѣтъ было не ѣзжено,
««Какъ на той-то дорожкѣ прямоѣзженой
««Есть три заставы великія;
««Первая застава — болота зыбучія,
««Болота зыбучія, корбы (*) дремучія;
««Другая застава—рѣка матушка Смородина,
««Въ ширину рѣка ровно три версты,
««Въ глубину глубока очень;
««Есть-то за той рѣкой за Смородиной
««Третья застава великая:
««Сидитъ Соловей-рабойникъ, птица рахманная,
««На трехъ дубахъ на крякновыихъ,
««На двухъ березахъ на покляпыихъ,
««Свито гнѣздо соловьиное;
««Мимо этого проклятаго да Соловья
««Нѣту пѣшему проходу, конному проѣзду,
««Нѣту конному проѣзду, звѣрю прорыску,
««Нѣту проѣзду сильнымъ-могучимъ богатырямъ:
««Все побиваетъ вздохомъ единымъ;
««Отъ свисту его змѣинаго, отъ крыку звѣринаго
««Помираютъ всѣ удалы-добры молодцы.
««Ты не йди, удалый-добрый молодецъ:
««Падетъ твоя головка буйная подъ Соловьемъ!»»
Онъ опять говоритъ таковы слова:
«Ай же вы, мужики Смолягински!

(*) Чащи мелкаго лѣса.

«Послѣ моего бываньица
«Не случится ли вамъ путь
«Ко славному ко городу ко Кіеву?
«Такъ поѣзжай прямой дорожкой самоѣзженой.
«Не бойтесь вы болотъ зыбучіихъ,
«Болотъ зыбучіихъ, лѣсовъ дремучіихъ.
«Не бойтесь вы проклятаго Соловья,
«Столько бойтесь вы одной рѣки Смородины?»
Самъ поѣхалъ какъ той дорожкой прямоѣзженой,
Лѣвой рукой коня ведетъ,
Правой рукой дубья рветъ,
Дубья рветъ, все крякновистые,
Мосты моститъ калиновые,
Работаетъ дорожку прямоѣзжену.
Какъ доѣхалъ до той рѣки до Смородины,
Какъ садился на добра коня,
Конь скочилъ черезъ ту рѣку Смородину.
Какъ засвисталъ Соловей по змѣиному,
Закричалъ Соловей по звѣриному, —
Подъ нимъ ли добрый конь да на колѣнка палъ.
Онъ скоро скакалъ да съ добра коня,
Пинулъ коня онъ подъ брюхо:
«Ай же ты, волчья сыть да травяной мѣшокъ!
«Неужто ты не слыхалъ посвисту змѣинаго,
«Крику звѣринаго, писку-визгу Татарскаго?
«Какъ тутъ всякъ человѣкъ на свѣтъ завѣтъ завѣчалъ,
«Но не каждый человѣкъ завѣтъ справлялъ:
«Также и мнѣ быть своя заповѣдь нарушать,
«Быть натянутъ свой тугій лукъ,
«Класть своя калена стрѣла.»
Какъ тугой лукъ натягивалъ,
Калену стрѣлу накладывалъ,
Самъ стрѣлочкѣ да приговаривалъ:
«Лети, моя стрѣлочка каленая,
«Выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго,
«Разлетись-пади Соловью въ правый глазъ,

«Вылети, стрѣла, въ лѣвое ухо!»
Какъ вылетѣла стрѣлка выше лѣсу стоячаго,
Выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго,
Какъ попала стрѣлка Соловью въ правый глазъ,
Вылетала стрѣлка во лѣво ухо:
Покатился Соловьюшко со гнѣздышкомъ,
Будто сѣнная куча неподъемная.
Онъ бралъ Соловья за желты кудри,
Привязывалъ онъ желтыми кудерками
Ко лѣвому булатному стремени,
Самъ опять лѣвой рукой коня ведетъ,
Правой рукой дубья рветъ,
Дубья рветъ, все крякновисты,
Мосты моститъ да калиновые,
Самъ Соловью да приговариваетъ:
«Сидѣлъ ты, птица-разбойникъ, на гнѣздышкѣ,
«Сидѣлъ ты ровно тридцать лѣтъ,
«Видалъ экаго молодца пройдучись ли проѣдучись?»
Соловьюшка на молодца поглядыватъ:
— Видно, я попалъ да во крѣпки руки,
— Теперь уйти да мнѣ некуды!—
Какъ сталъ подъѣзжать ко посельямъ Соловьинымъ,
Глядятъ малы вьюныши да въ окошечко:
««Родитель наша матушка!
««Какъ батюшка-то ѣдетъ да мужика везетъ!»»
Какъ глядѣла большая дочь да въ окошечко:
«Ай же, сестрицы родимыя
«И родитель моя матушка!
«Мужикъ какъ ѣдетъ—везетъ нашего батюшку,
«Прикована желтыми кудерками
«Ко лѣвому булатному ко стремени!»
Какъ онъ подъѣхалъ ко поселью Соловьиному,
Какъ большая дочь Олена выскочила на широкъ дворъ,
Хватила она подворотню чугунную въ девяносто пудъ,
Держала она замахъ великій,
Хотѣла честнуть стараго казака Илью Муромца,

Честнуть межъ очи ясныя, —
Онъ какъ зналъ увертки богатырскія, —
Увернулся отъ разу великаго,
Столько попало ему по рукѣ да по правыя;
Онъ тутъ пнулъ ее,
Она ижно улетѣла черезъ цѣлый дворъ, —
У Соловья былъ дворъ, на семи верстахъ,
На семи верстахъ и на семи столбахъ,
Она у задней стѣны погалзыватъ (*),
Говоритъ она таковы слова:
«Меня чортъ бросилъ, а водяной кинулъ
«Съ сильными богатырями биться-ратиться!»
Былъ дворъ на семи столбахъ,
На семи столбахъ, на семи верстахъ,
Около былъ булатный тынъ,
Въ середочкѣ былъ сдѣланъ гостинный дворъ,
Было сдѣлано три терема златоверхіе,
Вершечки съ вершечками свивалися,
Потолки съ потолками сросталися,
Крылечки съ крылечками сплывалися,
Разсажены были сады да зеленые,
Цвѣли да цвѣли все цвѣты лазуревые,
Подведена вся усадьба красовитая.
Тутъ они стали давать да за батюшку
Много несчетной золотой казны:
Стали давать денегъ три тысячи,—
Не беретъ какъ онъ трехъ тысячей;
Стали давать да тридцать тысячей,—
Не беретъ онъ какъ да тридцати тысячей.
««Ай же ты, удалый-добрый молодецъ!
««Ты бери-ка за батюшку
««Хошь краснаго золота, хошь чистаго серебра,
««А хошь мелкаго-скатнаго жемчугу,
««Сколько можь увезти ты на добромъ конѣ,
««Унести на плечахъ могучихъ-богатырскіихъ!»»

(*) Ползаетъ.

Какъ онъ говорилъ таковы слова:
«Ай же, малы вьюноши Соловьиныи!
«Не отдамъ я вамъ здѣсь кормильца да батюшку.
«Черезъ трои черезъ суточки,
«Складите все имѣнье—богачество,
Всю несчетну золоту казну,
«На тѣ телѣги ордынскія,
«Катите ко славному ко стольному
«Ко городу ко Кіеву,
«Ко солнышку князю ко Владиміру:
«Можетъ, тамъ я вамъ отдамъ кормилица-батюшку.
Самъ поѣхалъ ко славному ко стольному
Ко городу ко Кіеву.

ПѢСНЯ IV.

ПРІѢЗДЪ ИЛЬИ МУРОМЦА ВЪ КІЕВЪ.

Какъ пріѣзжалъ-то онъ во славный во городъ во Кіевъ-то,
Столько отошла обѣдня ранняя да воскресенская,
Пріѣзжалъ онъ ко солнышку князю на широкъ дворъ,
Становилъ какъ онъ да добра коня осередь двора,
Осередь двора княженецкаго,
Какъ самъ Соловью да наказывалъ:
«Смотри, Соловей, не уходи отъ добра коня,
«Береги, Соловей, ты добра коня:
«Отъ меня, Соловей, никуда не уйдешь!»
А самъ добру коню наказывалъ:
«Ай же, мой добрый конь богатырскій!
«Ужь ты паче всего береги проклятаго Соловья,
«Чтобы Соловей не ушелъ отъ стременъ отъ булатныхъ!»
Самъ какъ онъ пошелъ во палаты княженецкія,
Со палатъ проходитъ во гридни столовыя,
Крестъ-то онъ кладетъ по писаному,
Поклонъ онъ велъ по ученому,
Клонится-то онъ на всѣ четыре стороны,
Солнышку князю съ княгиней Апраксіей въ особину.
Какъ не узналъ его солнышко Владиміръ князь,
Самъ да говорилъ ему таковы слова:
— Ай же, маленькій-удаленькій да упаленькій, —
— Я не знаю, какъ тебя именемъ зовутъ!

— Садись съ нами хлѣба кушати—трапезовать:
— На нижнемъ конечку есть мѣстечка немножечко;
— Други мѣстечка всѣ призабавлены,
— Мѣстечка вси позаняты:
— Сидитъ у меня на честномъ пиру
— Что князей, что бояриновъ,
— Что (сенаторовъ) да думныихъ,
— Что вельможъ, купцовъ да богатыихъ
— Что поляницъ да удалыихъ,
— И шестьдесятъ Россійскихъ могучіихъ богатырей.—
Какъ старому казаку тѣ рѣчи не прилюбилися,
Что на нижній конецъ садятъ хлѣба кушати.
Какъ говорилъ старый казакъ таковы слова:
«Ай же ты, солнышко Владиміръ князь!
«Самъ ѣшь-кушаешь съ воронами,
«Меня садишь съ воронятами!
«Не хочу я хлѣба кушать съ воронятами!»
Какъ солнышку князю тѣ рѣчи не прилюбилися,
Самъ вставалъ да на рѣзвы ноги,
Какъ самъ стемнѣлъ какъ темна ночь,
Сревѣлъ какъ будто левъ-то звѣрь:
— Ай же вы, Россійскіе могучіе богатыри!
— Чтобы онъ могъ бы насъ назвать
— Воронами и воронятами!
— Берите подъ руку три богатыря
— И подъ другую три богатыря,
— Ведите его на широкъ дворъ,
— Отрубите ему буйну голову! —
Какъ богатыри да принималися,
Подъ руку три богатыря
И подъ другую три богатыря:
Онъ правой рукой махнулъ, —
Тѣ мертвы лежатъ,
Онъ лѣвой махнулъ,
Тѣ тоже мертвы лежатъ.
Тутъ сказалъ опять какъ солнышко Владиміръ князь:

— Берите подъ руку шесть богатырей
— И подъ другу руку шесть богатырей,
— Ведите его на широкъ дворъ,
— Срубите ему буйну голову! —
Какъ подъ руку берутъ шесть богатырей:
Онъ правой рукой махнулъ, —
Тѣ мертвы лежатъ,
Онъ лѣвой рукой махнулъ, —
И тѣ мертвы лежатъ.
Опять говорилъ солнышко Владиміръ князь:
— Берите подъ руки, что ни лучшихъ шесть богатырей
— И подъ другу тоже шесть что ни лучшихъ,
— Позади подьте шесть богатырей,
— Ведите его на широкъ дворъ,
— Срубите ему тамъ буйну голову!—
Сдался вывести онъ на широкъ дворъ;
Какъ тамъ разгорѣлось сердце богатырское,
Воспылала кровь богатырская,
Не могъ сдержать онъ рукъ бѣлыихъ,
Какъ правой рукой махнулъ, —
Всѣ богатыри на земли лежатъ,
Кои мертвые, иные плаваютъ окаракою,
А лѣвой рукой махнулъ, —
Тѣ мертвы лежатъ.
Какъ тутъ тугой лукъ натягивалъ,
Калену стрѣлу онъ направливалъ,
Самъ своей стрѣлѣ приговаривалъ:
«Ты лети, стрѣла, объ окошка княженскія,
«У окошекъ отстрѣли всѣ маковки позолочены!»
Какъ обиралъ онъ эти маковки,
Пошелъ на царевъ кабакъ,
Пропивать тѣ маковки царскія.
Набиралъ онъ голей кабацкіихъ,
Которые бы могли пить да зелено вино,
Какъ пошелъ-то онъ со всѣми на царевъ кабакъ,
Приходилъ-то онъ во царевъ кабакъ,

Сталъ какъ онъ съ голями пить зелено вино,
Сталъ пропивать княженецкія маковки.
Голи тутъ да засумлялися:
«Что-то намъ отъ князя да будетъ,
«Что-то намъ отъ князя достанется:
«Пропиваемъ мы его да маковки!»
Увидѣлъ онъ, что голи засумлялися:
Ужъ какъ самъ говоритъ таковы слова:
«Пейте вы, голи, не сумляйтеся:
«Я заутра буду во Кіевѣ княземъ служить,
«А у меня вы будете предводителями!»
Стали пить и не стали болѣе сумлятися,
Стали Бога молить за удалаго за молодца.
Какъ тамъ солнышко князь стольно-Кіевскій
Видитъ бѣду неминучую,
Не знаетъ, кто пріѣхалъ ко городу ко Кіеву:
—Ежели невѣжа поганая,—
—Русскому Богу не молился бы
—И намъ онъ не кланялся бы;
—Какой ни будь русскій богатырь! —
Какъ тутъ говорилъ молодой Добрыня Никитичъ:
«Ай же, солнышко Владиміръ князь!
«Всѣхъ я знаю русскихъ могучихъ богатырей,
«Одного не знаю, — стараго казака Илью Муромца.
«Я слыхалъ наслышкой человѣческой,
«Что у него на бою смерть не писана.»
—Дѣлать намъ нечего всѣмъ городомъ Кіевомъ!
—Видишь, у насъ на широкомъ дворѣ
—Стоитъ добрый конь богатырскій,
—Ни къ чему добрый конь да не привязанный;
—У коня стоитъ чудо чудное, диво дивное:
—Какъ стоитъ тутъ у праваго у стремени,
—Стоитъ проклятый Соловей,
—Онъ прикованъ къ богатырскимъ булатнымъ ко стременамъ.
—Такъ кого послать позвать его,

—Позвать его да на почестный пиръ?
—Иль послать смѣлаго Алешу Поповича? —
—Тотъ не умѣетъ какъ позвать его,
—То того посла не дождать будетъ.
—Послать молода Чурилу сына Пленкова? —
—Того посла не дождаться будетъ,
—Онъ не умѣетъ какъ позвать его,
—Съ того только дѣло щапить межъ бабами,
—Межъ бабами и межъ дѣвками;
—А надо послать грамотой востраго,
—На рѣчахъ да разумнаго,
—Съ гостями почестливаго:
—Послать тебя, Добрыня Никитичъ!
—Поди-ка, скажи ему таковы слова:
—«Ай же, старый казакъ Илья Муромъ!
—«Послалъ меня солнышко Владиміръ князь,
—«Владиміръ князь стольно-Кіевскій,
—«Какъ проситъ тебя да на почестный пиръ;
—«Не узналъ тебя добра молодца,
—«Потому садилъ на нижній конецъ хлѣба кушати;
—«А нынѣ просилъ тебя съ усердія со радости великія,
—«Не велѣлъ на старо да гнѣваться.» —
Какъ тутъ пошелъ молодой Добрыня Никитичъ,
Пошелъ, самъ онъ и думаетъ:
«Не по смерть ли я иду да по скорую?
«А ежели не послухать солнышка князя Владиміра,
«То не хорошо мнѣ будетъ отъ солнышка князя Владиміра!»
А вѣдь пошелъ да во царевъ кабакъ,
Приходилъ-то онъ на царевъ кабакъ:
Сидитъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Съ голями кабацкими пьетъ — прохлаждается.
Онъ не знатъ, отколь зайти:
«Спереду зайти, — хорошо ль ему прилюбится?
«Да-ко я сзади зайду!»

Какъ сзади зашелъ, зашелъ, захватилъ его,
Захватилъ за плеча за могучія,
Самъ говорилъ да таковы слова:
«Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
«Сдержи ты, свои руки бѣлыя,
«Какъ скрѣпи сердце ретивое:
«Какъ посла ни куютъ, ни вѣшаютъ!
«А послалъ меня солнышко Владиміръ князь,
«Онъ тебя не зналъ, добра молодца,
«А потому садилъ тебя на нижній конецъ,
«На нижній конецъ, хлѣба кушати;
«А проситъ теперь отъ усердія со радости великія,
«Не велѣлъ тебѣ на старо да гнѣваться.»
Какъ онъ обернулся, сказалъ ему:
«Ай же ты, молодой Добрыня Никитичъ!
«Ты тѣмъ счастливъ, что съ заду зашелъ!
А ежели бы, Добрыня, съ переду зашелъ,
«Столько бы съ тебя, Добрыня, пепелъ сталъ!
«Поди, скажи солнышку князю таковы слова:
«Пусть-ко для меня, для молодца,
«Разошлетъ указы строгіе,
«По всему по городу по Кіеву
«И по городу по Чернигову,
«Чтобы отворены были всѣ (конторы),
«Кабаки всѣ и пивоварни,
«На трои на сутки отворены,
«Чтобы весь народъ пилъ да зелено вино;
«Кто не пьетъ зелена вина,
«Тотъ пилъ бы пива пьяныя;
«Кто не пьетъ пивъ пьяныхъ,
«Тотъ пилъ бы сладки меды;
«Чтобы знали, что наѣхалъ старый казакъ,
«Старый казакъ Илья Муромецъ,
«Ко славному ко городу ко Кіеву;
«Пусть для меня, для молодца,
«Заведетъ столованье почестный пиръ.

«Ежели не сдѣлаетъ князь по моему,
«То онъ процарствуетъ только до утрія!»
Какъ тотъ бѣжалъ скорымъ на скоро
Ко солнышку князю ко Владиміру,
Сказалъ ему да таковы слова:
«Ай же, солнышко князь стольно-Кіевскій!
«Что (дѣйствительно) старый казакъ да Илья Муромецъ!
«Тебѣ было приказано (публиковать) указы строгіе,
«По городу по Кіеву, по городу Чернигову,
«Растворить кабаки (конторы), пивоварни,
«Растворить на трои сутки,
«Чтобы весь народъ пилъ да зелено вино,
«Кто не пьетъ да зелена вина,
«Тотъ бы пилъ меды сладкіе;
«Чтобы знали, что наѣхалъ старый казакъ,
«Старый казакъ да Илья Муромецъ.
«А ежели князь не сдѣлаетъ по моему,
«То процарствуетъ до утрія!»
Онъ скорымъ скоро, скоро на скоро
Послалъ указы строгіе
По городу по Кіеву и по городу Чернигову,
Чтобы отворены были всѣ кабаки (конторы) и пивоварни,
На трои сутки отворены,
Чтобы весь народъ пилъ зелено вино,
Безданно, безпошлинно,
Знали бы, что наѣхалъ старый казакъ,
Старый казакъ да Илья Муромецъ,
Ко славному городу Кіеву.

ПѢСНЬ V.

ИЛЬЯ НА ПИРУ У ВЛАДИМИРА.

Какъ тутъ собиралъ столованье почестный пиръ;
Много князей много бояриновъ,
Много (сенаторовъ) думныихъ,
И вельможъ, купцевъ богатыихъ,
Поленицъ много удалыихъ
И Россійскихъ многихъ могучихъ богатырей.
Какъ тутъ въ кабакахъ никто не пьетъ не кушаётъ,
Всѣ ѣдутъ къ солнышку князю Владиміру,
Не для соли, не для хлѣба, не для безсчетной золотой казны,
А ѣдутъ-то посмотрѣть удалаго молодца,
Стараго казака Илью Муромца;
Какъ на княженецкій дворъ сбираются,
Тихонько да пробираются во палаты княженецкія.
Такъ тутъ и приходитъ старый казакъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ
Съ голями съ кабацкими,
Какъ идетъ онъ во палаты княженецкія,
Приходитъ туды во гридни столовыя,
Крестъ-то кладетъ онъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому
Кланяется на всѣ четыре стороны,

Солнышку князю съ княгиней Апраксіей въ особину.
Тутъ какъ солнышко Владиміръ князь
Вставалъ да на рѣзвы ноги,
Бралъ стараго казака за бѣлы руки,
Цѣловалъ во уста во сахарныя,
Называлъ старымъ казакомъ да Ильей Муромцемъ.
Какъ стали садиться за тѣ столы дубовые,
За скамейки окольнія, за ѣства сахарныя,
Садятъ его на мѣсто на большее,
Не садился онъ на мѣсто на большее,
Садился на мѣсто на середнее,
Возлѣ себя садилъ голей да кабацкіихъ.
Какъ начали ѣсть кушать, прохлаждатися,
Какъ всѣ на пиру напивалися,
На почестномъ всѣ наѣдалися,
Похвальбами они всѣ да похвалялися,
Кто чѣмъ хвастаетъ,
Кто чѣмъ да похваляется:
Инный хвастаетъ несчетной золотой казной,
Иной хвастаетъ силой — удачей молодецкою,
Инный хвастаетъ славнымъ отечествомъ
Иной молодымъ молодечествомъ,
Умный-разумный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Безумный дуракъ хвастатъ молодой женой.
Какъ говоритъ да старый казакъ Илья Муромецъ:
«Ай вы, всѣ князи-бояра, (сенаторы), все думные,
«Вельможи, купцы богатые,
«Поляницы всѣ удалые,
«Сильные — могучіе богатыри!
«Какъ вы всѣ похвальбами похвалялися,
«Кто былицей, инный хвастатъ небылицею;
«А я какъ, старый казакъ, похвастаю:
«Какъ я простоялъ дома заутреню воскресенскую,
«Иріѣхалъ сюды — только отошла обѣдня воскресенская;
«Какъ я убилъ подъ Смолягинымъ

«Силы тысячей нѣсколько,
«Было силушки — какъ сѣрому заюшку не обскакать,
«Бѣлому соколу не облетѣть,
«Во пару — дыму лошадиноемъ
«Днемъ не видно было краснаго солнышка,
«Ночью не видно свѣтлаго мѣсяца;
«Да отъ Смолягина промостилъ тысячу верстъ,
«Промостилъ мосты все калиновые
«Болотами зыбучими да корбами дремучими;
«Какъ на трехъ дубахъ на крякновистыхъ,
«На двухъ березахъ покляпистыхъ,
«Сидѣлъ Соловей-птица рахманная,
«Какъ было свито гнѣздо Соловьиное;
«Я не долго опущалъ его со гнѣздышка,
«Я приковывалъ желтыми кудерками
«Ко булатнымъ ко стременамъ,
«Привезъ сюда ко славному ко городу Кіеву;
«Ежели на безсчетну золоту казну, —
«Онъ скунитъ васъ и спродаетъ;
«Ежели на борьбу-удачу молодецкую, —
«Во чистомъ полѣ убьетъ онъ васъ до единаго;
«Отъ свисту змѣинаго, отъ крику звѣринаго
«Помираютъ удалые — добрые молодцы!»
Такъ они говорятъ таковы слова:
«Ай же удалый добрый — молодецъ,
«Старый казакъ Илья Муромецъ!
«Ты самъ небылицею хвастаешь:
«Ты хвастай собою, а не другимъ!
«Какой у тебя приведенъ соловей,
«Соловей птица рахманная?»
Тутъ старый казакъ Илья Муромецъ
Вставалъ да на рѣзвы ноги,
Какъ бѣжалъ онъ на широкъ дворъ,
Онъ отвязывалъ отъ булатнаго
Отъ богатырскаго отъ стремени,
Какъ велъ его въ палаты княженецкія.

Какъ тутъ говорилъ солнышко Владиміръ князь:
—Ну-ко засвищи, Соловей, по змѣиному,
—Закричи, Соловей, по звѣриному! —
Говорилъ Соловей таковы слова:
«Ай же, солнышко Владиміръ князь!
«Не у тебя я ѣлъ да кушалъ,
«Не хочу тебя и слушати!»
Говоритъ старый да таковы слова:
«Ай же, солнышко Владиміръ князь!
«Всѣ мы на честномъ пиру
«И всѣ мы у тебя пьяны — веселы,
«А у насъ Соловей не пьянъ и не веселъ:
«Налей-ко Соловью чару зелена вина,
«Мѣра полтора ведра,
«Вѣсомъ полтора пуда, —
«Налей другую пива пьянаго,
«Налей третью меду сладкаго,
«Ты дай закусить калачикъ крупичатый,
«Крупичатый калачикъ будто турій рогъ!»
Онъ налилъ чару зелена вина, —
Мѣрой полтора ведра
Вѣсомъ полтора пуда, —
Подавалъ единой рукой:
Онъ принималъ единой рукой,
Выпивалъ онъ чару единымъ духомъ;
Наливалъ онъ пива пьянаго,
Всего мѣрой полтора ведра,
Подавалъ онъ единой рукой:
Онъ принималъ тоже единой рукой,
Выпивалъ единымъ духомъ;
Наливалъ третью меду сладкаго,
Всего мѣрой полтора ведра,
Подавалъ онъ чару единой рукой,
Принималъ онъ чару единой рукой,
Выпивалъ онъ чару единымъ духомъ.
Далъ закусить калачикъ крупичатый,

Крупичатый калачикъ будто турій рогъ:
Сталъ Соловеюшко похаживать,—
Стали полатушки да покрякивать.
Какъ тутъ говорилъ старый казакъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ:
«Засвищи ты, Соловей, по змѣиному въ полъ-свиста,
«Закричи, Соловей, по звѣриному въ полъ-крику:
«Какъ отъ меня, Соловей, смотри—никуда не уйдешь!»
Какъ тутъ засвисталъ Соловеюшко въ полъ-свисту,
Закричалъ Соловей въ полъ-крику,—
По всему по городу по Кіеву
Стары терема повалялися,
Новы терема пошаталися,
Околенки съ окошечекъ посыпались;
У солнышка князя у Владиміра
Во палатахъ ни одна околница
Въ окошкахъ не минуется,
Всѣ повылетѣли на улицу;
По всему еще по городу по Кіеву
Бережіи кобылы жеребились,
Поносны бабы разродились;
На честномъ пиру князья-бояра (сенатора) думны,
Вельможи, купцы богаты,
Поляницы удалы,
Россійски могучи богатыри,
Всѣ они на земи лежатъ,
Самъ князь плаватъ окаракою.
Старый казакъ смѣется во всю голову.
Какъ всѣ порасплавались,
Какъ всѣ они да поразмалтались (*)
Всѣ по стульямъ по скамейкамъ покарабкались,
Сами говорятъ да таковы слова:
«Ай же ты, старый казакъ,
«Старый казакъ Илья Муромецъ!

*) Опомнились.

«Не спускай-ка Соловья болѣ на свою волю!»
Говорилъ Соловей да таковы слова:
— Ай же, солнышко Владиміръ князь
— И старый казакъ да Илья Муромецъ!
— Спустите меня да на свою волю:
— Я повыстрою вкругъ города Кіева
— Села со приселочками,
— Улки съ переулками,
— Города съ пригородками,
— Монастыри все богомольные.—
Тутъ говорилъ старый казакъ
Старый казакъ Илья Муромецъ:
«Ты солнышко, Владиміръ князь!
«Не строитель онъ вѣковой, а раззоритель:
«Раззоришь ты остатніи села съ приселами,
«Города съ пригородками!»
Тутъ говорятъ инные богатыри:
«Ай же, солнышко Владиміръ князь
«И старый казакъ Илья Муромецъ!
«Если спустите его на свою волю,
«Убьетъ-то насъ до единаго!»
Какъ брали Соловья за бѣлы руки,
Повели Соловья во чисто поле,
Копали погреба глубокіе,
Глубокіе, сто-саженные,
Бросили его во погребъ глубокій,
Глубокій, сто-саженный,
Рѣшетками желѣзными задернули,
Песками засыпали,
Травкой-муравкой замуравили.
Какъ тутъ черезъ трое суточки
Накатили малы вьюноши Соловьиныи,
Накатили многи телѣги ордынскія.
Обзарился на имѣнье на богачество
Солнышко Владиміръ князь;
Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:

«Ай же, солнышко Владимiръ князь!
«Не тобой они приказаны.
«И не тобой назадъ отпустятся!—
«Ай же, малы вьюноши Соловьиные!
«Катите все имѣнье богачество,
«Всю несчетну золоту казну:
«Оставлена вамъ отъ батюшки,
«Будетъ пропитатися до смерти,
«Не надо вамъ по мiру ходить да скитатися!»
Они покатили имѣнье, заплакали.
Теперь-то Соловью славы поютъ.
Тутъ-то узнали стараго казака,
Стараго казака Илью Муромца,
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
По всѣмъ чужiимъ-дальнiимъ сторонушкамъ.
Повели слуги Илью подъ руки
Во свѣтлую да во свѣтлицу,
Въ княженецкiя горницы,
И садили его да по край стола,
По край стола да по край скамьи.
«Еще ты, славный князь Кiевскiй да Владимiрскiй,
«Ты неси чашу большую да обѣручную,
«Зелена вина да полтора ведра!»
Илья-то беретъ ее да одной рукой,
Онъ и пьетъ ее да за одинъ духъ.
Еще все-то ему мало кажется:
Ты неси еще, князь, чашу большую,
«Чашу большую да обѣручную,
«Еще два ведра да зелена вина,
«Все со водочкой, да со наливочкой,
«Со крѣпкими да со напитками.»
Илья примаится да одной рукой,
Онъ и пьетъ ее за единый духъ.
Еще тутъ Илью маленько да ошабурило;
Онъ хотѣлъ да поладиться,
Онъ поладиться да поправиться,—

Поломалъ онъ скамьи да дубовыя,
Онъ погнулъ сваи да желѣзныя.
А у князя во ту пору да во то времячко
Еще столъ идетъ да во полу-столѣ,
Еще пиръ идетъ да во полу-пирѣ;
За столомъ сидятъ гости-бояра,
Еще все купцы да торговые,
Еще сильны могучи богатыри,
Свято-Русскiи воины.
Поприжалъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Поприжалъ онъ ихъ да во большой уголъ.
Еще князь Ильѣ рѣчь проговорилъ;
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
— Помѣшалъ ты всѣ мѣста да ученыя,
— Погнулъ ты у насъ сваи да всѣ желѣзныя:
— У меня промежъ каждымъ богатыремъ
— Были сваи желѣзныя,
— Чтобъ они въ пиру да напивалися,
— Напивалися да не столкалися.—
Еще тутъ вѣдь князь да Ильѣ конаится:
— Ты изволь у насъ да попить-поѣсть,
— Ты изволь у нашей милости
— Да воеводой жить.—
«Не хочу я у васъ ни пить, ни ѣсть,
«Не хочу я у васъ воеводой жить!»
Онъ вставалъ на ножки на рѣзвыя,
Онъ вымалъ свою плетку шелковую
О семи хвостахъ да съ проволкой,
Еще взялъ онъ плеткой да помахивать,
Еще взялъ гостей да покалачивать,
Еще взялъ гостей да поворачивать,
Еще бьетъ онъ самъ приговариваетъ:
«На прiѣздѣ гостя не употчивали!
«А на поѣздинахъ да не учествовали!
«Эта ваша мнѣ честь не въ честь!»
Еще онъ всѣхъ прибилъ да до наслѣдья,

До наслѣдья прибилъ да до единаго,
Не оставилъ никого да на сѣмена.
Еще князь-то въ ту нору да въ то времячко
За печку задвинулся,
Собольей шубкой закинулся.

ПѢСНЯ V.

БОЙ ИЛЬИ СЪ ДОЧЕРЬЮ.

На славной на кіевской на заставѣ
Стояло двѣнадцать богатырей безъ единаго.
По нихъ, по славной кіевской заставѣ
Пѣхотою никто не прохаживалъ,
На добромъ конѣ никто не проѣзживалъ,
Сѣрый звѣрь не прорыскивалъ
Птица черный воронъ не пролетывалъ.
Проѣхала поляничища удалая,
Конь подъ нею какъ сильна гора,
Поленица на конѣ какъ сѣнна копна;
И надѣта на головушку у ней шапочка пушистая,
Пушистая шапочка и завѣсистая:
Спереду-то не видать лица румянаго,
И сзаду не видать шеи бѣлыя.
Она ѣхала, собака, насмѣхалася,
Не сказала Божьей помочи богатырямъ,
Пріѣхала въ раздольце во чисто поле,
Стала по соловьему посвистывать,
И стала-то во всю голову покрикивать,
Кличетъ-выкликаетъ поединщика,
Супротивъ себя да супротивника:
«Ежели Владиміръ князь стольно-Кіевскій
«Не дастъ онъ мнѣ поединщика.

«Супротивъ меня да супротивника,
«Самого-то я Владиміра подъ мечъ склоню,
«Подъ мечъ склоню, да голову срублю,
«Черныхъ мужичковъ-то всѣхъ повырублю,
«Божьи церквы всѣ на дымъ спущу.»
Стоятъ богатыри, пораздумались,
Говорилъ-то старый казакъ Илья Муромецъ:
«Ай же вы, братцы мои крестовые,
«Дружинушка добрая, хоробрая!
«Стоимъ мы на славной кіевской заставѣ;
«По той ли по славной кіевской заставѣ
«Пѣхотою никто не прохаживалъ,
«На добромъ конѣ никто не проѣзживалъ,
«Сѣрый звѣрь не прорыскивалъ,
«Птица черный воронъ не пролетывалъ:
«Проѣхала поленичища удалая,
«Ѣхала, собака, въ глазахъ насмѣялася,
«Не сказала Божьей помочи богатырямъ.
«На головкѣ у ней шапочка пушистая,
«Пушистая у ней шапочка и завѣсистая:
«Спереду-то не видать лица румянаго
«И сзаду не видно шеи бѣлыя,
«Ѣздитъ-то она по раздольицу чисту полю,
«Посвистываетъ она по соловьему,
«Покрикиваетъ она во всю голову,
«Выкликаетъ она поединщика,
«Супротивъ себя да супротивника.
«Кого же намъ послать въ раздольице въ чисто поле
«Поотвѣдати-то силы у поганаго?»
— Послать молода Алешеньку Поповича.—
Повыѣхалъ Алешенька во чисто поле,
Посмотрѣлъ на поленицу за сыра дуба,
То не смѣй онъ къ поленицы и подъѣхати,
Поскорешенько Алеша поворотъ держалъ,
Говорилъ-то Алеша таковы слова:
«Ай же, братьица мои крестовые!

«Хоть былъ-то я въ раздольицѣ чистомъ полѣ,
«Посмотрѣлъ на поленицу за сыра дуба,
«И не смѣй я къ поленицы и подъѣхати,
«И не смѣлъ-то ея силушки отвѣдати.»
— Послать молода Добрынюшку Никитинца.—
Повыѣхалъ Добрыня во чисто поле,
Подъѣхалъ къ поленицы ко удалыя,
То не смѣй у ней онъ силушки отвѣдати,
Поскорешеньку Добрыня поворотъ держалъ,
И пріѣхалъ онъ на Скатъ-гору высокую,
И говорилъ-то Добрыня таковы слова:
«Хоть былъ я въ раздольицѣ чистомъ полѣ,
«Посмотрѣлъ на поленицу на удалую:
«На правой-то рукѣ сидитъ соловей,
«На лѣвой-то рукѣ жавороночекъ.
«Не смѣлъ я къ поленичищѣ подъѣхати,
«Не смѣлъ я у ней силушки отвѣдати.»
Говорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«А на бою-то мнѣ-ка смерть не писана:
«Поѣду я въ раздольице чисто поле,
«Поотвѣдаю я силы у поганаго.»
Садится-то Илья на добра коня,
Поѣзжаетъ онъ со Скатъ-горы высокія.
Говорилъ ему Добрынюшка Никитинецъ;
— Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
— Поѣзжаешь ты въ раздольице чисто поле,
— На эти побои на смертные,
— На эти удары на тяжелые:
— Намъ куда велишь итти, да куда ѣхати?
Говорилъ-то старый казакъ Илья Муромецъ:
«Ай же братьица мои крестовые!
«Поѣзжайте-тко на гору Сорочинскую,
«Посмотрите-тко на драку богатырскую:
«Когда надо мною будетъ безвременьице,
«Поспѣшайте-то, братьица, ко мнѣ на выручку.»
Онъ ѣхалъ по раздольицу чисту полю

И подъѣхалъ онъ подъ гору Сорочинскую
Сходилъ тамъ съ добра коня богатырскаго,
И вшелъ-то онъ на гору Сорочинскую,
Посмотрѣлъ на поленичище удалое:
Ѣздитъ поленичище по чисту полю,
Ѣздитъ поленичища въ полѣ, тѣшится,
Шутитъ она шуточку не малую,—
Кидаетъ она палицу булатную
Подъ эту подъ облаку ходячую,
Подъѣзжаетъ-то она на добромъ конѣ,
Подхватитъ эту палицу одной рукой,
То какъ лебединымъ перышкомъ поигрываетъ;
И не велика эта палица булатная,
Вѣсомъ-то она до девяноста пудъ.
У стараго казака Ильи Муромца
Его сердце богатырское пріужахнулось.
Сходилъ онъ съ горы Сорочинскія,
Приходилъ онъ къ доброму коню богатырскому,
Палъ-то онъ на бедра лошадиныя,
И говорилъ-то онъ таковы слова:
«Ай же ты, мой бурушко косматенькій!
«Послужи-тко ты мнѣ вѣрою и правдою,
«Послужи по старому и по прежнему,
«Чтобъ не побилъ бы насъ поганый во чистомъ полѣ,
«Не срубилъ бы онъ моей буйной головушки,
«Не распласталъ бы моей онъ груди бѣлыя.»
Садился-то Илья на добра коня,
Онъ ѣхалъ раздольицемъ чистымъ полемъ
И наѣхалъ поленичищу удалую;
Онъ подъѣхалъ къ поленицы со бѣла лица.
Становили они коней богатырскихъ,
Они сдѣлали сговоръ да промежду собой.
Что разъѣхаться съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскихъ.
Пріударили во палицы булатныя.
Разъѣхались съ раздольица чиста поля

На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
Пріударили во палицы булатныя,
Они другъ друга били нежалухою
И со всея силы богатырскія,
И били они другъ друга по бѣлымъ грудямъ,
Какъ подъ ними были доспѣхи очень крѣпкіе:
У нихъ палицы въ рукахъ-то погибалися;
По маковкамъ отломилися;
Они другъ друга не сшибли съ добрыхъ коней,
Они другъ друга не били не ранили,
Никотораго мѣстечка не кровавили.
Становили добрыхъ коней богатырскіихъ,
Они сдѣлали сговоръ да промежду собой,
Что разъѣхаться съ раздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
Пріударить надо въ копья Мурзамецкія.
Какъ разъѣхались съ раздольица чиста поля,
Пріударили во копья Мурзамецкія,
Они другъ друга били по бѣлой груди,
По бѣлой груди били нежалухою
И со всея силы богатырскія;
Подъ ними доспѣхи были очень крѣпкіе;
У нихъ копья въ рукахъ погибалися,
По маковкамъ копья отломилися;
Они другъ друга не сшибли съ добрыхъ коней,
Они другъ друга не били не ранили,
Ни котораго мѣстечка не кровавили.
Становили добрыхъ коней богатырскіихъ
И сходили съ добрыхъ коней на матушку сыру землю.
Надо биться молодцамъ имъ боемъ-рукопашкою
И отвѣдать надо силушки великоей.
Эта поленичища удалая
Она была зла-догадлива,
Подходила ко богатырю могучему,
Старому казаку Ильѣ Муромцу,
Подхватила-то его на косу бодру

И здынула (*) выше головы,
И ступила на бѣлую грудь,
И беретъ свою рогатину звѣриную,
Заносила руку правую выше головы
И спустить хотѣла ниже пояса.
Тутъ по Божьему повелѣнію
Рука правая въ плечѣ застоялася,
Въ очахъ у ней свѣтъ помущается;
(Она стала у богатыря выспрашивать:
«Ты скажи-то мнѣ, богатырь свято-русскій:
«Какъ-то молодца по имени зовутъ,
«Звеличаютъ удалаго по отечеству?»)
На бою-то Ильѣ смерть не написана.
Разгорѣлося его сердце богатырское:
Какъ отмахнетъ свою руку правую,
И сшибъ онъ поленицу со бѣлой груди.
Онъ скорешенько скочилъ да на рѣзвы ноги,
Схватилъ-то паленицу за желты кудри,
Здынулъ онъ поленицу выше головы,
Спустилъ-то на матушку сыру землю,
Ступилъ онъ поленицы на бѣлы груди,
Беретъ свой ножъ булатный во бѣлы руки,
Заносилъ онъ ручку правую выше головы
И спустить ее хочетъ ниже пояса,
Права рученька его въ плечѣ застоялася,
Во ясныхъ очахъ свѣтъ помущается;
Сталъ у поленицы выспрашивати:
— Скажи-ка мнѣ, поленица, попровѣдай-ка,
— Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
— Какъ поленицу именемъ зовутъ,
— Звеличаютъ удалую по отечеству?—
Говорила поленица таковы слова:
«Ай же ты, старая базыга ново-древняя!
«Тебѣ просто надо мною насмѣхатися,

(*) Подбросила.

«Какъ стоишь ты надъ моею грудью бѣлою,
«Во рукахъ держишь кинжалище булатное!
«Есть бы была я на твоей бѣлой груди,—
«Пластала бы я твои груди бѣлыя,
«Доставала бы твое сердце съ печенью,
«И не спросила бы ни батюшки, ни матушки,
«Ни твоего роду и ни племени.»
Беретъ свой ножъ булатный во бѣлы руки,
Заносилъ онъ ручку правую выше головы
И спустить ее хочетъ ниже пояса.
Права рученька его въ плечѣ застоялася,
Во ясныхъ очахъ свѣтъ помущается,
Сталъ у поленицы выспрашивати:
— Скажи-ка мнѣ, поленица, попровѣдай-ка:
— Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
— Какъ поленицу именемъ зовутъ,
— Звеличаютъ удалую по отечеству?—
Говорила поленица таковы слова:
«Ай же ты, старая базыга ново-древняя!
«Тебѣ просто надо мною насмѣхатися,
«Какъ стоишь ты надъ моею грудью бѣлою,
«Во рукахъ держишь кинжалище булатное!
«Есть бы была я на твоей бѣлой груди,—
«Пластала бы я твои груди бѣлыя,
«Доставала бы твое сердце со печенью
«И не спросила бы ни батюшки, ни матушки,
«Ни твоего рода и ни племени.»
Беретъ свой ножъ булатный во бѣлы руки,
Заносилъ онъ ручку правую выше головы
И спустить ее хочетъ ниже пояса.
Права его рученька во плечѣ застоялася,
Во ясныхъ очахъ свѣтъ помущается,
Сталъ у поленицы выспрашивати:
— Скажи-ка мнѣ, поленица, попровѣдай-ка,
—Ты съ коей земли, да ты съ коей Литвы,
—Какъ поленицу именемъ зовутъ,

— Звеличаютъ удалую по отечеству?—
Говорила поленица и заплакала:
«Ай же, удаленькій дородный добрый молодецъ!
«Есть-то я изъ темной орды, храброй Литвы,
«Есть-то я вдовина дочь;
«У меня была матушка калачница,
«Калачи пекла, поторговывала,
«Тѣмъ меня и воспитывала;
«И я возрасла до полнаго до возраста,
«Имѣю силу великую въ могучихъ плечахъ;
«Избирала я коня богатырскаго,
«И послала меня матушка
«На славну на святую Русь
«Попровѣдати про батюшку.»
Старый казакъ Илья Муромецъ
Скорешенько соскочитъ со бѣлыхъ грудей,
Беретъ ее за ручушки за бѣлыя
И за ея за перстни за злаченые,
Становилъ-то ее да на рѣзвы ноги,
Цѣловалъ онъ ее во уста во сахарныя
И говорилъ онъ съ ней таковы слова.
— Жилъ я въ храброй Литвѣ
— По три году поры-времени,
— Выхаживалъ дани-выходы отъ князя Владиміра,
— И жилъ я у твоей родителя-у-матушки,
— Спалъ я на кроваткѣ на тесовыя,
— На той на перинкѣ на пуховоей,
— У нея у самой на правой ручкѣ.—
И называлъ ее дочерью себѣ любимою.
Они сѣли на добрыхъ коней богатырскіихъ.
И поѣхали по славну по раздольицу чисту полю,
И въ раздольицѣ чистомъ полѣ разъѣхались.
Старый казакъ Илья Муромецъ
Послѣ бою, послѣ драки великія
Пораздернулъ шатеръ бѣленькій полотняный,
Легъ онъ спать да прохлаждатися.

А поленица-то удалая,
Она ѣздитъ во чистомъ полѣ,
Сама она да и пораздумалась:
«Хоть я ѣздила на матушку святую Русь,
«То я сдѣлала насмѣшку на святой Руси:
«А поѣду я ко городу ко Кіеву
«И наѣду я богатыря въ чистомъ полѣ,
«Убью-то я богатыря въ чистомъ полѣ,
«Не спущу этой насмѣшки на святой Руси.»
Подъѣзжаетъ къ шатру бѣленькому полотняну,
Бьетъ она рогатиной по бѣлу шатру
Со всея со силы богатырскія.
Отлетѣлъ-то шатеръ бѣленькій въ чисто поле:
Спитъ Илья Муромецъ, высыпается,
Не прохватится ото сна богатырскаго,
Реветъ-то его добрый конь, бурушко косматенькій,
Бьетъ во матушку во сыру землю
Правою ногою переднею:
Мать сыра земля продрагиваетъ,
Илья Муромецъ, онъ спитъ не прохватится,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
Эта поленичица удалая
Бьетъ рогатиной звѣриной по его бѣлой груди:
У Ильи-то чуденъ крестъ на воротѣ,
Не малый крестъ—полтора-пуда.
Пробудился онъ отъ звона крестоваго,
Вскинулъ свои очи ясныя:
Стоитъ поленичица на добромъ конѣ
Надъ верхомъ какъ сильна гора,
И бьетъ его рогатиной звѣриной по бѣлой груди.
Отмахнулъ свою онъ руку правую,
Онъ отшибъ коня-то отъ бѣлой груди;
Скорешенько скочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Схватилъ онъ поленицу за желты кудри,
Здынулъ онъ поленицу выше головы,
Спустилъ онъ поленицу о сыру землю,

Спустилъ онъ поленицу, выговаривалъ:
— Не твой-то кусъ, да не тебѣ-то ѣсть
— И не тебѣ убить Илью Муромца!—
Ступилъ онъ поленицы на лѣву ногу
И подернулъ поленицу за правую ногу:
Онъ ее на двое порозорвалъ.
Первую частиночку рубилъ онъ на мелки куски
И рылъ онъ по раздольицу чисту полю,
Кормилъ эту частиночку сѣрымъ волкамъ;
А другую частиночку рубилъ онъ на мелки куски,
Рылъ онъ по раздольицу чисту полю,
Кормилъ эту частиночку чернымъ воронамъ.
Тутъ поленицы и славу поютъ.

ПѢСНЯ VII.

БОЙ ИЛЬИ СЪ СЫНОМЪ.

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цицарскіихъ,
Стояла застава богатырская
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ;
Подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичъ младъ;
Есаулъ Алеша Поповскій сынъ;
Еще былъ у ихъ Гришка Боярскій сынъ,
Всѣ были братцы на разъѣздицѣ:
Гришка Боярскій въ тѣ-поры кравчимъ жилъ;
Алёша Поповичъ ѣздилъ въ Кіевъ градъ;
Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ,
Спалъ въ бѣломъ шатрѣ;
Добрыня Никитичъ ѣздилъ ко синю морю,
Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
За той ли за охотой за молодецкою:
На охотѣ стрѣлять гусей-лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ ископоть великую,
Ископоть велика—полъ-печи.
Учалъ онъ ископоть досматривать:
«Еще что же то за богатырь ѣхалъ?
«Изъ этой земли изъ Жидовскія.
«Проѣхалъ Жидовинъ могучъ богатырь,

«На эти степи Цицарскія!»
Пріѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ градъ,
Прибиралъ свою братію приборную:
«Ой вы гой-еси, братушки-ребятушки!
«Мы что на заставушкѣ устояли?
«Что на заставушкѣ углядѣли?
«Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ!»
Собирались они на заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ?
Положили на Ваську Долгополаго.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
«Не ладно, ребятушки, положили;
«У Васьки полы долгія:
«По землѣ ходитъ Васька,—заплетается;
«На бою-на дракѣ заплетется;
«Погинетъ Васька по напрасному.»
Положились на Гришку на Боярскаго:
Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
«Не ладно, ребятушки, удумали;
«Гришка рода боярскаго:
«Боярскіе роды хвастливые;
«На бою-дракѣ призахвастается;
«Погинетъ Гришка по напрасному.»
Положились на Алешу на Поповича:
Алешкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Побить нахвальщика на чистомъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
«Не ладно, ребятушки, положили
«Алешенька рода Поповскаго;

«Поповскіе глаза завидущіе,
«Поповскія руки загребущія;
«Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
«Много злата, серебра, —
«Злату Алеша позавидуетъ;
«Погинетъ Алеша по напрасному.»
Положили на Добрыню Никитича:
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
По плечъ отсѣчь буйну голову,
Привести на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается.
Походитъ Добрыня на конюшній дворъ,
Имаетъ Добрыня добра коня,
Уздаетъ въ уздечку тесмяную,
Сѣдлалъ въ сѣдельшко Черкаское,
Въ торока вяжетъ палицу боевую, —
Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ, —
На бедры беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую.
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ на полѣ чернизину;
Поѣхалъ прямо на чернизину;
Кричалъ зычнымъ, звонкимъ голосомъ:
«Воръ, собака, нахвальщина!
«Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь, —
«Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
«Подъ-атаману Добрынѣ Никитичу?
Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
«На всю нашу братію наборную?»
Учулъ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на Добрыню Никитича.
Сыра мать-земля всколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася,
Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ.

Добрыня Никитичъ младъ
Господу Богу возмолится,
И Мати Пресвятой Богородицѣ:
«Унеси, Господи, отъ нахвальщика!»
Подъ Добрыней конь посправился, —
Уѣхалъ на заставу богатырскую.
Илья Муромецъ встрѣчаетъ его
Со братiею со приборною.
Сказываетъ Добрыня Никитичъ младъ:
«Какъ выѣхалъ на гору Сорочинскую,
«Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
«Увидѣлъ на полѣ чернизину,
«Поѣхалъ прямо на чернизину.
«Кричалъ громкимъ, зычнымъ голосомъ:
««Воръ, собака, нахвальщина!
««Зачѣмъ ты нашу заставу проѣзжаешь, —
««Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
««Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
««Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь,
««На всю нашу братью на приборную?»
«Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ голосъ,
«Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
«Попущалъ на меня добра молодца:
«Сыра мать-земля всколебалася,
«Изъ озеръ вода выливалася,
«Подо мною конь на колѣнца палъ.
«Тутъ я Господу Богу взмолился:
«Унеси меня, Господи, отъ нахвальщика!»
«Подо мной тутъ конь посправился,
»Уѣхалъ я отъ нахвальщика
«И прiѣхалъ сюда, на заставу богатырскую.»
Говоритъ Илья Муромецъ:
«Больше не кѣмъ замѣнитися,
«Видно ѣхать атаману самому!»
Походитъ Илья на конюшній дворъ,
Имаетъ Илья добра коня,

Уздаетъ въ уздечку тесмяную,
Сѣдлаетъ въ сѣделышко Черкаское,
Въ торока вяжетъ палицу боевую, —
Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ, —
На бедры беретъ саблю вострую,
Во руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую;
Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго,
Увидѣлъ на полѣ чернизину;
Поѣхалъ прямо на чернизину;
Вскричалъ зычнымъ, громкимъ голосомъ:
«Воръ, собака, нахвальщина!
«Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь, —
«Мнѣ атаману Ильѣ Муромцу челомъ не бьешь?
«Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
«Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь,
«На нашу братью наборную?»
Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попущалъ на Илью Муромца.
Илья Муромецъ не удробился,
Съѣхался Илья съ нахвальщикомъ:
Впервые палками ударились, —
У палокъ цѣвья отломалися,
Другъ дружку не ранили;
Саблями вострыми ударились, —
Востры сабли приломалися,
Другъ дружку не ранили;
Вострыми копьями кололись, —
Другъ дружку не ранили;
Бились, дрались рукопашнымъ боемъ,
Бились, дрались день до вечера,
Съ вечера бьются до полуночи,
Съ полуночи бьются до бѣла свѣта:
Махнетъ Илейко ручкой правою, —
Поскользнетъ у Илейки ножка лѣвая,

Палъ Илья на сыру землю;
Сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди,
Вынималъ чинжалище(*) булатное;
Хочетъ вспороть груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
По плечь отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщина наговаривать:
— Старый ты старикъ, старый, матерый!
— Зачѣмъ ты ѣздишь на чисто поле?
— Будто не кѣмъ тебѣ старику замѣнитися?
— Ты поставилъ бы себѣ келейку
— При той путѣ при дороженькѣ;
— Сбиралъ бы ты, старикъ, во келейку;
— Тутъ бы, старикъ, сытъ — питаненъ былъ. —
Лежитъ Илья подъ богатыремъ
Говоритъ Илья таково слово:
«Да не ладно у Святыхъ Отцевъ написано,
«Не ладно у Апостоловъ удумано;
«Написано было у Святыхъ отцевъ,
«Удумано было у Апостоловъ:
«Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому;
«А теперь Илья подъ богатыремъ!»
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщину въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева жароваго,
Палъ нахвальщина на сыру землю;
Въ сыру землю ушелъ до поясъ.
Вскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Сѣлъ нахвальщинѣ на бѣлы груди.
Говорилъ старый да таковы слова:
Ты скажись-ко, да скажись, добрый молодецъ,
Ты коей земли, да коей орды?
Какъ тебя еще именемъ зовутъ,
Да какъ тебя величаютъ по изотчеству?»

(*) Кинжалъ.

А въ исподи лежитъ да лихое думаетъ:
«Кабы я сидѣлъ да на твоихъ грудяхъ,
«Дакъ не спрашивалъ бы имени да отчины....»
Говорилъ Илья Муромецъ во второй наконъ,
Говорилъ Илья да и въ третій наконъ.
Не дождался отвѣту отъ молодца,
Дакъ и вынулъ Илья свой булатный ножъ.
И видитъ молодецъ, что хлопота пришла,
Отвѣчалъ молодецъ: «я такой земли, да такой орды,
Что по имени зовутъ меня — Сокольщичекъ,
А по отчеству зовутъ меня — Нахвальщичекъ,
Молодой вдовы Амелфы Тимоѳевны родной я сынъ.»
Тутъ сходилъ старый со бѣлыхъ грудей,
Становился старый на рѣзвы ноги:
«Ты скажи-тка, скажи молодой вдовѣ
Отъ старика казака поклоны низкіе.»
А самъ поѣхалъ къ бѣлу шатру полотняну,
А Сокольщичекъ поѣхалъ къ своей матери
Говоритъ она ему да таково слово:
«Что же ты, чадо мое милое,
«Колько ты по чисту полю не ѣзживалъ,
«А въ эдакомъ виду не пріѣзживалъ:
«Ты ли, вѣдь, дитя съ лица смѣненъ!»
А Сокольщичекъ отвѣтъ держалъ:
«Попалъ какъ я, мать, на стараго,
«Попалъ на старика невеселаго,
«Да едва, мать, старичище-то жива спустилъ;
А тебѣ, мать, старичище-то поклонъ послалъ.»
«А помни-тко, чадо мое милое,
Какъ поѣзжалъ въ первый разъ ты въ чисто поле,
Какъ я тебѣ, вѣдь, наказывала:
Бейся въ чистомъ полѣ со всякими,
Да не бейся, барте (*), со старыми,
Да не бейся-ка съ угрюмыми,

(*) Барте — пожалуйста.

Да не бейся со стариками невеселыми.
А той-отъ старичище тебѣ родной отецъ!»
То Сокольщику не показалося:
«По примѣтамъ, знать, я заугольничекъ.»
Да отсѣкъ сынокъ буйну голову,
Родной матери буйну голову.
И поѣхалъ къ бѣлу шатру полотняну
Разсѣчь стараго на-двое.
Пріѣзжалъ къ бѣлу шатру полотняну,—
Старый спитъ и не пробудится.
Обнажилъ сынокъ саблю вострую
И положилъ свое злобно намѣренье
Да разсѣчи стара на-двое.
И махнулъ стара по бѣлымъ грудямъ.
Попало старику да во чуденъ крестъ,
А той-отъ-ли крестъ полтора пуда.
Отъ того старый пробуждается,
Да не долго старый сряжается,
Не досугъ Илюхѣ много спрашивать, —
Скоро споролъ груди бѣлыя,
Скоро затьмилъ очи ясныя,
По плечъ отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копье на булатное,
Повезъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью Муромца,
Со своей братьей приборною.
Илья бросилъ голову о сыру землю
И самъ говорилъ таково слово:
«Два чада было на вѣку спорожено,
«Да и тѣмъ отъ своихъ рукъ смерть предана.

ПѢСНЯ VIII.

БИТВА СЪ КАЛИНОМЪ ЦАРЕМЪ.

Что у ласкова князя Владиміра
Заводился пиръ на веселѣ:
Собрались князья, бояры,
Сильные могучіе богатыри
И вся поленица удалая.
Заводился пиръ въ полу-пирѣ,
Сахарныя кушанья въ полукушаньѣ
Питья медвяныя въ полупитьѣ.
Стали бояры наѣдатися,
Стали бояры напиватися,
Стали бояре призахвастываться:
Кто хвастаетъ чистымъ серебромъ,
Кто хвастаетъ краснымъ золотомъ,
Кто хвастаетъ скатнымъ жемчугомъ,
Кто хвастаетъ золотой казной.
Какъ возговоритъ Владиміръ князь:
«Полно вамъ, бояры, хвастати!
«Стану я васъ дарити, жаловать,
«Кого буду дарить чистымъ серебромъ,
«Кого буду дарить краснымъ золотомъ,
«Кого жаловать скатнымъ жемчугомъ.»
Тутъ стала бы княгиня говорить:
— Ты гой еси, батюшка, Владиміръ князь!

— Всѣхъ ударилъ ты, всѣхъ ужаловалъ:
— Одного только удалаго добраго молодца
— Не дарилъ ты, не ужаловалъ,
— Что по имени-то Илью Муромца. —
«Ты гой еси, княгиня, неразумная!
«Подарю я удала добра молодца
«Тѣми дарами, которы мнѣ пришли
«Отъ Татарина, отъ Бусурманова:
«Подарю я его тою шубой соболиною.»
Беретъ Илья Муромецъ шубу за одинъ рукавъ,
И бьетъ шубу о кирпищатъ полъ,
А самъ къ шубѣ приговариваетъ;
«Велитъ-то мнѣ Богъ шубу бить
«О кирпищатъ полъ:
Велитъ-ли мнѣ Богъ бивать
«Татарина Бусурманова?»
Тутъ князья и бояры подмолвились:
— Гой еси, батюшко, Владимiръ князь!
— Всѣмъ-то намъ твои дары по любви пришли,
— Одному-то удалому молодцу
— Дары тѣ не по любви пришли,
— Что по имени-то Ильѣ Муромцу:
— Беретъ онъ шубу за одинъ рукавъ
— И бьетъ о кирпищатъ полъ,
— А самъ къ шубѣ приговариваетъ:
— «Велѣлъ Богъ бить шубу о кирпищатъ полъ...»
Взять было удалаго молодца,
— Что по имени-то Илью-Муромца,
— Повести было его на горы высокiя,
— Бросить его въ погреба глубокiе,
— Задернуть рѣшетками желѣзными,
— Завалить чащей, хрящемъ-камнемъ!
Взяли тутъ удалова молодца.
Скурлаты немилостивы,
Повели на горы высокiя,
Бросили въ погреба глубокiе,

Задернули рѣшетками желѣзными,
Завалили чащей, хрящемъ-камнемъ.
Княгиня была сдогадлива:
Копала подкопы подъ тѣ погребы,
Кормила и поила добраго молодца,
Что по имени Илью Муромца,
Поила, кормила равно три года.
Черезъ три года накатила сила невѣрная,
Да изъ Орды, Золотой земли,
Изъ тоя Могозеи богатыя,
Когда подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ, царь Калиновичъ,
Ко стольному городу ко Кiеву,
Съ своею силою поганою;
Не дошедъ онъ до Кiева семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,
Сбиралося съ нимъ силы на сто верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.
Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго;
А отъ духу Татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.
Садился Калинъ на ременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Ко стольному городу ко Кiеву,
Ко ласкову князю Владимiру;
Что выбралъ Татарина выше всѣхъ:
А мѣрою тотъ Татаринъ трехъ саженъ,
Голова на Татаринѣ съ пивной котелъ,
Который котелъ сорока ведеръ,
Промежъ плечами косая сажень.
Отъ мудрости слово написано:
Что «возьметъ Калинъ царь стольный Кiевъ градъ,

«А Владиміра князя въ полонъ полонитъ,
«Божьи церкви на дымъ пустить.»
Даетъ тому Татарину ярлыки скорописчаты,
И послалъ его въ Кіевъ на скоро.
Садился Татаринъ на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
А и будетъ онъ Татаринъ въ Кіевѣ;
Середи двора княжецкаго,
Сскакалъ Татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ;
Бѣжитъ онъ во гридню во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,
Владиміру князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ;
Бросалъ ярлыки на круглый столъ
Передъ великаго князя Владиміра;
Отшедъ Татаринъ, слово выговорилъ:
«Владиміръ князь стольный Кіевскій!
«А на скорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ,
«Безъ бою, безъ драки великія,
«И безъ того кроволитія напраснаго!»
Владиміръ князь запечалился,
А на скорѣ ярлыки распечатывалъ и просматривалъ,
Глядючи въ ярлыки заплакалъ, свѣтъ.
По грѣхамъ надъ княземъ учинилося:
Богатырей въ Кіевѣ не случилося,
А Калинъ царь подъ стѣною стоитъ,
А съ Калиномъ силы написано
Ни много, ни мало—на сто верстъ
Во всѣ четыре стороны.
Еще съ Калиномъ сорокъ царей со царевичемъ,
Сорокъ королей съ королевичемъ.
Подъ всякимъ царемъ силы по три тьмы, по три тысячи:
По праву руку его зять сидитъ,
А зятя зовутъ у него Сартакомъ;

А по лѣву руку сынъ сидитъ,
Сына зовутъ Лоншекомъ.
И то у нихъ дѣло не окончено,
Татаринъ изъ Кіева не выѣхалъ.
Втапоры Василій Пьяница
Вбѣжалъ на башню на стрѣльную,
Беретъ онъ свой тугой лукъ разрывчатый,
Калену стрѣлу переную,
Наводилъ онъ трубками Нѣмецкими,
А гдѣ-то сидитъ злодѣй Калинъ царь;
И тотъ-то Василій Пьяница
Стрѣлялъ онъ тутъ въ Калина царя;
Не попалъ въ собаку Калина царя,
Что попалъ онъ въ зятя его Сартака,
Угодила стрѣла ему въ правый глазъ,
Ушибъ его до смерти.
И тутъ Калину царю за бѣду стало,
Что перву бѣду не утушили,
А другую бѣду они загрезили:
Убили зятя любимаго
Съ тоя башни со стрѣльныя.
Посылалъ другаго Татарина
Ко тому князю Владиміру,
Чтобы выдалъ того виноватаго.
Тутъ-то Владиміръ князь
Весьма закручинился, запечалился;
Повѣсилъ онъ буйную голову на праву сторону,
Потупилъ онъ ясныя очи въ кирпищатъ полъ.
Тутъ ему княгиня подмолвилась:
— Что ты, батюшко, Владиміръ князь,
— Закручинился, запечалился,
— Повѣсилъ буйну голову на праву сторону,
— Потупилъ очи ясныя въ кирпищатъ полъ?
«Ты гой еси, княгиня, неразумная!
«Накатилась на насъ сила невѣрная,
«Того было царя Калина,

«Обстала престольный Кіевъ градъ
«Вокругъ на сто верстъ:
«А нѣтъ у насъ стоятеля,
«Нѣтъ у насъ оберегателя,
«Удалаго добра молодца Ильи Муромца!»
Говоритъ тутъ княгиня князю Владиміру:
— Ты гой еси, батюшко, Владиміръ князь!
— Ты вскричи своимъ вѣрнымъ слугамъ,
— Скурлатамъ немилостивымъ,
— Чтобы сходили они на горы на высокія,
— Развалили чащи, хрящи-камни,
— И отворили рѣшетки желѣзныя,
— Посмотрѣли бы удалаго добра молодца,
— Что по имени-то Илью Муромца:
— Не живъ-ли онъ?—
Отвѣчаетъ ей Владиміръ князь:
«Ты гой еси, княгиня, неразумная!
«Сними-ко ты буйную голову,—
«Приростетъ-ли она къ плечамъ?
«Такъ будетъ-ли живъ чрезъ три годы
«Удалый добрый молодецъ
«Что по имени Илья Муромецъ?»
Говоритъ княгиня князю Владиміру:
— Посылай только, онъ живъ сидитъ.—
Выходилъ князь Владиміръ на красно крыльцо,
Закричалъ онъ зычнымъ голосомъ
Слугамъ вѣрнымъ, неизмѣннымъ:
«Вы гой еси, слуги вѣрные!
«Вы подите-ко на горы на высокія,
«Развалите чащи, хрящи-камни,
«Раздерните рѣшетки желѣзныя:
«Посмотрите, живъ аль нѣтъ Илья Муромецъ?»
Пошли слуги на горы на высокія,
Развалили чащи, хрящи-камни,
Отворяли рѣшетки желѣзныя,
Закричали зычнымъ голосомъ:

— Ты гой еси, удалый добрый молодецъ,
— Живъ ли ты, али нѣту-ка?—
Далъ имъ голосъ Илья Муромецъ.
Спускали тутъ къ нему лѣстницы,
Въ погреба-то глубокіе:
Выходилъ на Божій свѣтъ Илья Муромецъ.
Отвели его слуги къ князю Владиміру.
Пріѣхалъ онъ во стольный Кіевъ градъ,
Середи двора княженецкаго
Соскочилъ Илья съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ;
Идетъ во гридню во свѣтлую,
Онъ молится Спасу со Пречистою,
Бьетъ челомъ князю со княгинею,
И на всѣ четыре стороны,
А самъ Илья усмѣхается:
«Гой еси, сударь, Владиміръ князь!
«Что у тебя за болванъ пришелъ,
«Что за дуракъ неотесанный?»
Владиміръ князь стольный Кіевскій
Подаетъ ярлыки скорописчаты;
Принялъ Илья, самъ прочитывалъ.
Говорилъ тутъ ему Владиміръ князь:
— Гой еси, Илья Муромецъ!
— Пособи мнѣ думушку подумати:
Здать ли мнѣ, не здать ли Кіевъ градъ,
— Безъ бою мнѣ, безъ драки великія,
— Безъ того кроволитія напраснаго?
Говоритъ Илья таково слово:
«Владиміръ князь стольный Кіевскій!
«Ни о чемъ ты, осударь, не печалуйся:
«Боже Спасъ оборонитъ насъ,
«А не что, Пречистой и всѣхъ сохранитъ.
«Насыпай ты мису чиста серебра,
«Другую красна золота,
«Третью мису скатнаго жемчуга;

«Поѣдемъ со мною ко Калину царю,
«Со своими честными подарками;
«Тотъ Татаринъ дуракъ насъ прямо доведетъ.»
Наряжался князь тутъ поваромъ,
Замарался сажею котельною;
Поѣхали они ко Калину царю,
А прямо ихъ Татаринъ въ лагери ведетъ.
Пріѣхалъ Илья ко Калину царю
Въ его лагери Татарскіе;
Скочилъ Илья съ добра коня,
Калину царю поклоняется,
Самъ говоритъ таково слово:
«А и Калинъ царь, злодѣй Калиновичъ!
«Прими наши дороги подарочки
«Отъ великаго князя Владиміра:
«Перву мису чиста серебра,
«Другую красна золота,
«Третью мису скатнаго жемчуга;
«А дай ты намъ сроку на три дни,
«Въ Кіевѣ намъ пріуправиться,
«Отслужить обѣдни съ панихидами,
«Какъ, де, служатъ по усопшимъ душамъ,
«Другъ съ дружкой проститися.»
Говоритъ тутъ Калинъ таково слово:
— Гой еси ты, Илья Муромецъ!
— Выдайте вы намъ виноватаго,
— Который стрѣлялъ съ башни со стрѣльныя,
— Убилъ моего зятя любимаго.—
Говоритъ ему Илья таково слово:
«А ты слушай, Калинъ царь, повелѣнное:
«Прими наши дороги подарочки
«Отъ великаго князя Владиміра;
«Гдѣ намъ искать такого человѣка и вамъ отдать?»
И тутъ Калинъ принялъ золоту казну
Не честно у него, самъ прибраниваетъ.
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,

Что не далъ сроку на три дни и на три часа;
Говорилъ таково слово:
«Собака, проклятый ты Калинъ царь!
«Отойди съ татарами отъ Кіева,
«Охота-ли вамъ, собака, живымъ быть!»
И тутъ Калину царю за бѣду стало,
Велѣлъ татарамъ схватать Илью;
Связали ему руки бѣлыя
Во крѣпки чембуры (*) шелковые.
Втапоры Ильѣ за бѣду стало,
Говорилъ таково слово:
«Собака, проклятый ты Калинъ царь!
«Отойди прочь съ татарами отъ Кіева,
«Охота ли вамъ, собака, живымъ быть!»
И тутъ Калину за бѣду стало,
И плюетъ Ильѣ во ясны очи:
— А Русскій людъ всегда хвастливъ:
— Опутанъ весь, будто лысый бѣсъ,
— Еще ли стоитъ передо мною, самъ хвастаетъ!—
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюетъ Калинъ въ ясны очи;
Вскочилъ въ пол-древа стоячаго,
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ;
Не допустятъ Илью до добра коня
И до его-то до палицы тяжкія,
До мѣдны, литы въ три тысячи,—
Схватилъ Илья татарина за ноги,
Который ѣздилъ въ Кіевъ градъ
И зачалъ Татариномъ помахивати:
Куда-ли махнетъ,—тутъ и улицы лежатъ,
Куды отвернетъ,—съ переулками,
А самъ Татарину приговариваетъ:
«А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится,

(*) Поводья.

«А жиловатъ, собака, не изорвется!»
И только Илья слово выговорилъ,—
Оторвется глава его Татарская,
Угодила та глава по силѣ вдоль,
И бьетъ ихъ, ломитъ, въ конецъ губитъ;
Достальные татара на побѣгъ пошли,
Въ болотахъ, въ рѣкахъ притонули всѣ,
Оставили свои возы и лагери.
Воротился Илья онъ ко Калину царю,
Схватилъ онъ Калина во бѣлы руки,
Самъ Калину приговариваетъ:
«Васъ-то царей не бьютъ, не казнятъ,
«Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ.»
Согнетъ его корчагою,
Воздымалъ выше буйны головы своей,
Ударилъ его о горючь камень,
Разшибъ его въ крохи....
Достальные Татара на побѣгъ бѣгутъ,
Сами они заклинаются:
«Не дай Богъ намъ бывать до Кіеву,
«Не дай Богъ намъ видать Русскихъ людей!
«Неужто во Кіевѣ всѣ таковы:
«Одинъ человѣкъ всѣхъ Татаръ прибилъ?»
Пошелъ Илья Муромецъ
Искать своего товарища,
Того ли Василья Пьяницу Игнатьева:
И скоро нашелъ его на кружалѣ Петровскіемъ,
Привелъ ко князю Владиміру.
А пьетъ Илья довольно зелена вина
Съ тѣмъ Васильемъ со Пьяницей,
И называетъ Илья того Пьяницу
Василья братомъ названнымъ,—

ПѢСНЯ IX.

БИТВА ИЛЬИ СЪ МАМАЕМЪ.

Какъ во славномъ было городѣ въ Кіевѣ,
У ласкова князя Володиміра,
Собиралися князья и бояре
И сильные могучіе богатыри,
Собиралися думушку думати.
Наступалъ на Кіевъ царь Мамай
Со своею невѣрною силою.
Сталъ Владиміръ князь выспрашивать:
«Еще какъ-то намъ будетъ воеваться съ нимъ?»
Тутъ-то князья и бояре совѣтуютъ,
Что дѣлать надо стѣну бѣлокаменну,
Да засыпать желтымъ пескомъ.
Какъ вскочилъ тутъ старый казакъ,
Что старый казакъ — Илья Муромецъ,
Что со стула со золотаго;
Сталъ Илья Муромецъ рѣчь держать:
Что «надо послать къ Мамаю скора́ гонца,
«Попросить сроку на три мѣсяца,
«Чтобы силой намъ поисправиться,
«А могучимъ богатырямъ посъѣхатися.
«Есть на полѣ, на Куликовѣ,
«Есть у насъ тридевять богатырей;
«Алеша Поповичъ, Самсонъ богатырь,

«Святогоръ богатырь, Донъ Ивановичъ,
«Иванъ Колывановичъ»......
Посылалъ Владиміръ къ Мамаю скора гонца.
Пріѣзжалъ гонецъ къ Мамаю царю,
Не обсылаючись, не облыпаючись;
Клалъ указы на дубовый столъ,
А самъ сталъ на словахъ говорить:
«Гой еси, ты, царь Мамай!
«Проситъ нашъ Володиміръ князь
«У тебя сроку на три мѣсяца,
«Чтобы съ силою поисправиться,
«А могучимъ богатырямъ всѣмъ посъѣхаться.»
Царь Мамай разсмѣялся туть:
—Хошь просили бы вы сроку на три годы,
—Да и тутъ вамъ будетъ не исправиться;
—А силы у меня припасеныя:
—Сколько въ лѣсѣ лѣсу, на лѣсѣ листу;
—Окромѣ того у меня есть тридевять богатырей:
—Девять сыновей, девять дочерей, да девять зятевей;
—Сыро-матёро дубье поволачиваютъ,
—Кореньемъ къ верху пометываютъ,
—Однако даю сроку, сколько просите,
—Сколько просите — на три мѣсяца. —
Пріѣзжалъ гонецъ въ Кіевъ градъ
Къ ласкову князю Володиміру,
Говоритъ гонецъ таковы слова:
«Царь Мамай даетъ сроку на три мѣсяца.»
Посылать сталъ Володиміръ князь
Стараго казака Илью Муромца,
Что на поле, на Куликово,
Что за тридевятью богатырями.
Выходилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Выходилъ онъ на широкій дворъ
Выходилъ онъ въ стойлы бѣлокаменны,
Выбиралъ коня богатырскаго,
Сѣдлалъ коня богатырскаго,

Сѣдлалъ сѣделечкомъ черкацкіимъ,
Зашпиналъ двѣнадцатью подпругами шелковыми,
А тринадцатою подпругою булатною:
Не для красоты молодецкія,
А для крѣпости богатырскія.
Выѣзжалъ онъ на широкій дворъ,
Билъ коня палицей по крутымъ бедрамъ,
Скакалъ конь черезъ стѣну бѣлокаменну,
И ударился бѣжать во чисто поле.
А поскоки его были по пяти-то верстъ,
Изъ-подъ копытъ конь выметывалъ
Сырой земли по сѣнной копнѣ.
Прискакалъ Илья Муромецъ на поле,
Что на поле, на Куликово,
Гдѣ было тридевять богатырей,
Отмахивалъ плѣтовищемъ моложавымъ
По бѣлу шатру на праву сторону;
Говорилъ Илья Муромецъ таковы слова:
«Гой-еси, вы, тридевять богатырей,
«Алеша Поповичъ, Самсонъ богатырь,
«Святогоръ богатырь, Донъ Ивановичъ,
«Иванъ Колывановичъ!
«Проситъ васъ Володиміръ князь
«Изъ бѣды его выручить:
«Наступаетъ на него царь Мамай
«Со своею невѣрною силою.»
Говорятъ тутъ могучіе богатыри
Старому казаку Ильѣ Муромцу;
—Ты сойди-ко къ намъ во бѣлъ шатеръ,
—Выпить у насъ чару зелена вина,
—Зелена вина въ полтора ведра! —
Сходилъ Илья Муромецъ съ добра коня,
Входилъ онъ къ нимъ во бѣлъ шатеръ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Зелена вина въ полтора ведра.
Наливали богатыри другу чару,

Подносили чару Ильѣ Муромцу;
Съ той-ли чары Илью хмѣль зашибъ.
Ложился Илья Муромецъ во бѣломъ шатрѣ,
Во бѣломъ шатрѣ опочивъ держать.
Богатырскій сонъ по двѣнадцать денъ.
А Владиміръ князь Илью ждетъ-пождетъ,
Илью ждетъ-пождетъ и не дождется.
Посылаетъ ко Ильѣ онъ племянника,
Молодаго Ермака Тимоѳеича.
Выходилъ Ермакъ на широкій дворъ,
Заходилъ онъ въ стойлы бѣлокаменны,
Выбиралъ себѣ коня богатырскаго;
Сѣдлалъ сѣделечкомъ черкацкіимъ,
Зашпиналъ двѣнадцатью подпругами шелковыми,
А тринадцатою подпругою булатною:
Не ради красоты молодецкія,
А ради богатырскія крѣпости.
Выѣзжалъ Ермакъ на широкій дворъ,
Билъ онъ коня по крутымъ бедрамъ:
Поднимался конь чрезъ стѣну бѣлокаменну,
И ударялся конь во чисто поле.
Поскоки его были по пяти-то верстъ,
Изъ-подъ копытъ конь выметывалъ
Сырой земли по сѣнной копнѣ.
Пригонялъ на поле Куликово
И отмахивалъ плѣтовищемъ моложавымъ
По бѣлу шатру богатырскому:
«Ахъ вы гой еси, могучіе бргатыри,
«Алеша Поповичъ, Самсонъ богатырь,
«Святогоръ богатырь, Донъ Ивановичъ,
«Что Иванъ Колывановичъ!
«Проситъ васъ Володиміръ князь
«Во Кіевъ градъ на выручку:
«Наступаетъ на Кіевъ царь Мамай
«Со своею силою невѣрною!»
Говорятъ ему тутъ богатыри:

—Ты сойди-ко, Ермакъ, со добра коня,
—Ты войди-ко, Ермакъ, во бѣлъ шатеръ,
—Ты испей-ко чару зелена вина,
—Зелена вина въ полтора ведра. —
Отвѣчаетъ имъ молодой Ермакъ:
«Если выпить, какъ мой дядюшка,
«Что старый казакъ Илья Муромецъ,
«Такъ намъ не къ чему будетъ и пріѣхати.»
И поѣхалъ ко городу Кіеву.
Какъ пріѣхалъ онъ къ городу Кіеву,
Что нельзя ему въ городъ въѣхати:
Обступила вокругъ чужа сила.
Какъ въѣзжалъ Ермакъ на круту гору,
И сталъ онъ силу посмѣчивать,
Что посмѣчивать сталъ, пописывать:
А силы-то было видимо невидимо,
Ни смѣтить силы, ни списать нельзя.
А кромѣ того было тридевять богатырей:
Девять сыновей, да девять дочерей,
Да девять зятьевъ Мамаевыхъ,
А надъ всѣми набольшій царь Мамай.
Видитъ Ермакъ дѣлать нечего:
Поскакалъ онъ въ силу съ крутой горы,
Сталъ помахивать своей палицей,
А палица та въ двѣнадцать пудъ:
Куда ей махнетъ — тамъ и улица,
А отмахнетъ — переулочекъ.
И бился Ермакъ что двѣнадцать дней,
Побилъ онъ силы Мамаевой безъ счету,
А силы все, кажись, не убыло,
А Ермакъ изъ силы выбился.
Въѣзжалъ онъ на круту гору,
Раскидывалъ на горѣ бѣлъ шатеръ,
И ложился опочивъ держать.
Какъ посмотритъ вокругъ въ широко поле,
Не туманъ въ поле поднимается,

А ѣдутъ тамъ тридевять богатырей,
Впереди-то всѣхъ что старый казакъ,
Что старый казакъ Илья Муромецъ.
Подъѣзжаютъ богатыри ко крутой горѣ,
Къ молодому Ермаку Тимоѳеевичу:
«Помогай тебѣ Богъ, молодой Ермакъ,
«Молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ,
«Побивать силу невѣрную!»
Говоритъ ему тутъ старый казакъ,
Что старый казакъ Илья Муромецъ.
«Отдыхай теперь, молодой Ермакъ,
«Молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ!»
Посылалъ Илья Муромецъ богатырей,
Побивати силу невѣрную:
Которыхъ слалъ отъ синя моря,
Которыхъ слалъ отъ чиста поля,
А которыхъ слалъ отъ Почапъ рѣки, —
Чтобы въ нашу воду не бросалися,
Чтобы нашу воду не поганили.
И бились богатыри двѣнадцать дней,
И прибили всю силу невѣрную,
И Мамая царя со богатыри,
Съ девятью сыновьями, девятью дочерями
И со девятью зятевьями.
Въѣзжали всѣ на круту гору
Къ молоду Ермаку Тимоѳеевичу.
Просыпался тутъ молодой Ермакъ,
Молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ,
И поѣхали всѣ во Кіевъ градъ,
Что ко ласковому князю Володиміру.
Встрѣчалъ богатырей Владиміръ князь,
Принималъ онъ ихъ съ честью почестью;
Собиралъ всѣхъ князей, бояръ,
И сильныхъ могучихъ богатырей,
И гуляли всѣ, веселилися,
Не много, не мало — ровно тридцать дней.

ПѢСНЯ X.

БОЙ ИЛЬИ СЪ БАБИЩЕЙ.

Отправлялись тутъ могучіе богатыри
Что на поле, на Куликово,
Вѣдь въ Кіевѣ-то нельзя имъ жить:
Разгуляются, распотѣшатся,
Распотѣшатся, станутъ всѣхъ толкать;
А такія потѣхи богатырскія
Народу было не вытерпѣть,
Котораго толкнутъ — тому смерть, да смерть.
Отправлялъ тутъ ихъ Володиміръ князь.
Просили они князя Владиміра
Отпустити въ гости Илью Муромца
Съ молодымъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ,
Погулять въ поле, потѣшиться,
Богатырской удалью похвастаться.
Отпустилъ Илью Муромца Володиміръ князь
Съ молодымъ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ.
Отпускалъ ихъ съ честью, съ радостью.
Пріѣзжали богатыри на поле,
На широкое поле — Куликово;
Раскидывали тамъ бѣлы шатры,
Стали пить, гулять и тѣшиться,
Богатырской удалью хвастатись.
Прискакала вдругъ къ нимъ Бабища;

Головища у бабы съ дощанище;
А глазищи-то съ пивны корцы (*),
Говорила баба таковы слова:
«Гой еси, вы, тридевять богатырей!
«Побили вы нашу всю силу
«Всю силу Мамаеву;
«Побили вы тридевять богатырей,
«Которы сыры-матеры дубы
«Изъ земли повыволачивали
«А кореньемъ къ верху пометывали;
«Убили вы моего царя!
«А счастье было ваше великое,
«Что меня на бою не случилося!
«Выходите-ко теперь со мной битися!
«Выходите, поединьщики, по единому,
«А всѣмъ вамъ вдругъ биться нечестно!»
Богатыри тутъ призадумались.
Соскочилъ только старый казакъ,
Что старый казакъ — Илья Муромецъ:
«Дайте-ка мнѣ, братцы, съ ней расправиться!»
Молодому Ермаку Тимоѳеевичу
За обиду то показалося,
Что идетъ Илья Муромецъ съ бабой битися.
—Дайте-ко мнѣ, братцы, сперва развѣдаться,
—А пробьюсь я съ ней двѣнадцать дней,
—Пріѣзжайте меня попровѣдати.—
Выходилъ Ермакъ изъ бѣла шатра,
И садился онъ на добра коня,
Выѣзжалъ съ Бабищей въ чисто поле.
Какъ ударились они сперва палицами, —
Словно громъ грянулъ изъ темной тучи,
Приломали они свои палицы.
А послѣ стали биться копьями, —
Изломали и тутъ востры копья.

(*) Ковшикъ.

Сходили они съ коней богатырскихъ,
Бились въ рукопашный бой,
А и билися двѣнадцать дней.
Поизмучился молодой Ермакъ,
Молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ:
Стала Бабища одолѣвать его.
Пріѣзжалъ тутъ попровѣдать Илья Муромецъ:
«Тебѣ Богъ помочь, молодой Ермакъ,
«Молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ!»
Какъ возговоритъ молодой Ермакъ:
— Ахъ ты, дядюшка, Илья Муромецъ:
— Приходитъ мнѣ скорая смерть,
— Что отъ Бабищи, отъ Мамаишны! —
Говорилъ тутъ старый казакъ,
Что старый казакъ — Илья Муромецъ:
«Молодой ты Ермакъ Тимоѳеевичъ!
«Видно бабьей ухватки не знаешь ты?
«Ты бери-ко ее за бѣлы груди,
«Развернись, да ударь о сыру землю!»
Молодой Ермакъ тутъ послушливъ былъ:
Сохваталъ бабу за бѣлы груди
И ударилъ бабу о сыру землю,
Убилъ Бабищу до смерти. —

ПѢСНЯ XI.

САВИШНА ПРОГОНЯЕТЪ ТУГАРИНА ВЪ ОТСУТСТВІЕ ИЛЬИ, КОТОРЫЙ, ПОСЛѢ НЕУДАЧНОЙ ОХОТЫ, СОБИРАЕТСЯ ВЪ ЦАРЬ-ГРАДЪ.

Какъ было-то къ князю ко Владиміру,
Князья-бояра собиралися,
Собирались, низко кланялись,
Становились въ побѣдный кругъ,
Рѣчи слушали княженецкія.
Молвилъ слово Володиміръ князь:
«Князья-бояра вы мои вѣрные!
А и головы у васъ разумныя.
Избирите вы молодца промежъ себя,
А я дамъ ему рать мою сильную:
А кто съ нимъ пойдетъ, тотъ съ нимъ пойдетъ,
А кто съ нимъ нейдетъ, тотъ останется
Берегчи князя со княгинею.»
Князья - бояра слово слушали,
Слово выслушавъ, поклонилися,
Стали думу думати крѣпкую.
Надумали, говорили таково слово:
«Гой еси ты, ласковъ Володиміръ князь!
Мы всѣ съ тобой, съ княгинею,
За тебя мы положимъ наши головы,
А рѣчь поведетъ Илья Муромецъ:
Мы дадимъ ему нашихъ дѣтушекъ,

Коней спѣлыхъ, сабли острыя,
Стрѣлы мѣткія со туга лука.»
На томъ дѣло порѣшилося.
Слали гонца къ Ильѣ Муромцу:
«Спѣхомъ спѣши, рать въ поле веди
На того-ли ворога на Загорскаго,
На Тугарина, на Бѣлевича.»
Въ тѣ поры Ильи Муромца дома не случилося:
Полевалъ онъ далече во чистомъ полѣ,
Звѣря лютаго на копье ловилъ,
Соболей, куницъ на низокъ низалъ.
Во дворѣ была токмо Савишна,
Молода жена Ильи Муромца.
Слышитъ слово молода жена Савишна,
Грозенъ наказъ княженецкой-ятъ;
Молодое сердце надорвалося:
«Добро молвитъ, ты, гонецъ, назадъ бѣги,
А Илья за тобой не замѣшкаетъ.»
Проводила она гонца ласково
Наказала коня сѣдлать добраго,
Одѣвалась въ платье богатырское,
Не забыла колчанъ каленыхъ стрѣлъ,
Тугой лукъ, саблю острую.
Какъ сѣла въ сѣдло, только и видѣли.
И поѣхала ко городу Кіеву,
Къ великому князю къ Володиміру.
Какъ завидѣли князья-бояра богатырскій скокъ,
Какъ заслышали князья-бояра богатырскій свистъ,
Не дивилися долго скоку, посвисту,
Высылали спѣшно всю рать могучую,
Сами къ ласковому князю воротилися:
«Пошла, де, рать съ Ильей Муромцемъ,
А Тугарину, де, съ нимъ не сдобровать.»
Далеко въ чистомъ полѣ рати встрѣтились.
У Тугарина рать — туча черная.
Княженецкая рать — молонья свѣтлая.

Какъ сошлися, не взвидѣлись.
А и Тугаринъ не взвидѣлъ бѣла дня,
Убѣжалъ онъ въ свои улусы Загорскіе,
Проклинаючи богатыря Илью Муромца.
А богатырь Илья Муромецъ
Знать не зналъ, вѣдать не вѣдалъ,
Кто за него бился съ Тугаринымъ. —
Ѣздилъ Илья Муромецъ во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ ѣздилъ за охотою,
Стрѣлялъ Илья гусей, лебедей,
Стрѣлялъ малыхъ, перелетныхъ сѣрыхъ утушекъ,
И не могъ убить ни гуся, ни лебедя,
И не малыя перелетныя сѣрыя утицы,
А встрѣтилъ онъ калику, калику сорочинскую
И говоритъ Илья таково слово:
«Ай же ты, калика, калика перехожая!
Молодца въ тебѣ въ два меня,
И силы-то у тебя въ три меня,
А смѣлости нѣтъ и въ полъ-меня.
Скидай ты платьице каличье
И надѣвай платье богатырское,
Садись на моего добра коня
И поѣзжай въ Муромъ градъ
Къ тому подворью богатырскому.»
И думалъ подумывалъ калика перехожая:
«Не дать Ильѣ платьице силой возьметъ,
Силой возьметъ, да мнѣ-ка бокъ набьетъ.»
И скидывалъ подсумки рытаго бархата,
И скидывалъ онъ гуню сорочинскую;
И разувалъ онъ лапотки шелковые,
И воткнулъ онъ клюшку волжанку (*)
Во матушку сыру землю, —
И уходила та клюка до коковочки (**);

(*) Изъ дерева иволги.
(**) Верхній конецъ палки.

И скидывалъ онъ шляпу греческую,
И одѣвалъ онъ платье богатырское,
Садился на добра коня
И поѣхалъ во Муромъ градъ
Къ тому подворью богатырскому.
Обувалъ Илья лапотки шелковые,
Одѣвалъ Илья гуню сорочинскую,
Одѣвалъ Илья подсумки рытаго бархата,
Одѣвалъ Илья шляпу греческую
И выдернулъ клюшку волжанку
Со матушки сырой земли....,
Какъ скоро скажется, тихо дѣется,.....
И будетъ онъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
И приворачивалъ калика на царевъ кабакъ,
И зарычалъ калика зычнымъ голосомъ:
«Ай же вы, чумаки да цѣловальники!
Наливайте мнѣ вина на пять-сотъ рублей,
Мало разопьюсь, такъ на тысячу.»
Тутъ чумаки, цѣловальники
Всѣ съ кабаковъ разбѣжалися,
По чуланчикамъ всѣ да разчухалися (*).
Онъ зашелъ въ погреба глубокіе къ напиточкамъ,
Взялъ бочку сорокову подъ пазуху,
Другую-то взялъ подъ другую,
А третью-то бочку ногой катилъ,
Зарычалъ калика во всю голову:
«Собирайтесь, калики, на почестный пиръ.»
И напился калика, самъ спать заснулъ
На ту-ли на печку муравленую.
Тутъ чумаки цѣловальники собиралися,
Собиралися они въ едино мѣсто,
Пошли къ князю Владиміру жалиться;
И говоритъ Владиміръ таково слово:
«Ай же вы, чумаки цѣловальники!

(*) Попрятались.

Ведите сюда калику, какой онъ есть?»
Зачали калику съ печки побуживати,
Зачали калику потархивати (*),
И зачалъ калика съ печки спущатися,
За дубову воронечку (**) приниматися,
И убилъ всѣхъ чумаковъ и цѣловальниковъ;
И пошелъ мимо палаты княженецкія,
И зарычалъ калика во всю голову:
«Ай же ты, Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
Не калика былъ въ кабакѣ прохожая,
Былъ славный казакъ Илья Муромецъ.
Я теперь пойду въ Царь-градъ:
Тамъ наѣхала поганая Издолина,
По семи пудовъ хлѣба ѣстъ,
Ѣстъ по три быка яловика.»

(*) Толкать.
(**) Доска, повѣшенная на веревкахъ поперекъ избы.

ПѢСНЯ XII.

ПОДВИГИ ИЛЬИ ВЪ ЦАРѢ-ГРАДѢ.

Есть-то калика перехожая:
Тутъ-то каликушка справляется,
Тутъ-то калика снаряжается.
Ко городу калика къ Іерусалиму,
Сильный могучій-ли Иванище.
Идетъ-то калика перехожая
Въ меженный день по красному по солнышку,
А въ зимній день по дорогу по камню самоцвѣтному;
А лапотки были изъ семи шелковъ,
Промежъ проплетены камнями самоцвѣтными;
А была у калики клюка въ сорокъ пудъ.
Приходилъ калика къ городу Іерусалиму,
Господу-Богу помолился,
Въ Іорданѣ реченькѣ искупался,
Въ кипарисномъ деревцѣ сушился,
А къ Господнему гробу приложился.
Пошелъ калика назадъ домой,
Идетъ-то калика по чисту полю,
Идетъ-то онъ калика мимо Царь-градъ:
Какъ въ Царѣ-градѣ есть наѣхано:
Наѣхано поганое Идолище,
Одолѣли поганые Татарища.
Тутъ сильный могучій Иванище

Хваталъ онъ Татарина за руку,
Оттащилъ его на чисто поле.
Началъ у Татарина выспрашивать:
«Скажи-тка, Татаринъ, не утай себя,
Великъ-ли у васъ ростомъ поганое Идолище?»
Началъ ему Татаринъ высказывать:
«Есть у насъ поганое Идолище
Ростомъ двѣ сажени печатныя,
Въ ширину сажень печатная.
А глазища что пивныя чашища,
А головища что лоханище,
А носъ съ наружи съ локоть былъ.»
Какъ хваталъ онъ Татарина за руку,
Бросилъ его въ чисто поле:
Разлетѣлися татарскія косточки.
Идетъ тутъ Иванище по чисту полю,
А на встрѣчу ѣдетъ Илья Муромецъ:
«Ахъ ты, сильный могучій Иванище!
Ты откуда идешь, откуда бредешь,
Откуда бредешь, откуда путь держишь?»
«Я иду бреду отъ города Іерусалима,
Господу-Богу помолился,
Въ Іорданѣ реченькѣ искупался,
Въ кипарисномъ деревцѣ сушился,
А ко Господнему гробу приложился;
А шелъ я мимо Царь-града.»
«А все-ли въ Царѣ-градѣ по прежнему?»
Говоритъ тутъ сильный могучій Иванище:
«Не по старому въ Царѣ-градѣ, не по прежнему:
Одолѣли поганые Татаровья,
Наѣхалъ есть поганый Идолище.
Святые образы поколоты,
Поколоты, въ черной грязи потоптаны,
А въ Божьихъ церквахъ коней кормятъ.»
Говоритъ Илья таковы слова:
«Ахъ ты, с льный могучій Иванище!

За первыя тебя рѣчи я жаловалъ,
А за эти за рѣчи тебя бы наказалъ
По этому по тѣлу по нагому:
Есть у тебя силы съ дву меня,
А смѣлости ухватки половины нѣтъ.»
Скоро скидываетъ съ себя платье цвѣтное,
Надѣваетъ платья каличьи:
«А на-тка ты моего добра коня,
Хотя ѣзди, хотя водкомъ води,
А только не выѣзжай съ этого съ условнаго со мѣстечка.
А разувай лапотки семи шелковъ.»
Скоро Ванюшенька распястался (*),
Скидывалъ лапотки семи шелковъ;
Тутъ они платьями помѣнялися.
Говоритъ Илья таковы слова:
«А дай-ка мнѣ клюку-посохъ въ сорокъ пудъ.»
Сокрутился каликою перехожею,
Пошелъ онъ скорымъ скоро,
Пришелъ, прискакалъ въ Царь-градъ,
Закричалъ Илюша во всю голову:
«Ахъ ты, царь Константинъ Боголюбовичъ!
Дай мнѣ-ка злату милостыню спасеную,
Полно мнѣ каликой волочитися,
А пора мнѣ каликѣ душа спасти.»
Тутъ-то царскіе терема пошаталися,
Хрустальныя околицы посыпались.
Отъ того отъ крику отъ каличьяго;
У татарина сердечушко ужахнулось;
А царь-то Константинъ Боголюбовичъ возрадуется.
Тутъ-то Татаринъ воспроговоритъ:
«Ай же ты, царь Константинъ Боголюбовичъ!
Принимай калику перехожую,
Корми-ка ты калику досыта,
Пои ты калику до пьяна».—
Взималъ онъ калику перехожую,

(*) Раздѣлся.

Взималъ онъ, самъ возрадуется;
«Не красное солнышко пораспекло,
Не младъ-то свѣтѣлъ мѣсяцъ поразсвѣтѣлъ;
А показался въ Царѣ-градѣ
Старый казакъ Илья Муромецъ!
Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!
Отъ бѣдъ меня повыручи,
Отъ этой отъ смерти отъ напрасныя!»
Тутъ-то какъ поганое Идолище
Взималъ къ себѣ калику перехожую;
Началъ у калики выспрашивать:
«Ай же ты, калика Русская,
Русская калика перехожая.
Скажи-ка, калика, не утай себя;
Какой есть у васъ на Святой Руси
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Великъ-ли онъ ростомъ собою есть?»
«А волосомъ-ростомъ равнымъ съ меня;
Мы съ нимъ были братьица крестовые.»
«По многу-ли онъ выти-хлѣба ѣстъ,
По многу-ли пьетъ зелена вина?»
«А хлѣба ѣстъ по три калачика крупитчатыихъ,
А пьетъ зелена вина
На три пяточка на мѣдныихъ.»
«Чертъ-же у васъ на Руси, а не богатырь есть!
Я бы его на долонь поклалъ,
А другой-то рукой сверху прижалъ;
Да тутъ-бы съ него блинъ сталъ,
Да дунулъ бы его во чисто поле;
А я-то, сильный могучій Идолище,
Хлѣба ѣмъ по три хлѣба печеныихъ,
А пью-то вина по три ведра мѣрныхъ,
А щей хлебаю по той яловицы (*) по Русскія.»
«Въ нашемъ же городѣ Муромѣ,

(*) Корчага.

Въ томъ-ли селѣ Карачаровѣ,
У нашего-то батюшка
Была какъ корова обжориста.
Много ѣла-пила, тутъ и треснула:
А тебѣ бы поганому и также быть!»
Тутъ-то поганому не къ лицу пришло:
Эти рѣчи не слюбилися.
Хваталъ тутъ онъ ножище-кинжалище,
Бросилъ во Илью во Муромца.
Илюша былъ на ноженьку повертокъ;
Отъ того отъ ножика отскакивалъ,
Колпакомъ ножикъ пріотмахивалъ,
Пролетѣлъ ножикъ въ дверь бѣлодубову,
И выскочила дверь съ ободвериной:
Убила на смерть двѣнадцать Татаръ-сильныихъ,
А другихъ двѣнадцать ранила.
Кои Татарины ранены,
Тѣ клянутъ его, проклинаютъ:
«Будь ты три-проклятъ,
Наше сильное могучее Идолище!»
Тутъ Илюшѣ, не дойдетъ сидѣть,
Сидѣть Илюшѣ, высиживать:
Тутъ-то Илюша подскакивалъ,
Клюкой-то его въ голову поколачивалъ,
Тутъ-то поганое захамкало,
А въ другой разъ переправилъ (*),—повалилося.
Хватилъ онъ поганаго за ноги;
Началъ поганымъ помахивать
Этихъ Татаровей охаживать,
Бьетъ Илюша, выговариваетъ:
«А вотъ, ребята, оружье по плечу пришло?
А крѣнокъ на жилочкахъ,
Тянется поганый—самъ не рвется!»
Прибилъ онъ поганыихъ всѣхъ въ три часа,

(*) Ударилъ.

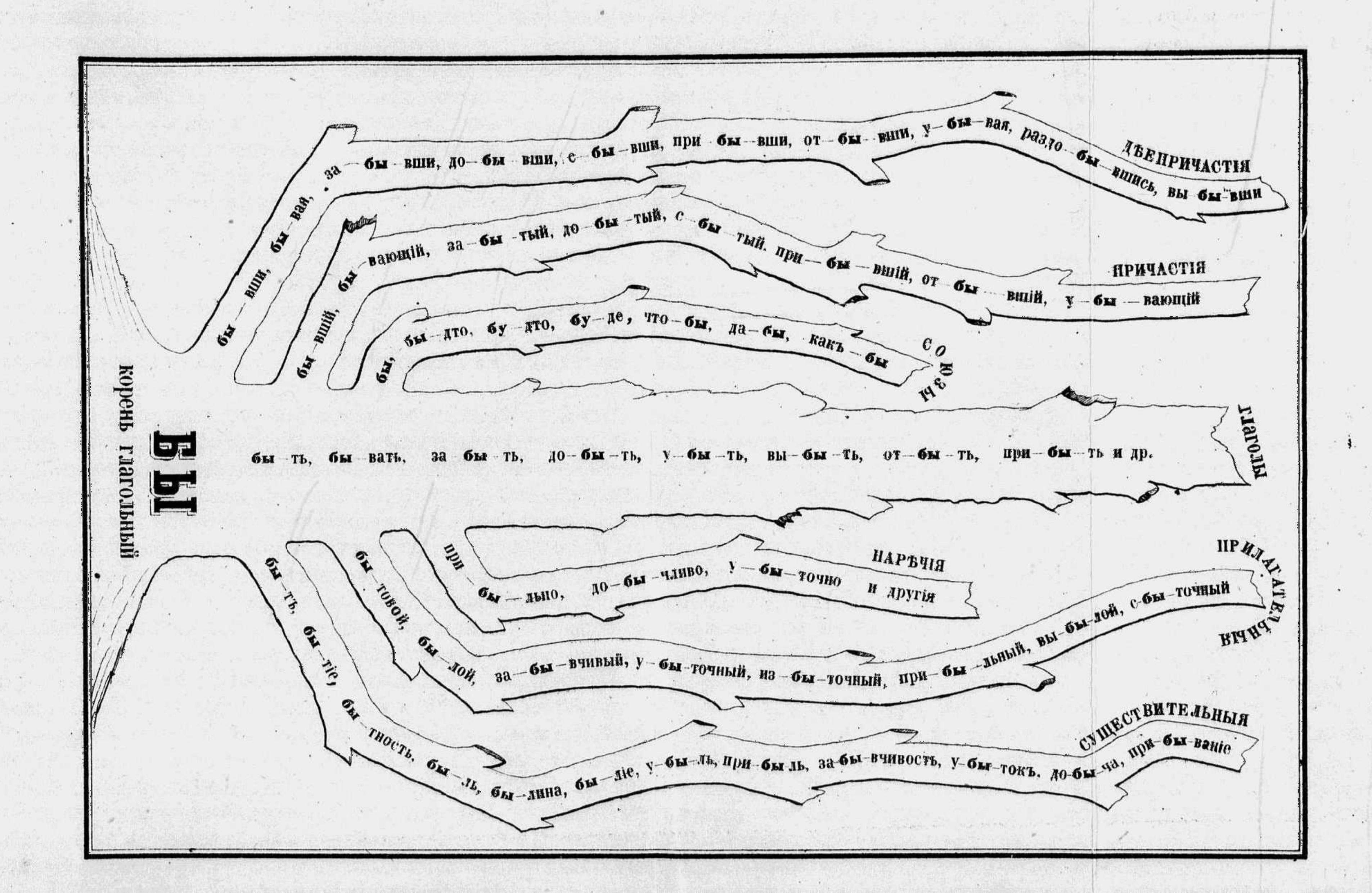
Не оставилъ поганыихъ на сѣмена.
Тутъ царь Константинъ Боголюбовичъ
Говоритъ промолвитъ таково слово:
«Ахъ ты, старый казакъ, Илья Муромецъ!
Живи-тка здѣсь воеводою,
А буду кормить тебя досыта,
Поить тебя буду до пьяна,
А денегъ тебѣ давать долюби.»
Гворитъ Илюша таковы слова:
«Благодарствуемъ царь, Константинъ Боголюбовичъ!
Послужилъ я у тебя только три часа,
А выслужилъ слово сладкое, увѣтливое,
Увѣтливое слово, привѣтливое,
А хлѣбъ-соль мягкую.
Служилъ-то я у князя Владиміра,
Служилъ я ровно тридцать лѣтъ,
А не выслужилъ слова сладкаго, увѣтливаго,
Увѣтливаго слова, привѣтливаго,
А хлѣбо-соли мягкія.
Да нельзя мнѣ здѣсь-ка жить;
Оставленъ оставежъ (*) на дорожкѣ есть.»
Царь Константинъ Боголюбовичъ
Насыпалъ ему чашу красна золота,
Другую насыпалъ чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга.
Принималъ тутъ Илюша со радостію,
Принимаетъ, самъ выговариваетъ:
«Это мое зарабочее.»
Тутъ-то Илюша поклонъ держалъ,
Тутъ-то Илюша распростился съ нимъ.
Пошелъ Илюша назадъ домой,
Пришелъ онъ на условное мѣстечко,
А тутъ-ко Иванище перетаскано,
Перетаскано Иванище, перетерзано

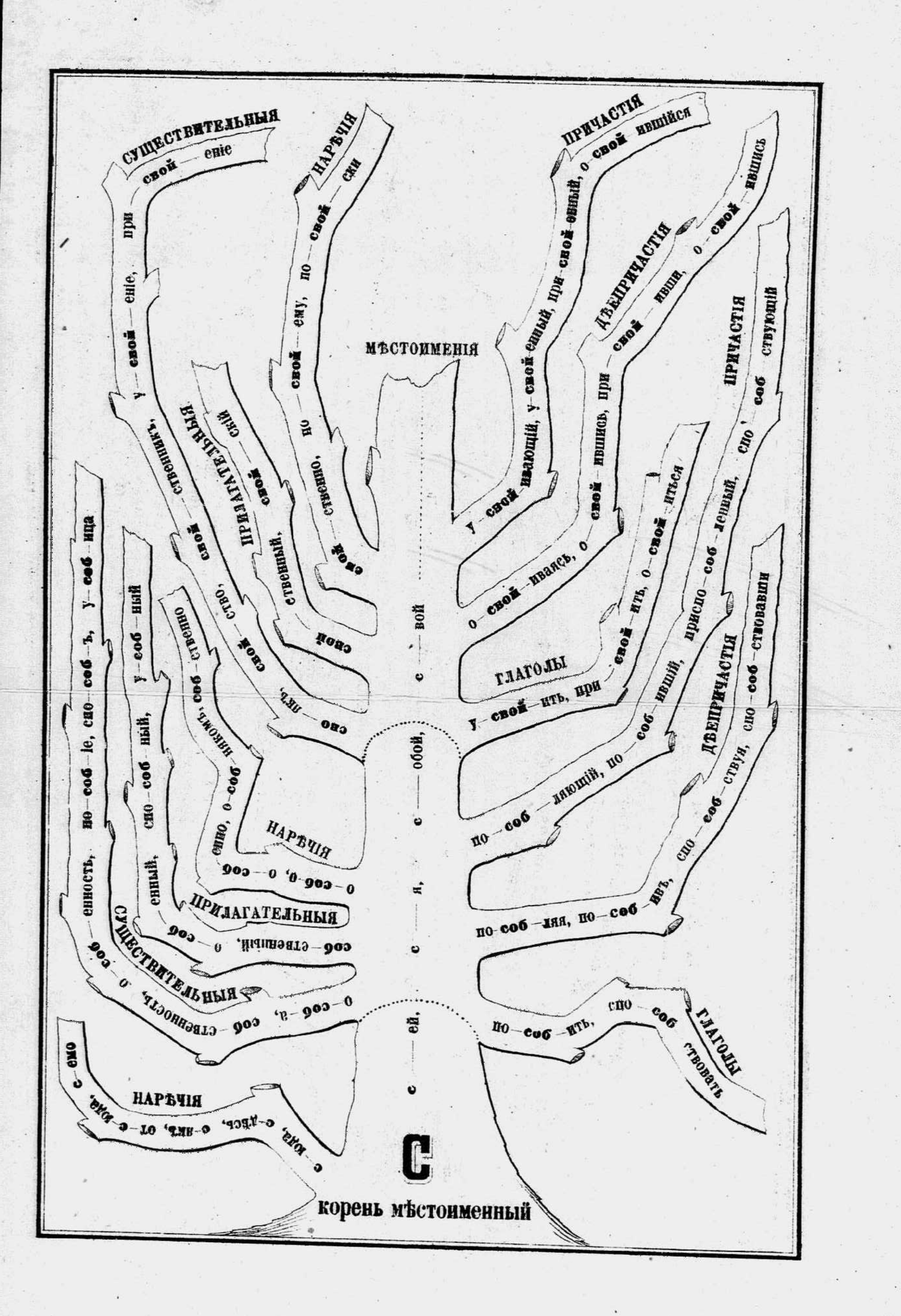
(*) т. е. Калика Иванище.

У того добра коня богатырскаго.
Скидывалъ съ себя платье каличіе,
Надѣвалъ опять платьица цвѣтныя;
Оба одѣлись, оба распростилися.
Говоритъ Илюша таковы слова:
«Впредь ты такъ, Иванище, не дѣлай-ка,
А выручай отъ бѣды напасти,
Не выдавай крещеныхъ поганымъ Татаровьямъ».
И тутъ-то старина объ Ильѣ Муромцѣ кончилась.
Тутъ вѣкъ про Илью старину поютъ
Синему морю на тишину,
А вамъ, добрымъ молодцамъ, на послушанье.

* * *

Охъ вы рощи, рощи зеленыя! липушки цвѣтныя!
Кустарнички молодые, орѣшнички густые!
Разростались, расплодились по крутымъ берегамъ,
По крутымъ берегамъ, все по быстрымъ рѣкамъ,
Коло Волги, коло Камы, коло Дона рѣки!
Обтекаютъ эти рѣчки славны Русски города;
Протекаетъ рѣка Волга коло Муромскихъ лѣсовъ,
Какъ плывутъ-то всплываютъ красны лодочки на ней;
Красны лодочки краснѣются, на гребцахъ шляпы чернѣются,
На самомъ-то есаулѣ черна соболя колпакъ.
Они ѣдутъ воспѣваютъ все про Муромски лѣса,
Они хвалютъ-величаютъ есаула молодца,
Есаула молодца, Илью Муромца!


БЫ
корень глагольный
ДѢЕПРИЧАСТІЯ
бы—вши, бы—вая, за—бы—вши, до—бы—вши, с—бы—вши, при—бы—вши, от—бы—вши, у—бы—вая, раздо—бы—вшись, вы—бы—вши
ПРИЧАСТІЯ
бы—вшій, бы—вающій, за—бы—тый, до—бы—тый, с—бы—тый. при—бы—вшій, от—бы—вшій, у—бы—вающій
СОЮЗЫ
бы, бы—дто, бу—дто, бу—де, что—бы, да—бы, какъ—бы
ГЛАГОЛЫ
бы—ть, бы—вать, за—бы—ть, до—бы—ть, у—бы—ть, вы—бы—ть, от—бы—ть, при—бы—ть и др.
НАРѢЧІЯ
при—бы—льно, до—бы—чливо, у—бы—точно и другія
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЯ
бы—товой, бы—лой, за—бы—вчивый, у—бы—точный, из—бы—точный, при—бы—льный, вы—бы—лой, с—бы—точный
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЯ
бы—ть, бы—тіе, бы—тность, бы—ль, бы—лина, бы—ліе, у—бы—ль, при—бы—ль, за—бы—вчивость, у—бы—токъ. до—бы—ча, при—бы—ваніе



МѢСТОИМЕНІЯ
с — ей, с — я, с — обой, с — вой
С
корень мѣстоименный
НАРѢЧІЯ
с — юда, с — дѣсь, с — ихъ, отъ — с — юда, с — емо
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЯ
о — соб — а, соб — ственность, о — соб — енность, по — соб — іе, спо — соб — ъ, у — соб — ица
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЯ
соб — ственный, о — соб — енный, спо — соб — ный, у — соб — ный
НАРѢЧІЯ
о — соб — о, о — соб — енно, о — соб — някомъ, соб — ственно
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЯ
свой — ство, свой — ственникъ, у — свой — еніе, при — свой — еніе
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЯ
свой — ственный, свой — скій
НАРѢЧІЯ
свой — ственно, по — свой — ему, по — свой — ски
ГЛАГОЛЫ
по — соб — ить, спо — соб — ствовать
ДѢЕПРИЧАСТІЯ
по — соб — ляя, по — соб — ивъ, спо — соб — ствуя, спо — соб — ствовавши
ПРИЧАСТІЯ
по — соб — ляющій, по — соб — ившій, присло — соб — ленный, спо — соб — ствующій
ГЛАГОЛЫ
у — свой — ить, при — свой — ить, о — свой — иться
ДѢЕПРИЧАСТІЯ
о — свой — иваясь, при — свой — ившись, о — свой — ивши
ПРИЧАСТІЯ
у — свой — ивающій, у — свой — енный, при — свой — енный, о — свой — ившійся

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2) Образованіе частей рѣчи.

3) Измѣненіе частей рѣчи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Разгадки.

1) Коса, трава и копна сѣна.
2) Птица въ клѣткѣ.
3) Берега и ледъ.
4) Дерево.
5) Ухватъ.
6) Слово.
7) Вѣникъ.
8) Ракъ.
9) Пчела.
10) Серпъ.
11) Комаръ.
12) Печной горшокъ.
13) Годъ, мѣсяцъ, недѣля, день и ночь.
14) Древесный сокъ, лучина, вѣникъ и лыко.